

1983

ISSN 0321-0359

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

2

1983

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Казаков Ю. Л., Мельник Ф. И. II съезд РСДРП и его историческое значение	3
Хромченко Д. Н. Участие комсомола Белоруссии в социально-экономическом преобразовании деревни (1938—1941)	6
Вайц В. Ф. Борьба Компартии Белоруссии за соблюдение Устава сельскохозяйственной артели и укрепление союза рабочего класса и крестьянства (1938—1941)	8
Стадуб И. Д. Совершенствование работы партийных комитетов Белоруссии с секретарями первичных партийных организаций (1945—1961)	9
Лебедева В. М. Партийное руководство идейно-политическим воспитанием сельских учителей Белоруссии (1966—1975)	12
Кузнецов Н. В. Руководство КПБ развитием научных исследований и внедрением их результатов в аграрное производство	15
Загоруйский Э. М. Милоградская и зарубицкая культуры	17
Шупляк П. А. Президентские выборы 1932 года в Германии и позиция профсоюзов	22

ФІЛАСОФІЯ

Касперович Г. И. Гносеологический статус понятия «чувственное познание»	25
Мигель Лимия Давид. Роль Комитетов защиты революции в развитии социалистической демократии на Кубе	29
Рамона Легра Санчес. Аграрные реформы и изменение социальной структуры кубинского крестьянства	32
Позняков В. В. Антигуманная сущность буржуазной массовой культуры	34
Кумачев А. И. О диалектическом характере устойчивости материальных систем	38
Титовец А. А. Исследование проблемы происхождения религии учеными БГУ имени В. И. Ленина	41
Михайлов В. А. К анализу логической структуры научной полемики	44
Уткевич В. А. Математическая модель как средство интеграция физическо-го знания	47

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

Дронь П. П., Шалькевич В. Ф., Тиво М. Д. Жизненность учения Маркса	51
Лаптенко В. С. Роль творческой интеллигенции в формировании личности строителя коммунизма	54
Мороз Н. Я. Социальная активность в системе отношений развитого социализма	56
Каплин А. И. О некоторых проблемах координации деятельности клубных учреждений и школ по культурному обслуживанию сельских жителей	58

ЭКАНОМІКА

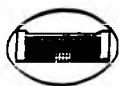
Сверчевски Мария. Объективный характер образования и развития аграрно-промышленных комплексов в социалистических странах	60
Базылев Н. И., Шимко А. К. О субординации в системе экономических законов социализма	63
Печай А. А. Особенности монополизации современного капиталистического производства и развивающиеся страны	66
Клюня В. Л. О сущности категорий «содержание», «характер» труда, «непосредственно общественный труд»	70
Пузиков В. В., Клементович Е. Е. Социально-экономическая эффективность процесса воспроизводства как народнохозяйственный оптимум	73

ПРАВА

Годунов В. Н. Сущность и правовое регулирование оптовой торговли средствами производства	76
--	----

- НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Игорь Вацлавович Оржеховский (К 50-летию со дня рождения)	79
Кирилл Кононович Герман (К 70-летию со дня рождения)	80

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1960 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

№ 2
ЛІПЕНЬ

Фундаментальная бібліятэка

БГУ

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛАРУСКІХ УНІВЕРСИТЕТА
ІМЯ У. І. ЛЕНІНА

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОУСКІ (*адказны сакратар*), І. І. ЖБАНКОВА,
У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (*нам. галоўнага рэдактара*),
А. М. САРЖЭЎСКІ, А. Я. СУПРУН, І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

І. І. ЖБАНКОВА (*адказны рэдактар*),
М. І. БАЗЫЛЕУ (*адказны сакратар*), Г. П. ДАВІДЗЮК,
П. П. ДРОНЬ, Э. М. ЗАГАРУЛЬСКІ (*нам. адказнага рэдактара*),
М. І. ЖУКАЎ, А. С. КЛЯУЧЭНЯ, А. А. КРУГЛОЎ,
М. І. КРУКОУСКІ, Г. М. ЛІУШЫЦ, Т. І. ПРЫТЫЦКАЯ,
В. В. СЦЕПІН, В. Ф. ЧЫГІР, М. Р. ЮРКЕВІЧ, С. Я. ЯН-
ЧАНКА

**ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА**

Серия III, № 2, 1983

Издательство Белорусского государственного
университета имени В. И. Ленина
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.
На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Смыч
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар С. В. Баленок
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Лморун

Здадзена ў набор 15.04.83. Падпісана да друку 23.06.83. АТ 16142. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7,0. Ум.
фарб.-адб. 7,44. Ул.-выд. арк. 8,7. Тыраж 1030 экз. Заказ 207. Ца-
на 80 кап.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.
220048, Мінск, Праспект Машэрава, 11. Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі праспект, 79.

Ю. Л. КАЗАКОВ, Ф. И. МЕЛЬНИК

II СЪЕЗД РСДРП И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

30 июля исполняется 80 лет со дня открытия II съезда РСДРП, завершившего процесс объединения революционных марксистских организаций России на идейно-политических и организационных принципах, разработанных В. И. Лениным. Была создана революционная пролетарская партия нового типа, партия большевиков-коммунистов, великая ленинская партия. «Большевизм,—писал В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»,—существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»¹.

Марксистская партия в России создавалась в период, когда капитализм вступил в высшую и вместе с тем последнюю стадию своего развития—империализм. При империализме до предела обостряются все противоречия капитализма, и для рабочего класса борьба за победу социалистической революции и установление диктатуры пролетариата становится актуальной практической задачей.

Пролетарская партия нового типа стала складываться в России с конца прошлого века. Процесс создания ее охватывает, как указывал В. И. Ленин, период с 70-х годов XIX века и особенно с момента основания группы «Освобождение труда» до 1903 года². Группа «Освобождение труда» сделала первый шаг навстречу рабочему движению. Крупной вехой на пути создания партии нового типа в России стал основанный В. И. Лениным в 1895 году в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898 году в Минске состоялся I съезд РСДРП, «провозгласивший основание Российской социал-демократической партии». Однако проходивший без участия Ленина и его соратников, которые находились в ссылке, съезд не мог выработать программу и устав партии, преодолеть разобщенность социал-демократического движения. Выдающаяся заслуга в идейной и организационной подготовке революционной пролетарской партии, в размежевании с оппортунистами принадлежит В. И. Ленину и созданной им газете «Искра». Деятельность ленинской «Искры» (1900—1903)—это целый исторический этап, завершившийся II съездом. Именно в этот, искровский, период на основе творческого развития положений К. Маркса и Ф. Энгельса, обобщения опыта российского и международного рабочего движения в эпоху империализма и пролетарских революций оформилось ленинское учение о партии нового типа, был детально разработан план ее создания и организационного построения.

Второй съезд РСДРП работал с 17 (30) июля по 10 (23) августа 1903 года сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне. На съезде присутствовало 43 делегата с правом решающего и 14 делегатов—с правом совещательного голоса. Они представляли 26 социал-демократических организаций. Партия к этому времени насчитывала в своих рядах несколько тысяч рабочих и идейно влияла на сотни тысяч беспартийных рабочих.

Главная задача съезда состояла «в создании действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой»... Исковская программа и направление должны были стать программой и направлением партии, искровские

организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии»³. Решение этой задачи затруднялось тем, что состав делегатов съезда был неоднороден. На нем были представлены как сторонники «Искры», так и ее открытые противники — «экономисты», бундовцы, центристы. Такая расстановка сил вызвала острую борьбу между революционными и оппортунистическими элементами по важнейшим вопросам повестки дня. Важнейшим делом съезда явилось принятие Программы РСДРП — первой программы пролетарской партии России в корне отличной от программ социал-демократических партий западноевропейских стран.

В Программе содержались ответы на вопросы, волновавшие самые широкие массы трудящихся, давалась характеристика капитализма, обосновывалась всемирно-историческая миссия пролетариата — разрушителя строя эксплуатации и насилия, творца нового, социалистического общества. Необходимым условием социальной революции пролетариата, которая уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, Программа признала диктатуру пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить сопротивление эксплуататоров. Констатируя, что в России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще многочисленные остатки старого, докапиталистического порядка и что самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие, РСДРП поставила в качестве ближайшей политической задачи (программа-минимум) низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой как обязательное предварительное условие пролетарской революции и социалистического переустройства общества (программа-максимум). Принятая II съездом Программа РСДРП явилась серьезным вкладом в революционную теорию марксизма, была знаменем широких трудящихся масс России в их борьбе за свержение власти царя и помещиков, а затем и буржуазии и установление диктатуры пролетариата. Программа заложила прочную основу идейного единства партии, которое было необходимо дополнить единством организационным. Без укрепления идейного единства единством организации успешная деятельность партии невозможна. Надо было принять Устав партии. Наряду с Программой Устав является главным документом, основным законом партийной жизни. II съезду был представлен на обсуждение проект Устава партии, написанный В. И. Лениным. Наиболее острая борьба развернулась при рассмотрении первого параграфа Устава — о членстве в партии. Ленинская формулировка первого параграфа, предусматривающая личное участие в одной из партийных организаций, четко определяла организационные рамки партии, требовала от членов партии высокой дисциплины, обеспечивала руководство и контроль за каждым ее членом, служила преградой для проникновения в партию чуждых, случайных элементов. В. И. Ленин выступил за боевую, дисциплинированную, сплоченную партию. Формулировка первого параграфа Устава, предложенная на съезде Мартовым, гласила: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, принимающий ее Программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций»⁴. Коренной порок мартовской формулировки состоял в том, что всякий желающий мог сам зачислить себя в партию, не входить ни в одну из ее организаций, не участвовать в работе этой организации, не обязан был подчиняться партийной дисциплине, отвечать за дело партии. Мартов и его сторонники брали за образец уставы партий II Интернационала, в которых отсутствовало четкое определение членства, обеспечивающее крепкую организацию и дисциплину.

Решительно разоблачая оппортунизм Мартова и его сторонников в организационных вопросах, В. И. Ленин доказывал: «Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии... чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии... Наша задача — оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше — и поэтому я против формулировок Мартова»⁵. Оппортунистам во главе с Мартовым удалось создать коалицию и получить небольшой количественный перевес при голосовании. В результате первый параграф Устава был принят в формулировке Мартова. И все же победа мартовцев оказалась призрачной, так как остальные параграфы Устава были утверждены съез-

дом в ленинской редакции. Через два года III съезд РСДРП принял первый параграф Устава в ленинской формулировке.

Помимо программных и организационных II съезд рассмотрел и решил ряд вопросов, определяющих тактику партии. Съезд избрал редакцию Центрального Органа и Центральный Комитет партии. В. И. Ленин еще до съезда внес предложение об избрании двух троек (трех редакторов ЦО и трех членов ЦК) и отстаивал его на съезде. Мартов и его сторонники потребовали, чтобы съезд не избирал новой редакции ЦО, а утвердил ее старый состав. При выборах руководящих органов партии прошли предложения В. И. Ленина, получившие большинство голосов, предложения Мартова провалились. Результаты голосования при выборах ЦО и ЦК закрепили победу революционного направления в РСДРП над оппортунистическим, ленинских принципов партийности над кружковщиной и кустарничеством. С тех пор сторонников В. И. Ленина, твердых искровцев, получивших большинство голосов на выборах, стали называть большевиками, а сторонников Мартова — меньшевиками. Так произошел раскол на большевиков и меньшевиков, который привел к образованию двух партий — подлинно пролетарской, революционной и мелкобуржуазной, соглашательской. Формально раскол произошел по вопросу о составе центральных учреждений партии. На самом деле причиной раскола явились различные взгляды на характер и роль партии. Речь шла о том, быть или не быть в России партии социальной революции и диктатуры пролетариата, действительно революционной марксистской партии рабочего класса. Основной итог II съезда РСДРП — создание в России пролетарской партии нового типа, партии большевиков, великой ленинской партии. Партия нового типа родилась в результате беспощадной и бескомпромиссной борьбы В. И. Ленина с оппортунистами, что в конечном итоге привело к полной победе ленинских идей и принципов в вопросах программы, тактики и организации. Именно в результате непримиримой борьбы с оппортунистическими взглядами «экономистов», бундовцев, центристов, мартовцев были решены по-марксистски, по-ленински насущные вопросы рабочего революционного движения — о партии, о гегемонии пролетариата в революции, о диктатуре пролетариата, национальный вопрос, вопросы тактики. По своему значению эти вопросы далеко выходили за рамки российского освободительного движения. РСДРП была единственной в мире рабочей партией, в программе которой была сформулирована идея диктатуры пролетариата. Поэтому съезд явился поворотным пунктом не только в российском, но и в международном рабочем движении.

Возникновением большевизма был нанесен мощный удар по ревизионизму, по всему международному оппортунизму. В большевизме был возрожден и получил дальнейшее развитие революционный марксизм, который западноевропейские и русские оппортунисты пытались извратить, оплошлить и похоронить. Большевизм стал боевым знаменем международного революционного пролетариата, он дал интернациональному, коммунистическому движению «идею, теорию, программу, тактику, отличающуюся конкретно, практически, от социал-шовинизма и социал-пацифизма»⁶. Большевики воплотили в жизнь «...ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами»⁷.

Наша Коммунистическая партия со времени II съезда прошла славный 80-летний путь. Под ее руководством победила Великая Октябрьская социалистическая революция, построено развитое социалистическое общество, успешно претворяются в жизнь решения XXVI съезда о коммунистическом строительстве. «...Все наши достижения и победы неразрывно связаны с деятельностью ленинской партии коммунистов. Именно партия была и остается той могучей творческой, мобилизующей силой, которая обеспечивает непрерывное движение вперед на всех направлениях общественного прогресса»⁸. Огромный опыт КПСС в осуществлении марксистско-ленинского учения, в руководстве революционной борьбой, строительством социализма и коммунизма, большой опыт совершенствования самой партии в соответствии с требованиями каждого нового исторического этапа стал достоянием всего международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.

² Там же, т. 43, с. 331.

³ Там же, т. 8, с. 193.

⁴ Второй съезд РСДРП: Протоколы.— М., 1959, с. 425.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 290—291.

⁶ Там же, т. 37, с. 304.

⁷ Там же, т. 34, с. 332.

⁸ Шестидесять лет СССР: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 21 декабря 1982 года.— Коммунист, 1983, № 1, с. 14.

Д. Н. ХРОМЧЕНКО

УЧАСТИЕ КОМСОМОЛА БЕЛОРУССИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ ДЕРЕВНИ (1938—1941)

На всех этапах развития социалистического общества ближайшим помощником партии в проведении социально-экономических преобразований зарекомендовал себя Ленинский комсомол. Постоянно совершенствуя формы и методы трудового воспитания, комсомольские организации стремятся, чтобы, говоря словами В. И. Ленина, «каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую»¹.

Особое значение приобрела деятельность комсомола Белоруссии по развитию сельского хозяйства в годы третьей пятилетки. В это время в сельской местности состояло на учете 31 297 членов ВЛКСМ, комсомольские организации имелись в 3931 колхозе². Учитывая важность усиления влияния комсомола в деревне, октябрьский (1938) Пленум ЦК КП(б)Б назвал работу по увеличению численности и количества колхозных комсомольских организаций одной из основных задач партийного руководства молодежью³. Решения пленума активизировали работу по вовлечению юношей и девушек в ряды ВЛКСМ. В мае 1940 года в колхозах, совхозах, МТС республики уже насчитывалось 61 797 комсомольцев. Комсомольские организации действовали в 73 % колхозов⁴.

Значительное усиление влияния комсомола на хозяйственную деятельность вызвал XVIII съезд ВКП(б), который дополнил устав партии разделом, предоставлявшим комсомольским организациям право широкой инициативы в обсуждении и решении хозяйственных вопросов. Состоявшийся в апреле 1939 года пленум ЦК ВЛКСМ рассмотрел вопрос «О работе организаций ВЛКСМ в связи с решениями XVIII съезда ВКП(б) «и обязал комсомольцев активно включаться в государственную и хозяйственную жизнь страны»⁵. Комсомольцы и молодежь развернули социалистическое соревнование за претворение в жизнь решений партийного съезда и пленума ЦК ВЛКСМ. В ходе соревнования родилось патриотическое движение звеньев высокого урожая. Уже в 1939 году на полях колхозов и совхозов республики работало 3574 комсомольско-молодежных звена высокого урожая, объединивших около 80 тыс. земледельцев⁶. Бюро ЦК ЛКСМБ, рассмотрев в ноябре 1939 года итоги работы комсомольско-молодежных звеньев высокого урожая, приняло решение одобрить и всемерно распространять этот опыт⁷. Большое внимание комсомольские организации республики уделяли подъему животноводства. Они укрепляли фермы кадрами, участвовали в заготовке кормов. Ценную инициативу проявили комсомольцы колхоза имени Ворошилова Городокского района Витебской области, взяв шефство над тремя животноводческими фермами⁸. Этот почин получил широкое распространение среди сельской молодежи. Многие комсомольские организации активно участвовали в строительстве и ремонте животноводческих помещений. С их помощью в 1939—1940 годах было построено или отремонтировано 10 983 фермы⁹.

Работа комсомольцев на полях и фермах способствовала улучшению хозяйственной деятельности колхозов и совхозов, совершенствованию организации труда. Однако упрочению колхозного строя мешали хутора, которых в Белоруссии в 1938 году было около 170 тыс.¹⁰. Разобщенность селений отрицательно сказывалась на организации производственного процесса, проведении массово-политической работы, уровне коллективизации. К началу третьей пятилетки в деревнях, главным образом на хуторах, проживало еще около 100 тыс. единоличников, что составляло 12,4 % всех хозяйств¹¹. Пленум ЦК КП(б)Б 3—6 июня 1939 года обсудил вопрос «О сселении дворов колхозников, которые проживают на бывших участках

хуторского землепользования, на колхозные центры». Было намечено в 1939 году перевезти на центральные усадьбы 93 300 домов и хозяйственных построек¹². Выполняя решения пленума, партийные, советские и комсомольские органы развернули широкую организаторскую и разъяснительную работу среди населения. В комсомольских организациях были проведены открытые собрания, в деревни направлены агитаторы для разъяснения решений партии. Комсомольцы и молодежь приняли самое непосредственное участие в селении хуторских хозяйств, личным примером увлекая за собой крестьян. Пуховичский райком комсомола Минской области создал 19 комсомольско-молодежных бригад скоростного строительства в количестве 280 человек¹³. Опыт работы скоростных молодежных бригад Пуховичского района получил широкое распространение в других районах республики. В движении по селению хуторских хозяйств приняло участие свыше 35 тыс. комсомольцев, 2619 комсомольско-молодежных бригад¹⁴. В колхозные центры было перевезено 109 тыс. домов и хозяйственных построек¹⁵.

В кампании по селению хуторских хозяйств комсомольцы проводили большую политико-разъяснительную работу среди единоличников. В результате только в 1939 году в Полесской области вступило в колхозы 1450 единоличных хозяйств, в Минской области — 643, Могилевской — 1264¹⁶. Аналогичное положение наблюдалось и в других областях Белоруссии. В итоге с 1 января 1938 года по 1 июля 1939 года процент коллективизации возрос с 87,6 до 92¹⁷. Участие комсомола в селении хуторских хозяйств было высоко оценено ЦК Компартии Белоруссии. «Можно смело сказать, — подчеркнул на XVIII съезде КП(б)Б секретарь ЦК КП(б)Б тов. Пономаренко П. К., — что работа комсомольской организации Белоруссии по селению хуторов является примером того, как должен комсомол помогать партии»¹⁸.

Наряду с ликвидацией хуторской системы комсомольцы республики внесли весомый вклад в освоение новых земель. Необходимость мелиорации вызывалась тем, что в Белоруссии до 24 % общей территории занимали болота, а в отдельных областях заболоченность достигала 50 %. ЦК КП(б)Б и СНК БССР в начале 1940 года утвердили мероприятия по улучшению мелиоративного строительства в республике. 21 апреля 1940 года бюро ЦК ЛКСМБ приняло решение «Об участии комсомольских организаций в мелиоративном строительстве в БССР»¹⁹. Руководствуясь указаниями ЦК ЛКСМБ, обкомы и райкомы комсомола направили в деревни агитаторов, провели собрания молодежи. За короткое время было создано 800 комсомольско-молодежных бригад, в состав которых вошло около 16 тыс. юношей и девушек²⁰. Всего же в мелиоративных работах приняло участие 63 300 колхозников. Было осушено 68 тыс. га заболоченных земель, поднято 41 тыс. га целины, окультурено 78 тыс. га лугов и пастбищ, т. е. больше, чем за три предыдущих года²¹. Еще более повысило трудовую активность колхозников постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6 марта 1941 года «Об осушении болот в Белорусской ССР и использовании осушенных земель колхозами для расширения посевных площадей и сенокосов», которое выдвинуло задачу — в ближайшие 15 лет осушить и освоить 4 млн. га болот и заболоченных массивов, в том числе в 1941 году осушить 100 тыс. и освоить 92 тыс. га²². Молодежь республики с энтузиазмом включилась в выполнение этой грандиозной программы. Все большее распространение получали комсомольско-молодежные звенья. Многие звенья выполняли по 2—3 нормы. С их помощью к 10 июня 1941 года в республике было уже осушено 57 464 га заболоченных земель²³.

В годы третьей пятилетки комсомол Белоруссии внес весомый вклад в развитие социалистической экономики, что имело немаловажное значение для укрепления обороноспособности страны. Война помешала созидательному труду сельских труженников и только в послевоенные годы в результате целенаправленной политики партии и правительства начатые работы по преобразованию сельского хозяйства получили дальнейшее развитие.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 318.

² См.: Чырвоная змена, 1938, 6 июля.

³ См.: Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 2, д. 408, л. 49.

⁴ См.: Бальшавік Беларусі, 1940, № 5.

- ⁵ См.: ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 2, д. 175, л. 112.
- ⁶ См.: Там же, ф. 1, оп. 10, д. 400, л. 4.
- ⁷ См.: Там же, ф. 1, оп. 10, д. 406, л. 11.
- ⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 1, д. 157, л. 20.
- ⁹ Там же, ф. 63, оп. 1, д. 150, л. 25.
- ¹⁰ См.: Бальшавік Беларусі, 1940, № 5, с. 27.
- ¹¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 177, л. 72.
- ¹² См.: Бальшавік Беларусі, 1940, № 5, с. 28.
- ¹³ См.: Сталинская молодежь, 1939, 24 июня.
- ¹⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 1, д. 150, л. 23.
- ¹⁵ ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 2, д. 91, л. 177.
- ¹⁶ См.: Комсомольская правда, 1939, 3 сентября.
- ¹⁷ См.: Бальшавік Беларусі, 1940, № 5, с. 26.
- ¹⁸ Там же, с. 77.
- ¹⁹ См.: ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 10, д. 401, л. 221, 222.
- ²⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 1, д. 150, л. 24.
- ²¹ См.: Чырвоная змена, 1941, 21 марта.
- ²² Там же.
- ²³ Там же, 15 июня.

В. Ф. ВАЙЦ

БОРЬБА КОМПАРТИИ БЕЛОРУССИИ ЗА СОБЛЮЖДЕНИЕ УСТАВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АРТЕЛИ И УКРЕПЛЕНИЕ СОЮЗА РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА (1938—1941)

К концу 30-х годов в развитии колхозов обнаружили явления, наносящие ущерб коллективному хозяйству. Они выражались в разнообразных формах нарушения Устава колхоза. Основными причинами их были частнособственнические, мелкобуржуазные пережитки у части крестьянства. Различия интересов рабочего класса и крестьянства, связанные с наличием двух форм социалистической собственности, а также с тем, что часть доходов крестьянство получало от личного подсобного хозяйства, порождало определенные противоречия в области материального производства. Нарушения Устава усиливали эти противоречия.

Мартовский (1938) Пленум ЦК КП(б)Б указал на имеющиеся в республике явные нарушения Устава сельскохозяйственной артели и потребовал от партийных организаций их устранения¹. Нарушения Устава выражались в превышении установленных норм содержания скота в личном пользовании, в незаконном увеличении земельных приусадебных участков, в создании преимущественного права единоличникам и ущемлении прав колхозников. Но как решение пленума, так и Постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 28 октября 1938 года «О фактах нарушения Устава сельскохозяйственной артели»² не поставили перед партийными и советскими органами республики задач по экстренному устранению этих нарушений, оставили безнаказанными прямых виновников нарушений. И только после принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 4 декабря 1938 года «О нарушениях Устава сельскохозяйственной артели в колхозах Белорусской ССР»³ в республике развернулась активная работа по исправлению ошибок. Уже 9 декабря 1938 года ЦК КП(б)Б созывает совещание секретарей районных комитетов партии и председателей райисполкомов. Совещание приняло решение о проведении массово-разъяснительной работы в колхозах как действенного средства по устранению нарушений⁴. В январе 1939 года состоялся IV Пленум ЦК КП(б)Б, который осудил всякие действия, направленные на подрыв колхозного строя, и помог партийным организациям взять верное направление в преодолении ошибок⁵. Выполняя решения Пленума, бюро Полесского обкома КП(б)Б обязало свои партийные организации в кратчайшие сроки провести совещания председателей сельских Советов и колхозов, на которых обсудить постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР⁶. По решению Гомельского обкома КП(б)Б в области в январе 1939 года состоялось 242 пленума сельских Советов, во всех колхозах прошли общие собрания и политдни⁷. Эти и многие другие факты показывали, что развитие и упрочение социалистических производственных отношений в деревне зависит от неукоснительного соблюдения Устава сельскохозяйственной артели. Свидетельством правильности линии партии и растущего доверия к ней крестьянства стал значительно усиливающийся приток единоличников в колхозы. За

первые полтора года третьей пятилетки в колхозы республики вступило около 70 тыс. единоличных крестьянских хозяйств⁸.

Важнейшим документом, содействующим организационно-хозяйственному укреплению колхозов, явилось постановление майского (1939) Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах охраны общественных земель колхозников от разбазаривания»⁹. Данное постановление и решение V Пленума ЦК КП(б)Б¹⁰, состоявшегося в июне 1939 года, стали боевой программой партийных организаций республики в деле упрочения общественного хозяйства в колхозах. Партийные организации уделяли повседневное внимание укреплению производственной дисциплины в колхозах. Нарушение Устава сельскохозяйственной артели, расхищение колхозных земель вело к тому, что колхозники прекращали работу в общественном хозяйстве, занимаясь только личным хозяйством. В республике в 1938 году 85 тыс. трудоспособных колхозников не выработали ни одного трудодня¹¹. Пленум Минского обкома КП(б)Б в июне 1939 года, проанализировав состояние трудовой дисциплины в колхозах области, принял конкретные меры по подъему уровня трудовой дисциплины¹². Большую работу в этом направлении провели Горецкий, Быховский и Меховский районные комитеты КП(б)Б. Работа партийных организаций республики по укреплению трудовой дисциплины в колхозах дала определенные результаты. Уже в 1939 году число колхозников, не работавших в общественном хозяйстве, сократилось более чем вдвое и составило 37 тыс. человек¹³.

Многогранная деятельность партийных организаций республики по преодолению нарушений Устава колхоза способствовала тому, что к началу 1941 года абсолютное большинство крестьянских хозяйств было объединено в колхозы, выросла урожайность, улучшилось материальное положение колхозников. Возросло доверие колхозного крестьянства к коммунистической партии, окреп союз рабочего класса и крестьянства.

⁸ См.: Хроника важнейших событий истории КПБ.— Минск, 1970, ч. 2, с. 395.

⁹ См.: Очерки истории КПБ.— Минск, 1967, ч. 2, с. 283.

¹⁰ См.: Хроника важнейших событий истории КПБ, с. 405.

¹¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 117, л. 1—52.

¹² Хроника важнейших событий истории КПБ, с. 408.

¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 550, л. 195—197.

¹⁴ Государственный архив Гомельской области, ф. 1230, оп. 1, д. 8, л. 48—49.

¹⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 192, л. 7.

¹⁶ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов.— М., 1971, т. 5, с. 398—404.

¹⁷ См.: Хроника важнейших событий истории КПБ, с. 417.

¹⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 192, л. 7.

¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 516, л. 190.

²⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 203, л. 142.

И. Д. СТАДУБ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАБОТЫ ПАРТИЙНЫХ КОМИТЕТОВ БЕЛОРУССИИ С СЕКРЕТАРЯМИ ПЕРВИЧНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (1945—1961)

В послевоенные годы Компартия Белоруссии уделяла много внимания совершенствованию работы партийных комитетов с секретарями первичных партийных организаций. После освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков партийные комитеты приступили к восстановлению и созданию партийных организаций и подбору их секретарей. Уже по состоянию на 1 января 1945 года были созданы 1921 первичная партийная организация, 342 кандидатские и 61 партийно-комсомольские группы. Однако значительную часть партийных организаций составляли малочисленные, а большинство секретарей не имело достаточного уровня образования и опыта партийной работы¹.

Важную роль в улучшении работы с секретарями партийных организаций сыграло постановление ЦК ВКП(б) от 26 июля 1945 года «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)». Оно обязало партийные комитеты улучшить руководство первичными организациями, регулярно инструктировать секретарей, «оказывать им необходимую помощь

на месте, своевременно знакомить их с решениями руководящих партийных органов, обобщать и распространять положительный опыт работы партийных организаций»². Претворяя постановление в жизнь, партийные комитеты стали глубже вникать в деятельность партийных организаций, лучше инструктировать секретарей, больше оказывать им помощи в практической работе, знакомить с решениями вышестоящих партийных органов. Многие делалось по совершенствованию работы семинаров при горкомах и райкомах партии, являвшихся одной из важнейших форм обучения секретарей практике партийной работы и повышения их идейно-теоретического уровня. На бюро и пленумах партийных комитетов стали чаще обсуждаться отчеты секретарей, обобщаться и распространяться опыт работы лучших из них. Анализ деятельности секретарей партийных организаций помогал им принимать правильные решения, разнообразить методы работы, своевременно устранять недостатки. Много внимания росту рядов и обучению секретарей первичных организаций уделял, например, Жабинковский райком партии Брестской области. К середине 1947 года в этом районе было подготовлено и принято кандидатами в члены ВКП(б) 112 человек из местного населения, что позволило укрепить существовавшие парторганизации, а также создать 11 территориальных и 3 колхозные. Работники райкома учили секретарей практике подготовки и проведения партийных собраний, планированию работы, оформлению документов и т. д. Вопросы деятельности партийных организаций регулярно обсуждались на бюро райкома. Постоянное внимание районного комитета партии к секретарям, умелое руководство ими способствовали улучшению организационно-партийной и массово-политической работы на местах, успешному выполнению хозяйственных и политических задач³. Хорошо была налажена работа с секретарями парторганизаций в Минском, Витебском, Борисовском горкомх, Горецком, Скидельском, Хойникском, Оршанском райкомах и других партийных комитетах.

Однако не все горкомы и райкомы проявляли должную заботу о создании устойчивых кадров руководителей партийных организаций. Поэтому в секретари попадали люди, которые не обладали необходимыми организаторскими способностями, не были связаны с производством, особенно это касалось сельской местности. В некоторых партийных организациях работа находилась в запущенном состоянии, в течение нескольких месяцев не созывались собрания, многие коммунисты не имели партийных поручений, политическая учеба проводилась на низком идейно-теоретическом уровне, секретари партийных организаций мало интересовались работой производственных коллективов. Такие недостатки имели место в работе Речицкого, Жлобинского, Чаусского, Сморгонского, Кличевского, Заславского, Дзержинского, Березинского и ряда других партийных комитетов. Здесь редко заслушивали отчеты секретарей партийных организаций на заседаниях бюро, в течение длительного времени не интересовались их работой. Так, за 1946 и январь 1947 года бюро Речицкого райкома КП(б)Б обсудило 130 вопросов и только один из них был посвящен работе партийной организации колхоза⁴. За восемь месяцев 1948 года Червенский, Холопеничский, Дзержинский, Бегомльский, Кричевский райкомы ни разу не заслушивали отчетов о работе секретарей партийных организаций⁵.

Неквалифицированное руководство партийными организациями приводило к тому, что во время отчетно-выборных собраний работа многих из них признавалась неудовлетворительной, происходила большая сменяемость секретарей. Например, во время отчетно-выборной кампании 1946 года работа 22 % партийных организаций республики была признана неудовлетворительной⁶, произошла замена 49 % секретарей и 73,6 % их заместителей⁷. В 1947 году более 14 % первичных партийных организаций Белоруссии работали неудовлетворительно, а в течение года сменилось свыше 70 % секретарей. В 1948 году было заменено 56,4 % секретарей первичных партийных организаций⁸.

Важную роль в устранении недостатков, в дальнейшем совершенствовании работы партийных комитетов с секретарями партийных организаций сыграли решения XIX и XX съездов КПСС, XX—XXII съездов КПБ, сентябрьского (1953) Пленума ЦК КПСС, а также постановление ЦК КП(б)Б от 25 апреля 1951 года «О мерах по дальнейшему улучшению работы колхозных первичных партийных организаций в республике»⁹. Выполняя указанные решения, партийные комитеты Белоруссии стали чаще обсуждать работу первичных организаций на бюро и пленумах, больше заботить-

ся о повышении идейно-политического уровня и деловой квалификации секретарей, регулярнее инструктировать их на местах. При партийных комитетах были созданы школы секретарей первичных партийных организаций, совершенствовалась работа курсов. В школах и на курсах изучались вопросы марксистско-ленинской теории, партийного строительства, экономики промышленности и сельского хозяйства. Многие горкомы и райкомы партии периодически проводили семинары секретарей на передовых промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах. С лекциями и докладами перед слушателями семинаров выступали руководящие работники обкомов, горкомов и райкомов партии, советских и хозяйственных органов, здесь происходил обмен опытом партийной и хозяйственной работы.

Повышению уровня руководства партийных комитетов секретарями партийных организаций способствовало и улучшение расстановки коммунистов. После сентябрьского (1953) Пленума ЦК КПСС из городов и районных центров было направлено работать в сельскую местность значительное количество коммунистов, что позволило укрепить существовавшие партийные организации и создать новые. Если в 1954 году в 44,2 % колхозов Белоруссии не было партийных организаций, то уже в 1957 году они были созданы во всех сельскохозяйственных артелях¹⁰. Секретарями партийных организаций колхозов были избраны заместители председателей, бригадиры, заведующие фермами, специалисты сельского хозяйства, колхозники. Например, серьезное внимание укреплению состава секретарей колхозных партийных организаций уделял Копыльский райком партии. В районе многое делалось по их подбору и расстановке. Секретарями подбирались и рекомендовались специалисты сельского хозяйства, передовые колхозники, в результате большинство парторганизаций стали возглавлять лица, которые были связаны с колхозным производством. Если в 1953 году из 32 секретарей партийных организаций района только 7 работали в колхозах, то в 1959 году из 38 секретарей парторганизаций 32 были связаны с колхозным производством, 11 из них работали заместителями председателей колхозов, 4 — агрономами, 8 — бригадирами, 5 — заведующими фермами и 4 — рядовыми колхозниками¹¹.

Много внимания улучшению состава секретарей партийных организаций уделялось в Могилевской области. Так, если в 1956 году почти две трети партийных организаций колхозов области возглавляли директора школ¹², то в 1959 из 329 секретарей колхозных парторганизаций 290 работали в сфере сельскохозяйственного производства. В 1959 году большинство парторганизаций колхозов, предприятий и строек Гомельской области также возглавляли коммунисты, непосредственно связанные с производством¹³. Всего же в 1959 году 80 % колхозных парторганизаций республики возглавляли колхозники и специалисты сельского хозяйства¹⁴.

Реорганизация МТС, осуществленная в соответствии с решениями февральского (1958) Пленума ЦК КПСС, позволила направить в колхозы и совхозы большое количество коммунистов, прежде всего механизаторов и специалистов сельского хозяйства. Первичные партийные организации села еще более окрепли. Во многих из них были избраны бюро, а в ряде — партийные комитеты. В полеводческих и тракторных бригадах, на животноводческих фермах стали создаваться цеховые партийные организации или партийные группы. Возросло количество таких организаций и групп в цехах, производственных бригадах, на промышленных предприятиях, участках, стройках и транспорте. Все это вносило много нового в работу партийных организаций, повышало ответственность секретарей за работу производственных коллективов, они стали больше оказывать помощи их руководителям в организационной и массово-политической работе, в коммунистическом воспитании трудящихся.

Укрепление инструкторского состава партийных комитетов после реорганизации МТС подготовленными работниками и закрепление за каждым из них определенного количества партийных организаций позволило лучше знать положение дел в каждой из них, оказывать своевременную и квалифицированную помощь секретарям в налаживании организационно-партийной и партийно-политической работы, своевременно устранять недостатки, обобщать и распространять опыт работы лучших партийных организаций.

Постоянная забота Центрального Комитета, обкомов и райкомов КПБ об улучшении состава кадров секретарей, совершенствование их обучения и воспитания способствовали не только улучшению работы и повышению роли партийных организаций в решении народнохозяйственных задач, но

и оказали благотворное влияние на качественный состав руководителей парторганизаций. Так, в 1961 году 64 % секретарей парторганизаций республики имели высшее и среднее образование. Из 8239 секретарей, избранных в 1961 году, 389 были рабочими, 1105 — колхозниками, 738 — инженерно-техническими работниками, 535 — специалистами сельского хозяйства. Первичные партийные организации возглавляли 5211 белорусов, 1135 женщин¹⁵.

Таким образом, в исследуемые годы партийные комитеты Белоруссии сделали многое по дальнейшему совершенствованию работы с секретарями партийных организаций, по их обучению, воспитанию и улучшению качественного состава. Все это способствовало повышению роли и значения парторганизаций в политической и организаторской работе Компартии Белоруссии, воспитанию трудящихся, в успешном выполнении народнохозяйственных планов. «Необходимо и впредь, — подчеркивалось на XXIX съезде КПБ, — повышать боевитость парторганизаций, усиливать их влияние на решение производственных и воспитательных задач»¹⁶.

¹⁵ См.: Доркин В. Первичная партийная организация. — Минск, 1973, с. 27, 28.

¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК — М., 1971, т. 6, с. 158.

¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 241, л. 38—39.

² Там же, д. 238, л. 145.

³ См.: Большевик Белоруссии, 1948, № 10, с. 33.

⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 232, л. 167.

⁵ См.: Большевик Белоруссии, 1946, № 10, с. 39.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 246, л. 8; оп. 2, д. 213, л. 296.

⁷ См.: Советская Белоруссия, 1951, 29 мая; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 418, л. 9—13.

⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 236, л. 513; Коммунист Белоруссии, 1956, № 4, с. 61; 1957, № 11, с. 24.

⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 96, д. 3148, л. 125—126.

¹⁰ Коммунист Белоруссии, 1959, № 1, с. 24.

¹¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 96, д. 3148, л. 153; оп. 20, д. 359, л. 6.

¹² См.: Коммунист Белоруссии, 1959, № 7, с. 26.

¹³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 248, л. 616; д. 3557, л. 24.

¹⁴ Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Белоруссии. — Минск, 1981, с. 46.

В. М. ЛЕБЕДЕВА

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ИДЕИНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ВОСПИТАНИЕМ СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ (1966—1975)

Возрастающее техническое обеспечение и дальнейшая интенсификация сельского хозяйства, решение задач социального и культурного развития советской деревни предъявляют высокие требования к общеобразовательной подготовке тружеников села, к работе сельской школы, а следовательно, и к педагогическим кадрам. XXVI съезд КПСС указал, что в деле повышения качества обучения и воспитания, подготовки молодежи к общественно полезному труду решающая роль принадлежит учителю¹. В 8-й и 9-й пятилетках партийные организации Белоруссии много внимания уделяли марксистско-ленинскому образованию сельских учителей, которые составляли большинство среди педагогов республики. Так, в 1967 году из 98,189 учителей 68 тыс. работало на селе². Деятельность партии в области воспитания педагогических кадров определялась решениями XXIII и XXIV съездов КПСС об осуществлении в стране всеобщего среднего образования молодежи, которые были конкретизированы рядом постановлений. В январе 1967 года задачи развития народного образования БССР в связи с переходом ко всеобщему среднему образованию были обсуждены на республиканском совещании, созванном ЦК КПБ, на которое были приглашены партийные работники, руководители органов народного образования, педагогических учебных заведений, предприятий, колхозов и совхозов. Отметив серьезные недостатки в организации учебно-воспитательного процесса во многих сельских школах, совещание рекомендовало принять все необходимые меры для улучшения профессиональной и политической подготовки сельских учителей³.

Осуществление всеобщего среднего образования, задачи коммунистического воспитания молодежи потребовали от партийных организаций поднять работу по идейно-политическому воспитанию педагогов на качественно новый уровень. Положительную роль в улучшении руководства народным образованием, в том числе и идейно-политическим воспитанием учителей, сыграли созданные при всех горкомах и райкомах партии внештатные отделы школ, в состав которых вошли наиболее квалифицированные учителя-коммунисты. Это позволило оперативно изучать состояние марксистско-ленинского образования педагогов и оказывать им конкретную помощь на местах в проведении общественно-политических мероприятий. Конкретные направления улучшения содержания и организации политического воспитания сельских учителей указало постановление ЦК КПБ «Об идейно-политическом воспитании педагогических кадров в Толочинском районе» (1969)⁴, которое потребовало углубления марксистско-ленинского и теоретической подготовки, использования различных форм и методов политической работы среди учителей. Постановление было обсуждено всеми райкомами КПБ, школьными партийными организациями и легло в основу их деятельности по совершенствованию содержания, форм и методов идейно-политического воспитания учителей.

В марксистско-ленинском образовании коммунистов и беспартийных особое место занимает система политического просвещения. Обкомы и райкомы КПБ, партийные организации школ уделяли большое внимание совершенствованию политического образования учителей, и прежде всего улучшению его содержания, повышению действенности. В системе политического просвещения сельских учителей наибольшее распространение получили проблемные семинары. Учитывая указания ЦК КПСС о дифференцированном подходе к марксистско-ленинскому образованию различных категорий работников, при организации политучебы педагогических кадров партийные комитеты принимали во внимание особенности их специальности, уровень общеобразовательной и политической подготовки. Поэтому в системе политического образования учителей большое внимание уделялось как овладению теорией марксизма-ленинизма, исторического опыта КПСС, так и изучению актуальных проблем коммунистического воспитания подрастающего поколения. Так, для педагогических работников Могилевской области в 1973 году было организовано 175 семинаров по изучению работ В. И. Ленина, 24 семинара изучали международное значение исторического опыта КПСС, работал 61 семинар по проблемам научного коммунизма и научного атеизма, в 10 изучалась тема «Международное коммунистическое и рабочее движение». В то же время было создано 104 семинара по проблемам нравственного воспитания школьников и 98 семинаров для изучения теории коммунистического воспитания молодежи⁵. Секретари школьных партийных организаций, преподаватели истории и обществоведения занимались в постоянно действующих семинарах при райкомах КПБ. Партийные комитеты, первичные парторганизации школ на собраниях, заседаниях бюро ежегодно обсуждали итоги учебного года в системе политпроса, анализировали работу пропагандистов и слушателей. Это позволяло углублять содержание занятий, совершенствовать их организационные формы.

Большое внимание вопросам идейно-политического воспитания уделялось в системе повышения квалификации учителей. Программы курсов институтов усовершенствования учителей предусматривали работу по следующим направлениям: углубленное изучение марксистско-ленинской теории, ознакомление с новейшими достижениями науки и культуры, методическую подготовку. Например, программы курсов при Республиканском институте усовершенствования учителей в 1969/1970 учебном году включали темы, посвященные ленинскому юбилею: «Марксизм-ленинизм — вечно живой источник революционной мысли и революционного действия», «В. И. Ленин о руководящей роли Коммунистической партии в строительстве социализма и коммунизма», «Ленинское учение о революционной стратегии и тактике мирового коммунистического движения». Программами предусматривалось также изучение материалов партийных съездов и пленумов, актуальных вопросов политики КПСС⁶. Повышению профессиональных и политических знаний педагогических кадров способствовали учительские конференции, совещания, педагогические чтения, проводимые по различным проблемам обучения и воспитания, марксистско-ленинской теории. На высоком теоретическом уровне, например, прошла организованная в 1970 году Гродненским обкомом КПБ совместно с Институтом истории партии при ЦК КПБ конференция учителей области «Победа ленинских

принципов национальной политики КПСС», на которой перед педагогами выступили научные сотрудники института, лекторы обкома партии. Учителя выступали с докладами по проблемам теории и практики интернационального воспитания школьников⁷. В подготовке и проведении ежегодных районных августовских и январских совещаний учителей-коммунистов, тематика которых утверждалась ЦК КПБ, активное участие принимали все горкомы и райкомы партии. Наряду с актуальными задачами обучения и воспитания совещания обсуждали и вопросы марксистско-ленинской и профессиональной подготовки педагогов. Например, на августовских совещаниях 1975 года повсеместно был рассмотрен вопрос «О мерах дальнейшего повышения идейно-теоретического и профессионального уровня учителей в свете постановления ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии»⁸. Сельские учителя приняли активное участие в республиканских педагогических чтениях, посвященных 50-летию Великого Октября (1967) и образования СССР (1972), 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (1970). Только в Гомельской области во внутришкольных педагогических чтениях, посвященных 50-летию Октябрьской революции, приняло участие 14.596 учителей⁹.

В практику работы многих партийных комитетов республики вошло систематическое информирование учителей по вопросам политической, социально-экономической и культурной жизни. Гродненский, Шкловский и Шумилинский райкомы КПБ вопросы улучшения идейно-политического воспитания учителей рассматривали на заседаниях бюро. В этих районах регулярно проводились дни творческой и теоретической учебы учителей по специально разработанным планам, куда входило чтение лекций на международные, экономические, атеистические темы, о коммунистическом воспитании. К выступлениям перед учителями привлекались квалифицированные лекторы, преподаватели вузов, партийные и хозяйственные работники. Дни учебы учителей проводились и первичными партийными организациями школ¹⁰.

В системе идейно-политического воспитания партийные комитеты выделяли самообразование как основу профессионального роста и идейно-политической подготовки учителей. Организованные формы политико-воспитательной работы — семинары, конференции, педагогические чтения и т. п. — призваны прежде всего активизировать самостоятельную работу учителей по изучению произведений классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС, политической литературы. Областные комитеты партии неоднократно обращали внимание райкомов и школьных партийных организаций на необходимость стимулирования самостоятельной работы учителя над собой. В 1974 году во многих районах республики прошли научно-практические конференции «Самообразование — основа повышения квалификации», на которых были рассмотрены и вопросы политического самообразования педагогов¹¹. Партийные организации уделяли большое внимание планированию марксистско-ленинской учебы педагогических работников. В индивидуальные планы самообразования был включен раздел по изучению произведений классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС. Больших успехов в осуществлении планов самообразования достигли первичные партийные организации таких сельских школ, как Старо-Борисовская Борисовского, Коминтерновская и Тишовская Могилевского, Дрибинская Горецкого районов. Например, в Дрибинской СШ только в 1970/1971 учебном году прошли открытые партийные собрания с повесткой «О повышении идейно-политического уровня и деловой квалификации учителей», «О самообразовании». В ходе подготовки к собраниям комиссия партийного бюро проверила планы самообразования учителей и их выполнение, провела собеседования о чтении специальной и политической литературы, посетила политинформации и уроки. Результаты проверки были обсуждены на собраниях, заслушаны отчеты некоторых учителей, лучшие поделились своим опытом¹².

Таким образом, выполняя решения XXIII и XXIV съездов о народном образовании, Коммунистическая партия Белоруссии в 8-й и 9-й пятилетках добилась определенных успехов в повышении идейно-политического и профессионального уровня учителей сельских школ, что позволило республике завершить в годы 10-й пятилетки переход ко всеобщему среднему образованию.

- ¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 60.
- ² Настаўніцкая газета, 1967, 24 мая.
- ³ См.: Народная асвета, 1967, № 3, с. 5.
- ⁴ См.: Настаўніцкая газета, 1969, 22 лістапада.
- ⁵ ПА Могилевского ОК КПБ, ф. 9, оп. 155, д. 89, л. 88—89.
- ⁶ См.: Народная асвета, 1971, № 7, с. 3.
- ⁷ См.: Настаўніцкая газета, 1970, 3 чэрвеня.
- ⁸ Там же, 1975, 16 ліпеня.
- ⁹ Там же, 1967, 20 снежня.
- ¹⁰ ПА Гродненского ОК КПБ, ф. 1, оп. 65, д. 19, л. 10; ПА Могилевского ОК КПБ, ф. 19, оп. 28, д. 10, л. 116—117; Настаўніцкая газета, 1970, 14 студзеня.
- ¹¹ См.: ПА Могилевского ОК КПБ, ф. 9, оп. 143, д. 58, л. 36.
- ¹² См.: ПА Могилевского ОК КПБ, ф. 9, оп. 147, д. 79, л. 41; ПА Минского ОК КПБ, ф. 2841, оп. 1, д. 57, л. 1.

Н. В. КУЗНЕЦОВ

РУКОВОДСТВО КПБ РАЗВИТИЕМ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ВНЕДРЕНИЕМ ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ В АГРАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

В интенсификации сельскохозяйственного производства, повышении его эффективности в реализации Продовольственной программы партия отводит важное место науке. Практическое использование ее достижений способно коренным образом изменить характер труда в отраслях аграрного производства, резко изменить его производительность. Вопросы укрепления материально-технической базы сельскохозяйственной науки, интенсификации научного поиска, подготовки научных кадров, повышения уровня партийного и государственного руководства научно-исследовательской работой были всесторонне и глубоко обоснованы в решениях съездов и пленумов, в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства» (октябрь 1968), «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством» (август 1976)¹, а также в ряде других документов партии и правительства.

Большое внимание развитию науки уделяет ЦК КП Белоруссии. В феврале 1969 года ЦК КПБ и Совет Министров БССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему улучшению научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства», в котором были определены меры по совершенствованию планирования научно-исследовательских работ, техническому перевооружению и оснащению научных учреждений и их экспериментальных баз². Партийные организации провели большую работу по выполнению постановления. Институты, опытные хозяйства обеспечивались необходимым оборудованием, актуализировалась тематика исследований, совершенствовалось финансирование. Так, в десятой пятилетке было выделено средств на 21 % больше, чем в девятой. Фондообеспеченность научных учреждений повысилась по сравнению с 1970 годом на 73 %. В среднем фондовооруженность одного работника науки составляет 11,5 тыс. рублей³. В 1980 году в республике научно-исследовательскую работу вели 8 отраслевых институтов, 6 областных и 2 специализированные опытные станции. В них работало более 4 тыс. человек, в том числе 31 доктор и 476 кандидатов наук⁴.

В 1972 году ЦК КПБ изучил работу Белорусского научно-исследовательского института животноводства по повышению эффективности научных разработок и их внедрению в сельскохозяйственное производство. В принятом постановлении отмечались успехи ученых в повышении породных и продуктивных качеств животных, в улучшении кормопроизводства. Одновременно ЦК КПБ указал на недостаточное внимание руководства института к внедрению научных разработок⁵. Партийная организация института разработала конкретные, целенаправленные мероприятия по выполнению постановления. 31 декабря 1975 года ЦК КПБ, в порядке контроля заслушав отчет Министерства сельского хозяйства БССР о ходе выполнения постановления, отметил возросший уровень исследовательской работы в институте, улучшение его связей с производством, активизацию работы по координации исследований и подготовке научных кадров⁶.

Для ускорения внедрения научных исследований в аграрное производ-

ство при Совете Министров БССР был создан межведомственный научно-технический Совет, сыгравший большую роль в координации и прогнозировании разработок перспективных направлений развития специализации и концентрации сельского хозяйства⁷. Внедрением в производство законченных научных разработок в Министерстве сельского хозяйства БССР занимается научно-технический Совет в составе бюро и 6 секций. За 1976—1980 годы Совет рассмотрел 838 разработок и 712 из них рекомендовал для внедрения. Экономическая эффективность от внедрения достижений науки, техники и передового опыта составила около 80 млн. рублей⁸. В сельском хозяйстве республики получили распространение продуктивные породы крупного рогатого скота, свиней, овец, высокоурожайные сорта картофеля, злаковых и плодово-ягодных культур, передовые технологии в животноводстве и земледелии. В то же время целый ряд прогрессивных разработок внедрялся в производство крайне медленно. Подсчитано, что годовой экономический эффект от использования научных рекомендаций и новых механизмов, разработанных ЦНИИМЭСХ, составил бы по республике 290 млн. рублей. В девятой пятилетке институтом и его опытными станциями было предложено производству 699 законченных тем, применена же только четвертая часть⁹. В целях ликвидации образовавшейся диспропорции в 1975 году в составе Министерства сельского хозяйства БССР было создано Управление по внедрению достижений науки и передового опыта, определявшее стратегию научного поиска и способствовавшее быстрейшему применению нового и передового в практике колхозов и совхозов. Пути дальнейшего повышения эффективности научных исследований в сельском хозяйстве в годы девятой пятилетки были детально обсуждены ЦК КПБ и Советом Министров БССР в январе 1976 года. Обеспечению претворения в жизнь программно-целевых методов планирования и финансирования научных исследований способствовало также принятое ЦК КПБ и Советом Министров БССР постановление о мерах по дальнейшему совершенствованию планирования научно-исследовательских работ и ускорению внедрения их результатов в производстве¹⁰. В Белоруссии были созданы научно-экономические объединения по сельскому хозяйству, научно-производственные объединения по семеноводству картофеля, племенному животноводству, производственно-научное объединение по семеноводству трав.

Эффективной формой повышения профессионального мастерства и ознакомления с достижениями научно-технического прогресса оказались научно-технические конференции. Союз ученых и специалистов-практиков способствует решению актуальных проблем села. В итоге благотворного взаимодействия науки и практики в хозяйствах области за 1976—1979 годы внедрено свыше ста различных мероприятий с экономическим эффектом 1,3 млн. рублей. Валовая продукция за 1976—1978 годы в сравнении с соответствующим периодом девятой пятилетки увеличилась на 23, в том числе в земледелии—на 19 и в животноводстве—на 27, а производительность труда—на 37 %. За эти годы от реализации сельскохозяйственной продукции получено свыше 430 млн. рублей¹¹.

В ускорение научно-технического прогресса в аграрном производстве весомый вклад вносят ученые четырех высших сельскохозяйственных учебных заведений республики. Дальнейшему повышению качества подготовки специалистов для сельского хозяйства, улучшению организации и развития научных исследований вузов большую помощь оказало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» (апрель 1978)¹². Оно способствовало усилению связей ученых вузов и специалистов производства, формой выражения которых явились учебно-производственные объединения. В начале 1981 года первое такое объединение было создано в Белорусском государственном институте народного хозяйства имени В. В. Куйбышева. Ученые факультета экономики сельского хозяйства заключили договор о сотрудничестве с колхозами и совхозами Червенского района, помогли в совершенствовании учета и экономического анализа материально-технической базы хозяйств и трудовых ресурсов района¹³.

Осуществляя решения XIX (1979) Пленума ЦК КПБ, ученые БелНИИ животноводства завершили и передали государству более 560 разработок по вопросам генетики, разведения, воспроизводства, кормления, содержания животных, технологии производства продуктов животноводства на промышленной основе. В целом же в 1981 году в сельском

хозяйстве республики внедрено 136 научных разработок с экономическим эффектом 26,8 млн. рублей¹⁴. Внедрение достижений науки и техники, повышение производительной силы земли дало возможность, несмотря на неблагоприятные погодные условия в течение трех лет десятой пятилетки, увеличить среднегодовой объем валовой продукции в хозяйствах республики на 15 %, закупки зерна во всех категориях хозяйств — на 19, скота и птицы — на 16, молока — на 26, яиц — на 58 %¹⁵.

Усилили внимание к решению фундаментальных проблем агропромышленного комплекса партийные организации, институты Академии наук БССР. Коллективы физико-технического института и Института математики совместно с производственным объединением «Белавтомаз» и научно-производственным объединением «Белсемкартофель» обратились к работникам науки и высшей школы, к рабочим, колхозникам, специалистам народного хозяйства Белоруссии с призывом ускорить внедрение результатов поиска исследователей в народное хозяйство. ЦК КПБ поддержал ценную инициативу¹⁶.

Ученые республики вносят весомый вклад в ускорение научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, способствуя его интенсификации и эффективности. Тесно взаимодействуя с производством, они добились эффективности труда и науки, совместно борются за скорейшее выполнение Продовольственной программы партии.

¹ См.: Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1974 гг.).— М., 1975, с. 298; Ленинская аграрная политика КПСС.— Сб. важнейших документов (март 1965 г.— июль 1978 г.). М., 1978, с. 523.

² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 2193, л. 61—65.

³ См.: Текущий архив Белорусского республиканского правления научно-технического общества сельского хозяйства (1970—1980).

⁴ См.: Сельское хозяйство Белоруссии.— Минск, 1980, с. 206—207.

⁵ См.: Возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве (На материалах Компартии Белоруссии, 1959—1973 гг.).— Минск, 1974, с. 240.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 46, д. 890, л. 1—4.

⁷ Там же, оп. 81, д. 2451, л. 27.

⁸ См.: Текущий архив Белорусского республиканского правления научно-технического общества сельского хозяйства.

⁹ См.: Коммунист Белоруссии, 1977, № 2, с. 50—53.

¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 2709, л. 28, 35.

¹¹ См.: Сельское хозяйство Белоруссии, 1979, № 8, с. 12.

¹² См.: Справочник партийного работника.— М., 1979, с. 220.

¹³ См.: Советская Белоруссия, 1981, 29 декабря.

¹⁴ См.: Сельская газета, 1982, 17 июня.

¹⁵ См.: Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Белоруссии.— Минск, 1981, с. 72.

¹⁶ См.: Сельская газета, 1982, 19 июня.

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ

МИЛОГРАДСКАЯ И ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРЫ

Вопросы происхождения и исторических судеб милоградских и зарубинецких племен, отношения милоградцев к генезису зарубинецкой культуры представляют большой научный интерес, имеют обширную литературу и различную интерпретацию. Памятники милоградской культуры распространены в южной Белоруссии и Украинской Волинии, однако крупные исследования были проведены в основном на поселениях, расположенных в поречье Днепра, между устьями Березины и Припяти. Весьма вероятно, что культура сформировалась на основе предшествовавших ей культур эпохи бронзы, поскольку никаких других промежуточных памятников здесь не выявлено, а предполагать уход из этих мест скотоводческих племен поздней бронзы нет оснований. В юго-западном регионе милоградского ареала, где сосредоточены известные пока памятники раннего этапа культуры, она непосредственно (хронологически и по типам вещей) смыкается с сосницкой культурой. Отдельные прототипы милоградских круглодонных сосудов можно разглядеть в керамике средненипровской культуры и даже финальных стадий неолита Белорусского Поднепровья (поселение Милоград)¹. Отражением преемственности в развитии культур эпохи бронзы и милоградской можно также считать сходство элементов в орнаментике керамики (ямочные вдавливания, оттиски палочки, жемчуж-

ный орнамент; заштрихованные треугольники на посуде бронзового века и милоградских глиняных грузиках, повторяющих форму милоградских сосудов). Все это, с учетом локализации милоградских памятников в ареале балтийской гидронимии, хотя и значительно ослабленной к югу от Припяти, может свидетельствовать в пользу балтийской принадлежности милоградских племен².

Вместе с тем милоградская культура по своему общему облику заметно отличается от синхронных ей балтийских культур штрихованной керамики, днепродвинской и юхновской. Помимо своеобразной круглодонной посуды она отличается иным, чем у названных культур, типом небольшого жилища столбовой конструкции, несколько углубленного в землю и рассчитанного на одну семью. В орудиях труда и оружии ощущается сильное влияние южных культур. Не вполне объяснимы пока различия в погребальной обрядности. Возможны также различия в типах хозяйства между отдельными областями милоградского региона. Все это дает основания и для других решений вопроса об этнической принадлежности милоградских племен, их этническом своеобразии³. Проблема осложнена тем, что ранние памятники милоградцев, сосредоточенные в основном на Украинской Волини, еще недостаточно изучены, в то время как верхнеднепровские не охватывают всего хронологического диапазона существования культуры и относятся к ее средней и поздней стадиям.

Представляет интерес и требует объяснения тот факт, что в ранних слоях некоторых городищ культуры штрихованной керамики на значительном расстоянии от основной области милоградской культуры найдены сосуды милоградских форм⁴. Эти формы могли развиться и самостоятельно на основе общих как для милоградцев, так и племен культуры штрихованной керамики сосудов скотоводов эпохи бронзы, пришедших сюда из Поднепровья до того, как появились в этом регионе неманские балты. В результате смещения неманских и поднепровских балтов возник особый вариант (восточный) культуры штрихованной керамики, в котором сохранился на какое-то время как реликт древний днепровский тип круглодонного горшка⁵. Можно также предположить, что в ареал формировавшейся милоградской культуры первоначально входило и поречье Березины, на которое позже распространились племена культуры штрихованной керамики, ассимилировавшие местную группу милоградцев⁶. Однако этому, кажется, противоречат отсутствие здесь других милоградских признаков (жилищ, пряслиц), а также находки сосудов милоградских форм в бесспорных комплексах культуры штрихованной керамики (городище Лабенщина). Возможно также, что под давлением южных или западных соседних племен часть милоградцев переселилась в восточную часть области, занятую племенами культуры штрихованной керамики. Наконец, находки милоградских предметов на поселениях культуры штрихованной керамики точно так же, как элементов последней в милоградском ареале, существование широкой промежуточной зоны, в которой почти в равной степени представлены обе культуры, позволяют говорить о значительной взаимной инфильтрации как культурной, так и этнической, что, возможно, свидетельствует об этнической близости носителей этих культур.

В начале II или конце III веков до н. э. на значительной части милоградского ареала распространились памятники зарубинецкой культуры. Решение вопроса о дальнейшей судьбе милоградских племен связано с проблемой происхождения зарубинецкой культуры. К настоящему времени известно более сотни достоверных зарубинецких поселений и могильников. Но, несмотря на длительную историю изучения культуры и значительные масштабы раскопок, крупнейший исследователь зарубинецких древностей П. Н. Третьяков справедливо заметил, что вопрос о происхождении культуры все еще не решен, а существующие мнения покоятся «не столько на основе бесспорных археологических фактов, сколько на соображениях общего характера»⁷. Одна из причин состоит в том, что недостаточно исследованы ранние памятники зарубинцев, а также памятники финальной стадии культур, предшествовавших зарубинецким, что, впрочем, не помешало некоторым исследователям высказать категоричное суждение об отсутствии между милоградцами и зарубинцами генетических связей⁸.

Особое внимание исследователей зарубинецкой культуры привлекли так называемые поморские реминисценции, представленные урновыми захоронениями, узкогорлыми и бургистыми сосудами поморско-подкляшювых форм в некоторых ранних зарубинецких могильниках, и ряд других

западных по происхождению культурных элементов, которые нельзя объяснить простым заимствованием. Казалось также, что наиболее ранние памятники зарубинцев сосредоточены в Западном Полесье и на Волини. Это послужило основанием для Ю. В. Кухаренко сформулировать гипотезу о западном происхождении зарубинецкой культуры. По его мнению, она формировалась на базе культуры поморских племен, которые в процессе расселения с Кашубской возвышенности оказались в Западном Полесье и на Волини в ситуации, схожей с той, которая сложилась для них в Повисленье, где в результате смещения поморцев с лужицкими племенами возникла новая культура подклошовых погребений. В Полесье и на Волини следствием этнических взаимодействий по существу тех же племен стала зарубинецкая культура, которая позже распространилась на более широкую территорию⁹. Однако Ю. В. Кухаренко не объяснил, почему из одних и тех же этнокультурных компонентов в Повисленье и Полесье возникли разные археологические культуры, а область предполагаемой «прародины» зарубинцев очень слабо насыщена их памятниками. Сама эта территория настолько незначительна, что невозможно представить, откуда возник такой мощный зарубинецкий поток, который смог в короткое время распространиться на обширные пространства до Сейма на востоке и Тясмина на юге и полностью поглотить местные культуры. Видимо, сложение зарубинецкой культуры и ранняя история ее носителей развивались по иному сценарию. Не подтверждается и мнение Ю. В. Кухаренко о том, что полесские памятники зарубинцев старше среднеднепровских. Лишь самый ранний из них — могильник у д. Отвержици мог возникнуть предположительно в конце III века до н. э. Однако к этому же времени (по обломкам античной керамики) можно отнести и начало Корчеватовского могильника в Среднем Поднепровье. В обоих могильниках обнаружены урновые захоронения и сосуды поморских форм. Все это указывает на то, что поморско-подклошовые племена, участие которых в сложении зарубинецкой культуры очевидно, довольно быстро вышли к среднему течению Днепра и формирование зарубинецкой культуры произошло на значительно большей территории, чем считал Ю. В. Кухаренко¹⁰. Представляется сомнительным, чтобы местные племена, обитавшие в этих землях до прихода поморцев, не принимали участия в формировании зарубинецкой культуры, хотя бы потому, что численность поморских племен, видимо, была не столь уж велика, так как до сих пор на территории Украинской Волини, за исключением самых западных районов, неизвестны «чистые» памятники поморцев.

Одним из доводов против признания значительной роли местных племен в генезисе зарубинцев было представление о разнохарактерности предшествующего этнокультурного фона. Действительно, в период максимального распространения зарубинецких племен их ареал наложился на милоградскую, юхновскую, днепровинскую и часть скифской культур. Но это отнюдь не означает, что население всех этих земель должно было участвовать в образовании зарубинецкой культуры. Лишь незначительная часть скифской территории, самые северные ее провинции, попала в сферу распространения зарубинецких памятников, которые, кстати, значительно моложе полесских и среднеднепровских. К еще более позднему времени относится появление памятников зарубинцев на территории юхновских племен (приблизительно I век н. э.). Даже в Верхнем Поднепровье зарубинцы оказались мигрантами¹¹. Отсюда следует, что эта обширная территория была освоена зарубинцами в процессе их последующего расселения. И ни скифы, ни юхновцы, ни носители днепровинской культуры не могут рассматриваться потенциальными компонентами зарубинецких племен, поскольку на их земли зарубинцы распространились в качестве уже сложившейся этнокультурной единицы. Таким образом, начальная территория зарубинецкой культуры, где шло ее становление, была ограничена Западным Полесьем и Средним Поднепровьем. Здесь ей предшествовали поморско-подклошовые и милоградские памятники, причем Западное Полесье с его поморско-подклошовыми памятниками скорее следует рассматривать не столько как ядро зарубинецкой культуры, сколько в качестве исходной территории ее поморского компонента. Другим компонентом могли быть только милоградские племена и их культура. Хотя о некотором отливе милоградских племен на север можно судить по археологическим памятникам Верхнего Поднепровья, предполагать полный уход милоградцев из Среднего Поднепровья и Волини или истребление их пришельцами решительно нет никаких оснований. В общетеоретиче-

ском плане маловероятно, чтобы зарубинецкая культура могла сформироваться на этнокультурной основе одних только пришлых племен, и даже Ю. В. Кухаренко признавал наличие элементов местных культур в зарубинецкой, объясняя их «варваризацией» пришельцев со стороны местного населения¹².

Уже сам факт удивительного совпадения ареалов ранних милоградских и зарубинецких памятников, их хронологическое соприкосновение и последовательность смены одних другими заставляет более внимательно отнестись к проблеме взаимоотношений этих двух культур. Археологические материалы, пусть пока и не столь ярко, как этого следовало бы ожидать, что может объясняться все еще недостаточной изученностью региона, свидетельствуют о несомненном участии милоградцев в формировании зарубинецкой культуры. Милоградские реминисценции, подобно поморским, проявляют себя различным образом. Начнем с керамики. Зарубинецкая посуда характеризуется своими, присущими ей типами, и при общей скудости раннезарубинецкого керамического материала уловить ее прототипы нелегко. Предшествующие формы подверглись быстрой и значительной трансформации. Однако, хотя и редко, в зарубинецких комплексах встречаются типичные милоградские сосуды. Такой крупный сосуд, украшенный жемчужным орнаментом, найден в погребении № 93 Корчеватовского могильника¹³. Другой, круглодонный милоградский горшок, найден в одном из разрушенных погребений того же могильника¹⁴. Два горшка милоградского облика найдены в кенотафах могильника Отвержищи¹⁵. Однако еще важнее, что отголоски милоградских форм можно уловить в самих зарубинецких сосудах (например, сосуды № 1, 2, 46, 76, 99, 101 и некоторые другие — в Корчеватовском могильнике)¹⁶. С милоградской традицией может быть сопоставлено использование в качестве элементов орнамента керамики ямочных вдавливания и «жемчужин».

Нельзя сказать, что нет ничего общего между милоградскими и зарубинецкими погребальными памятниками. Незначительное количество известных зарубинецких захоронений с грунтовыми труположением возможно связано с древним милоградским ритуалом. Накануне возникновения зарубинецкой культуры милоградцы, надо полагать, перешли к трупосожжению с захоронением остатков кремации в грунтовых ямках. Сходство этого типа милоградских погребальных памятников и зарубинецких бесспорно. В могилах некоторых зарубинецких захоронений обнаружены также специально положенные кусочки охры (Отвержищи, Чаплин, Пирововский могильники). Аналогии такому ритуалу отмечены в милоградских захоронениях¹⁷.

Несомненные черты сходства наблюдаются и в жилищах, особенно в свете раскопок раннего среднеднепровского поселения на Пилипенковой горе¹⁸. Раннее зарубинецкое жилище реконструируется как небольшое (12—16 м²) прямоугольное или квадратное, несколько углубленное в землю (0,5—0,8 м), с оштукатуренными глиной деревянными или плетевыми стенами. В центре жилища или около одной из стен на уровне земляного пола располагался открытый очаг. Иногда его устраивали в небольшой ямке. Такие же прямоугольные, углубленные в землю жилища с открытым очагом были характерны и для милоградцев. Наземные столбовые зарубинецкие постройки можно увязать и с милоградской строительной традицией. Вблизи как милоградских, так и зарубинецких жилищ находились многочисленные хозяйственные ямки-погребки.

Отмечая элементы сходства в милоградской и зарубинецкой культурах, мы далеки от мысли преувеличивать их значение и, подобно Л. Д. Поголю, считать зарубинецкую культуру результатом простой эволюции милоградской¹⁹. Конечно, факты свидетельствуют о значительной роли в ее становлении и поморско-подклошовых племен. Чей вклад был большим, развивалась ли зарубинецкая культура преимущественно на базе какой-то одной культуры или обе они — милоградская и поморско-подклошова — на равных участвовали в ее становлении — на эти вопросы материалы пока не дают ответа. Эта задача будет решаться в будущем по мере появления и накопления новых фактов. Зарубинецкая культура представляла новое явление со своими специфическими признаками, отличающими ее от других, в том числе и генетически родственных культур. Существенные изменения в общем облике культуры по сравнению с ее предшественниками могут быть объяснены, с одной стороны, естественным культурным прогрессом зарубинецких племен, с другой — новой ее окраска может быть связана и со сменой сфер культурного влияния. Милоградская культура,

как отмечалось, находилась под сильным влиянием степных и лесостепных южных культур. Оружие и орудия труда милоградцев неотличимы от скифских. Возможно, и в курганном обряде захоронений милоградцев отразилось скифское влияние. Во II веке до н. э. скифы были вытеснены сарматами, которых дела на севере интересовали значительно меньше, чем на юге. К моменту вызревания зарубинецкой культуры усилилось влияние наиболее сильного в то время средневропейского культурного очага, связанного с расцветом кельтской (латенской) культуры. На территории формирующейся зарубинецкой культуры распространяются латенские формы сосудов, лощеная керамика, фибулы, украшения. В течение всего периода существования зарубинецкой культуры влияние латенского очага было подавляющим. Новая окраска культуры оказалась настолько сильной, что затухала ее генетические корни.

Процесс формирования зарубинецкой культуры протекал на значительной части милоградской территории, но не на всей. Поэтому не все милоградские племена участвовали в этом процессе. В стороне от него остались верхнеднепровские группы милоградцев. Следовательно, возникновение зарубинецкой культуры не означало исчезновения милоградской. За пределами зарубинецкой «прародины» милоградцы продолжали развивать свою культуру. В связи с этим, вероятно, придется отодвинуть дальше верхнюю хронологическую границу милоградской культуры, может быть, выделить особую группу позднемилоградских памятников со своим ареалом, хронологией и типологической характеристикой. Область позднемилоградских племен располагалась между культурами зарубинецкой, днепровинской и штрихованной керамики. Возможно, одним из памятников этого позднейшего этапа является городище Кистени, исследованное автором, на котором были найдены довольно поздние предметы (круглопроволочные бронзовые браслеты с расширяющимися концами). Позднемилоградские племена испытывали сильное воздействие со стороны племен культуры штрихованной керамики, о чем может свидетельствовать распространившийся у них обычай покрывать штриховкой сосуды. Начиная с I века до н. э., многие позднемилоградские городища были оставлены населением и на них поселились зарубинецкие общины. Двуслойные городища с нижним милоградским и верхним зарубинецким слоем исследованы в Чаплине, Горошкове, Колочине, Мохове. Некоторые группы поздних милоградцев, возможно, были ассимилированы зарубинцами в процессе их постепенного распространения на северном направлении.

¹ См.: Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке.— М., 1967, с. 164; 20, рис. 6.

² См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970, с. 36.

³ См.: Мельниковская О. Н. Указ. соч., с. 169—186; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М.—Л., 1966, с. 184.

⁴ См.: Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.—VIII в. н. э.).— Минск, 1978, с. 30.

⁵ См.: Загоруйский Э. М. Древняя история Белоруссии: Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.).— Минск, 1977, с. 59.

⁶ См.: Егорейченко А. А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке.— Советская археология, 1982, № 1, с. 54.

⁷ Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен.— Л., 1982, с. 33.

⁸ См.: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне... с. 213; Мельниковская О. Н. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии.— Советская археология, 1963, № 1, с. 32; Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.— Советская археология, 1960, № 1, с. 290.

⁹ См.: Кухаренко Ю. В. Указ. соч.

¹⁰ См.: Мачинский Д. А. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.— Краткие сообщения института археологии АН СССР, 1960, № 107, с. 3.

¹¹ См.: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты, славяне... с. 214; Он же. По следам древних славянских племен, с. 34.

¹² См.: Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении... с. 299.

¹³ См.: Самойловский И. М. Корчеватовский могильник.— В кн.: Памятники зарубинецкой культуры: Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., 1959, № 70, с. 71.

¹⁴ См.: Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура: Свод археологических источников.— М., 1964, вып. Д1-19, табл. 7, рис. 24.

¹⁵ См.: Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержицы и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья.— Археологический сборник. Л., 1976, № 17, с. 56.

¹⁶ См.: Самойловский И. М. Указ. соч., с. 83.

¹⁷ См.: Каспарова К. В. Указ. соч., с. 37, 39; Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке, с. 47; Кубышев А. И., Максимов Е. В. Пироговский могильник.— Материалы и исследования по археологии СССР, 1969, № 160, с. 29.

¹⁸ См.: Максимов Е. В. Зарубинецкие городище Пилипенкова Гора.— Археология, 1971, № 4, с. 41.

¹⁹ См.: Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Минск, 1974, с. 368.

П. А. ШУПЛЯК

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1932 ГОДА В ГЕРМАНИИ И ПОЗИЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ

Президентские выборы 1932 года в Германии проходили в условиях чрезвычайно сложной экономической и внутривнутриполитической обстановки. Мировой экономический кризис, поразивший страну значительно сильнее, чем другие капиталистические государства, достиг к этому времени высшей точки своего развития. Правящие круги, стремясь по возможности ослабить разрушительное воздействие кризиса на «деловой мир», предпринимали максимальные усилия, чтобы переложить его основное бремя на плечи трудящихся.

С другой стороны, в этих кругах предполагалось использовать кризисные условия для реализации давно вынашиваемых стратегических планов, нацеленных на ликвидацию социально-экономических и политических завоеваний трудящихся, достигнутых в ходе Ноябрьской революции и в период после нее, и подготовку новой, реваншистской войны. При этом наиболее реакционная часть монополистической буржуазии считала, что выполнение этих задач возможно лишь в условиях преодоления буржуазно-парламентских институтов и установления диктаторского режима. Хотя первоначально не было абсолютного единства мнений о форме будущей диктатуры, но это не мешало реакции резко активизировать подготовку к смене режима в период кризиса, что выражалось в усилении разносторонней помощи фашистской партии и постепенном, но неуклонном ограничении буржуазно-парламентской демократии.

Реализация антинародных планов реакции вызвала резкое обострение классовых противоречий в стране и привела к поляризации политических сил. В этой обстановке правобуржуазные круги особенно настойчиво боролись за ключевые позиции в системе государственной власти, овладение которыми способствовало бы решению их тактических и стратегических планов. Важное место в этой борьбе отводилось президентским выборам 1932 года.

В качестве кандидатов на президентский пост буржуазная реакция выдвинула Гитлера, Гинденбурга и Дюстерберга. Правда, во втором туре выборов кандидатура Дюстерберга из-за полной бесперспективности и с целью определенной консолидации буржуазного лагеря была снята. Интересы трудящихся защищал лишь один кандидат — Э. Тельман, опиравшийся на поддержку КПГ и ее сторонников. Более чем шестимиллионная армия членов германских профсоюзов, следуя призывам своего руководства, оказалась в ходе предвыборной кампании на стороне Гинденбурга.

85-летний Пауль фон Гинденбург, фельдмаршал, главнокомандующий германской армией в годы первой мировой войны, типичный прусский милитарист, реакционер, с нескрываемым презрением относившийся к социал-демократии и профсоюзам, государственный деятель, уже проявивший себя верным защитником интересов крупных монополий и юнкерства в течение семилетнего пребывания на президентском посту, стал вдруг, в немалой степени благодаря стараниям профсоюзных лидеров, «народным» кандидатом. Политические взгляды Гинденбурга были достаточно хорошо известны в профсоюзных кругах. На президентских выборах 1925 года профсоюзы всех направлений выступали против его кандидатуры. Руководство свободных профсоюзов (АДГБ), например, совместно с социал-демократическими лидерами клеймило Гинденбурга как «на три четверти монархиста», заявляя, что его избрание на пост президента «принесет неисчислимые бедствия всему немецкому народу» и приведет к тому, что «все рабочие станут беднее, а Стайнес и Тиссен богаче»¹. Да и в ходе предвыборной кампании 1932 года правление АДГБ официально заявляло, что не имеет ничего общего «с политическими тенденциями, которые представляет фельдмаршал»². Но Гинденбург рассматривался как «мень-

шее зло» по сравнению с Гитлером, и его избрание, по мнению реформистских профсоюзных лидеров, должно было стать преградой на пути фашистов к власти. Отсюда и главный лозунг предвыборной кампании: «Бей Гитлера — голосуй за Гинденбурга!» При этом профсоюзная пресса настойчиво убеждала, что у рабочего класса нет никакой надежды на успех собственного кандидата, а избрание Гинденбурга наилучшим образом обеспечит интересы рабочего движения³.

Профсоюзная бюрократия, связывая с именем Гинденбурга отпор фашизму, сознательно замалчивала другой и единственно верный путь борьбы против фашистской опасности, в основе которого лежало единство действий рабочего класса. Речь, естественно, не шла о безусловной поддержке кандидатуры Э. Тельмана. Было возможно выдвинуть общего кандидата из числа авторитетных руководителей СДПГ или известных профсоюзных деятелей. Победа такого кандидата была бы вполне реальной. Как показывали примеры, рабочие партии, добиваясь единства действий, собирали в сумме значительно больше голосов, чем имели, выступая поодиночке. Во время референдума по вопросу о безвозмездном отчуждении собственности свергнутых династий в апреле 1926 года КПГ, СДПГ и свободные профсоюзы, выступая совместно, получили 14,5 млн. голосов, хотя на последних парламентских выборах в 1924 году они имели в сумме лишь 10,5 млн. Это позволяет предположить, что, получив 13 млн. голосов на выборах в рейхстаг в 1930 году, на президентских выборах левые силы имели возможность собрать свыше 16 млн. голосов, выступая единым фронтом. А этого было бы вполне достаточно для победы, поскольку за кандидатуру Гитлера было подано во втором туре 13,4 млн. голосов. Помехой на пути реализации этих возможностей был лишь антикоммунизм правореформистского профсоюзного руководства.

Позиции христианских и гириш-дункеровских профсоюзов, буржуазно-либеральных по своему характеру, определялись примерно теми же установками, что и АДГБ, хотя они и не пользовались термином «меньшее зло». И те и другие связывали с победой Гинденбурга сохранение Веймарской республики, их принципы и программные установки даже теоретически не допускали сотрудничества с коммунистами. Однако, если гириш-дункеровские профсоюзы откровенно отмежевывались от политических взглядов Гинденбурга и видели в нем лишь противоядие Гитлеру, христианские повсеместно и официально рассматривали фельдмаршала как «вожда немецкого народа», стоящего над партиями и классами и готового «до последнего дыхания служить делу спасения народа»⁴.

Несколько выделяющаяся на общем фоне профсоюзных оценок Гинденбурга позиция христианских профсоюзов объясняется двумя причинами. Во-первых, она вытекала из идеологических постулатов христианского профсоюзного движения о народной общности на базе христианской морали (разумеется, в рамках буржуазного общества — П. Ш.), которая должна прийти на смену межпартийной разобщенности и раздора. Отсюда и особое отношение к беспартийному или еще лучше надпартийному кандидату, «сущностью которого является верность и только верность народу»⁵. Во-вторых, с марта 1930 года правительство Германии возглавлял Г. Брюнинг, в прошлом видный деятель христианских профсоюзов. Именно закулисная деятельность Г. Брюнинга сыграла значительную роль в формировании широкой коалиции вокруг кандидатуры Гинденбурга и в превращении его в «народного» кандидата. Естественно, что христианские профсоюзы не жалели сил для укрепления политических позиций своего бывшего функционера, а ныне одного из лидеров партии Центра, с которой христианское профсоюзное движение было тесно связано.

Г. Брюнинг, сколачивая коалицию в поддержку Гинденбурга, придавал большое значение привлечению в ее ряды наиболее массовых, свободных профсоюзов. По совету председателя СДПГ О. Вельса он встретился с лидерами АДГБ — Т. Лейпартом, П. Грассманом и Ф. Эггертом, которые в ходе переговоров проявили «высокий уровень государственно-политического благоразумия»⁶. После этого профсоюзная пропаганда не только уверяла рабочих, что с именем Гинденбурга связано спасение демократии в Германии, но и не стеснялась изображать его в качестве «гаранта социальных законов Веймарской республики»⁷, в условиях, когда чрезвычайное законодательство уже буквально «вело на нет социальные завоевания трудящихся».

В предвыборную кампанию активно включились и гириш-дункеровские профсоюзы, обычно настойчиво демонстрировавшие свой партийно-поли-

тический нейтралитет. В призывах к избирателям их лидеры подчеркивали, что Гинденбург выдвинут независимо от партий и является поэтому «народным» кандидатом, который уже в течение предыдущих семи лет проявил себя защитником «свобод всех немецких граждан»⁸. Что касается христианских профсоюзов, то их руководство сочло даже необходимым обратиться к Гинденбургу с телеграммой и призвать его «внять желанию народа и еще раз взять на себя полный ответственности пост президента рейха, чтобы вести немецкий народ к его примирению и национальной свободе»⁹.

Все более ощутимую помощь оказывала «народному» кандидату и другая сторона, та, которая с реальными основаниями связывала свои интересы с Гинденбургом. Это была «камарилья» из представителей монополистического капитала и крупных аграриев, выразителем взглядов которой Гинденбург фактически являлся. Монополисты, представлявшие тяжелую промышленность, среди которых были Дунсберг, Сименс и др., выделили в фонд избирательной кампании 12 млн. марок. Еще один миллион поступил из тайного фонда рейхсвера¹⁰. Таким образом складывался единый фронт монополистов и крупных аграриев с социал-демократией и профсоюзами. Первые обеспечивали предвыборную кампанию в финансовом отношении, вторые поставляли голоса.

Отличительной чертой этого единства был ярый антикоммунизм. Профсоюзные лидеры всех направлений, желая отвлечь внимание рабочих от прямого блокирования с реакцией, голословно обвиняли коммунистов в пособничестве фашизму. Однако эта клеветническая кампания не могла затушевать тот факт, что лишь коммунистическая партия оказалась в состоянии правильно определить классовую сущность фашизма, верно оценить соотношение политических сил в стране и выдвинуть на выборах лозунг, соответствовавший обстановке и полностью подтвержденный жизнью: «Кто голосует за Гинденбурга — голосует за Гитлера, кто голосует за Гитлера — голосует за войну!»¹¹

Общими усилиями правой реакции, реформистских и буржуазно-либеральных кругов Гинденбург был избран президентом. Профсоюзная пресса торжествовала победу. Правление АДГБ с гордостью заявляло, что «ядро политического блока, объединившегося вокруг кандидатуры Гинденбурга для отражения фашизма, было создано из организованных в профсоюзы и социал-демократически настроенных рабочих и служащих»¹². Менее чем через год, когда Гинденбург официально назначил Гитлера рейхсканцлером, от этой торжественности и ликования не осталось и следа.

Участие профсоюзов в кампании по выборам президента на стороне Гинденбурга, привлечение к его поддержке широких рабочих масс свидетельствовали о том, что правящим кругам веймарского государства удалось использовать реформистскую и буржуазно-либеральную сущность и в особенности глубоко укоренившийся в практику профсоюзного руководства антикоммунизм для достижения собственных целей. Поддержка кандидатуры Гинденбурга объективно способствовала осуществлению процесса фашизации Германии.

¹ Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. — Berlin, 1975, Bd. VIII, S. 128.

² Gewerkschafts-Zeitung, 1932, № 10, S. 148.

³ Ibid, № 12, S. 181; № 10, S. 147.

⁴ Zentralblatt der christlichen Gewerkschaften Deutschlands, 1932, № 5, S. 68. (В дальнейшем: Zentralblatt...).

⁵ Ibid, № 4, S. 50.

⁶ Ruge W. Hindenburg: Porträt eines Militaristen. — Berlin, 1977, S. 331.

⁷ Deppe F., Fülberth G., Harrer H.-J. u. a. Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. — Köln, 1978, S. 202.

⁸ Rundschreiben des Gewerkschaftsrings deutscher Arbeiter-, Angestellten- und Beamten-Verbände im Jahre 1932. — Berlin, 1932, Abteilung 1, № 4/32.

⁹ Zentralblatt..., 1932, № 4, S. 50.

¹⁰ Ruge W. Op. cit., S. 328.

¹¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. — Berlin, 1966, Bd. 4, S. 328.

¹² Gewerkschafts-Zeitung, 1932, № 16, S. 241.

Г. И. КАСПЕРОВИЧ

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПОНЯТИЯ «ЧУВСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ»

Уточнение гносеологического статуса понятия «чувственное познание» является необходимым условием выяснения спорного в современной философской литературе вопроса о месте чувственного познания в структуре гносеологического процесса. Это связано с тем, что для обозначения чувственной стороны познания в литературе применяется несколько понятий: «чувственность», «чувственное отражение», «чувственный опыт», «живое созерцание», «чувственное познание». Содержание этих понятий не всегда получает строгое определение и зачастую в них вкладывается различный смысл. Это обстоятельство не может не отразиться на изучении существа проблемы, освещаемой в терминах данных понятий, и, несомненно, затрудняет решение спорных вопросов, вносит ненужную путаницу. Поскольку разграничение понятий и установление их содержания является одним из фундаментальных требований научного познания, попытаемся высказать здесь некоторые соображения относительно тех смысловых оттенков, которые следует учитывать, применяя эти понятия для обозначения чувственной стороны познания.

Наиболее общим и широким по объему среди рассматриваемых понятий, на наш взгляд, является философская категория чувственности. Подлинно научное, конкретное понятие чувственности впервые было разработано в марксистской философии. Преодолев узкогносеологический подход предшественников и включив практику в теорию познания, диалектический материализм принципиально по-новому рассматривает чувственность, трактуя ее не просто как непосредственное созерцание или непосредственную природную данность в опыте индивида, а, главным образом, как «практическую, человечески-чувственную деятельность» (К. Маркс), как момент общественной предметной деятельности. Сущность марксистского понимания чувственности раскрыта в следующих важнейших положениях. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс пишет: «Чувственность (см. Фейербаха) должна быть основой всей науки. Наука является действительной наукой лишь в том случае, если она исходит из чувственности в ее двояком виде: из чувственного сознания и из чувственной потребности; следовательно, лишь в том случае, если наука исходит из природы»¹. В первом тезисе о Фейербахе в качестве главного недостатка всего предшествующего материализма, включая и февербаховский, Маркс называет то, «что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»². Данные высказывания, взаимно дополняя друг друга, позволяют глубже понять марксистский смысл категории «чувственность», которая выступает в единстве двух главных значений.

Первое ее значение связано с характеристикой материальности, объективности бытия. Понятия природы, предмета, действительности, чувственности Маркс употребляет здесь как тождественные, однопорядковые. Это и есть чувственность в смысле Фейербаха, ибо для него чувственный — значит материальный, телесный, физический мир, природа, т. е. объективная реальность³. Принимая этот первый аспект понятия чувст-

венности. Маркс считает, что чувственность должна быть основой всей науки, т. е. наука должна исходить из объективной реальности как своего объекта. В то же время в понимании чувственности как материальной действительности Маркс идет гораздо дальше Фейербаха, преодолевая созерцательную позицию, свойственную старому материализму. Если Фейербахом чувственность понимается только в форме природного объекта, противостоящего человеческому индивиду⁴, то в марксистском понимании чувственность — не только природная данность, но и специфическая социальная материя, «человеческая действительность», «человеческая природа» как совокупность всей человеческой культуры, представшая в чувственно данном многообразии объективного мира. Таково первое значение категории «чувственность» в марксизме.

Во втором значении у Маркса чувственность выступает как «чувственное сознание» — человеческое чувственное отражение объективного чувственного мира. Оно представляет собой имманентный сознанию непосредственный источник знания о мире, «канал», ведущий в сферу сознания, «непосредственную связь сознания с внешним миром»⁵. Поэтому чувственность должна быть основой всей науки не только в смысле объекта, объективного чувственного мира, но и в смысле «чувственного сознания», как исходная форма познавательной деятельности субъекта.

Глубокий философский смысл категории «чувственность» в единстве обоих, указанных К. Марксом, ее значений, состоит в том, что она позволяет марксистской гносеологии последовательно отразить процесс познания мира со стороны его и субъективного, и объективного истока. Данная категория указывает не только на чувственное отражение как на принадлежащий самому сознанию «единственный источник наших знаний — ощущения»⁶, но и определяет тот источник, откуда черпает свое содержание само чувственное отражение (ощущение). Этот источник — чувственный материальный мир, воздействующий на органы чувств человека. Ибо, с одной стороны, чувственность есть характеристика материальности, объективности бытия, с другой, она выступает как субъективная форма сознания — «чувственное сознание». Объективной основой связи чувственного сознания с чувственным миром, тем мостиком, по которому осуществляется трансформация одного вида чувственности в другой выступает чувственно-предметная деятельность, как совокупный общественный процесс материального преобразования действительности — практика. Стало быть «чувственность» выступает как многогранная синтетическая категория в обозначении различных аспектов чувственной как материальной, так и идеальной стороны бытия и познания, поэтому в применении данного понятия необходим дифференцированный подход.

Понятия «чувственное отражение», «чувственный опыт», «чувственное познание», «живое созерцание», с нашей точки зрения, призваны конкретизировать содержание категории «чувственность» в определенных отношениях применительно к процессу человеческой деятельности, отражения, познания. Рассматривая чувственность как чувственное отражение, следует отметить, что нередко встречающееся в литературе определение чувственного отражения как «отражения при помощи органов чувств» хотя в общем-то и верно, но не может быть признано вполне удовлетворительным, требует определенной конкретизации. Еще Гегель очень тонко заметил: «Что касается чувственного, то для его объяснения указывают прежде всего на его внешнее происхождение, на чувства или органы чувств. Но указание на орудие нимало не определяет того, что получается посредством его»⁷.

Думается, что определение чувственного отражения должно вытекать из родового по отношению к нему философского понятия «отражение», поскольку чувственное отражение является одной из форм этого атрибутивного свойства материи. Чувственное отражение есть одна из форм психического отражения. Оно возникает в процессе чувственно-материального взаимодействия как субъективное, внутреннее состояние организма, как психический образ отражаемой ситуации, как генетически исходная форма образного отражения действительности. Важнейшим условием формирования чувственных образов является структурное соответствие, устанавливающееся в ходе материальных причинных взаимодействий. В переносе структуры проявляется процессуальная сторона чувственного отражения. Здесь-то и осуществляется переход чувственности как характеристики внешнего материального мира вначале в чувственность как характеристику бытия, материальной нервофизиологической деятельности

субъекта (в нервную физиологическую модель) и затем в чувственность как чувственное отражение, в субъективную форму образа. Как пишет об этом П. К. Анохин, «отражательный процесс разворачивается таким образом, что внешний объект через непрерывный ряд физических и физиологических процессов как бы ассимилируется организмом, т. е. отражается сначала в его структуре, а потом и в сознании»⁸. При этом чувственное отражение проявляется в самых различных как связанных, так и не связанных с познанием сторонах и формах.

Для того, чтобы выяснить содержание понятия «чувственный опыт», следует учитывать, что реальным источником и субстратом опыта, с точки зрения марксистской философии, является предметно-практическая деятельность, повторяемость которой приводит к отложению на стороне субъекта наиболее эффективных ее схем, порядка, алгоритмов⁹. Опыт выступает как звено, компонент человеческой деятельности, которое связывает последовательные ее этапы в цепь культурно-исторического процесса. Он служит средством актуализации результатов и наиболее эффективных способов прежней деятельности, создает условия активности актуальной деятельности, вооружая ее адекватными алгоритмами, нормами культуры¹⁰. Любая деятельность (в том числе и чувственно-познавательная) является источником специфического опыта. Выделяют три основных значения термина «опыт»: чувственный опыт, практический опыт, теоретический опыт. Все другие значения этого термина производны от указанных основных. Можно сказать, что понятие чувственного опыта выражает собой результат, итог отношения человека к миру как чувствующего субъекта. Образование чувственного опыта—это аккумулярование субъектом повторяющихся чувственных моментов, черт предметно-практической деятельности в виде органической способности к наиболее свободному «владению», обращению с чувственно данным предметом, к наиболее адекватному чувственному отражению мира, к наиболее свободному оперированию чувственными образами и т. п. Через чувственный опыт обеспечивается непосредственная связь системы чувственных представлений субъекта с данным объектом. Чувственный опыт выступает необходимой и решающей основой всей повседневной человеческой жизнедеятельности, а не только познания. Гносеологический аспект чувственного опыта—это лишь одна из его сторон. Поэтому как нам представляется, чувственный опыт не тождествен чувственному познанию. В гносеологии же чувственность, чувственное отражение, чувственный опыт человека должны, по-видимому, учитываться лишь в той мере, в какой они принимают образ и форму именно познавательных факторов, которые вовлечены в познавательную ситуацию не только в качестве ее предпосылок, но и относительно выделенных ее элементов, продуктов, которые наделены в ней гносеологическим качеством и представляют собой, следовательно, гносеологическую сторону категории «чувственность».

Понятие «чувственное познание» и выступает выражением этого гносеологического аспекта категории «чувственность», являясь еще одной ступенью ее конкретизации, одновременно сужая и конкретизируя понятие «чувственное отражение». Как показывает анализ философской литературы, само понятие «чувственное познание» не является строго определенным, однозначным. Скорее оно употребляется как некоторое собирательное понятие, при помощи которого обозначают все то, что связано с участием чувственности в процессе познания. При этом в одних случаях под чувственным познанием понимается та информация, которую непосредственно дают органы чувств, в других под чувственным познанием имеют в виду чувственно-практическую ступень познания. Чаше этим понятием обозначают всю чувственную сторону познания, т. е. применяют его недифференцированно. Некоторые авторы определяют чувственное познание как высшую форму чувственного отражения—человеческое чувственное отражение. В таком случае отождествляются понятия «чувственное познание» и «человеческое чувственное отражение», хотя на самом деле при этом берется только одна из сторон человеческого чувственного отражения, а именно: чувственное предметно-образное отражение мира в форме ощущений, восприятий, представлений. Однако такое определение не учитывает того обстоятельства, что человеческое чувственное отражение может протекать и в форме эмоций, предмет и мотивы которых не осознаются, и тогда оно в строгом понимании не является формой познания. Представляется, что указанные различия в трактовке термина «чув-

ственное познание» отражают тот реальный факт, что чувственность связана не только с одним каким-то моментом познавательного процесса или одной его ступенью, а с познанием в целом. Это обуславливает своеобразие проявления чувственного элемента на различных уровнях, в различных формах познания. Одно дело — чувственный элемент на эмпирическом уровне и другое — чувственная сторона в теоретическом познании. Сказанное означает, что понятие «чувственное познание», выражая место и роль человеческой чувственности в процессе познания, не является по своему содержанию однозначным и требует дифференцированного рассмотрения. Думается, что оно может быть конкретизировано через более узкие понятия, такие как «чувственно-эмпирическая стадия познания», «живое созерцание» (первичные чувственные образы), «абстрактное созерцание» (вторичные чувственные образы).

Чувственно-эмпирическая или чувственно-практическая стадия познания как процесс получения чувственных данных об объекте имеет место везде, где в процессе познания происходит непосредственное обращение к материальному объекту познания, когда субъект взаимодействует с объектом посредством органов чувств, оснащенных или не оснащенных прибором. Чувственно-эмпирическая стадия познания может быть выделена лишь в силу преобладающей роли чувственных форм отражения в процессе предметно-практического взаимодействия субъекта с объектом, а вовсе не по причине изолированности ее от рациональных форм познания. Формирующиеся на этой стадии познания гносеологические образы выступают как образы живого созерцания, которое отражает мир в форме так называемых «первичных» чувственных образов — ощущений, восприятий и воспроизводящих представлений (образов памяти). Особенность этих образов заключается в том, что они ситуативно более связаны, более конкретны (единичны), в них преобладает репродуктивный момент. Живое созерцание — это исходный, начальный момент в развитии чувственной стороны познания, но не вся чувственная сторона. Оно не полностью совпадает с понятием чувственного познания. Так, чувственное познание на более высоких, чем чувственно-эмпирическая стадия, «этажах» познания (например, на стадии эмпирического обобщения, а, тем более, на теоретическом уровне) происходит уже не в формах живого созерцания самих реальных объектов, а в форме так называемых «вторичных» чувственных образов, которые вслед за Ф. Энгельсом можно назвать «созерцанием, хотя и абстрактным»¹¹ — т. е. «абстрактным созерцанием». Таким образом, живое созерцание (или «первичные» чувственные образы) является чувственно-образной стороной чувственно-эмпирической стадии как обыденного, так и научного познания. На теоретическом уровне живое созерцание уступает свое место более «абстрактным» чувственным образам — «вторичным», которые возникают при ведущей роли мысленных программ на основе механизма представления и творческого воображения не как образы памяти, а как гипотетические образы. К числу «вторичных» можно отнести такие чувственные образы, как модельные представления, образы-представления, выражающие цель (результат) и план деятельности, а также символические образы¹².

Итак, понятие «чувственное познание», выражающее гносеологический аспект категорий «чувственность», представляет собой многоплановую абстракцию. Такие понятия, как чувственно-эмпирическая стадия познания, живое созерцание, абстрактное созерцание выражают динамику различных сторон и стадий чувственного познания и конкретизируют во взаимосвязи все аспекты содержания этой абстракции.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М., 1957, с. 596.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.

³ См.: Фейербах Л. Избранные философские произведения. — М., 1955, т. I и II.

⁴ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2, 36.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 46.

⁶ Там же, с. 127.

⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук. — М., 1974, т. 1, с. 112.

⁸ Анохин П. К. Психическая форма отражения действительности. — В кн.: Ленинская теория отражения и современность. София, 1969, с. 111.

⁹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 579; т. 19, с. 337.

¹⁰ См.: Иванов В. П. Человеческая деятельность — познание — искусство. — Киев, 1977.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 318.

¹² См.: Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. — М., 1979, с. 103.

РОЛЬ КОМИТЕТОВ ЗАЩИТЫ РЕВОЛЮЦИИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ НА КУБЕ

В философской марксистско-ленинской литературе написано немало интересных работ о возрастающей роли народных масс в истории, в частности на этапе перехода от капитализма к социализму. Однако опыт Кубинской революции в этом аспекте еще недостаточно освещен.

Автор статьи ставит перед собой задачу показать роль народных масс в установлении и развитии демократии на Кубе через призму анализа деятельности «самой широкой массовой организации» — Комитетов защиты революции¹, создание которых внесло определенный вклад в сокращение опыта мирового революционного движения². Кубинский опыт уже используется в революционных процессах, происходящих в Народной Демократической Республике Йемен, Бенине, Никарагуа, Эфиопии, сочетаясь с национальными особенностями этих стран.

Глубокие социально-экономические изменения, вызванные Кубинской революцией на народно-демократическом, аграрном и антиимпериалистическом этапе, создали благоприятные условия для проявления механизма закона о возрастающей роли народных масс в развитии и функционировании кубинского общества. С одной стороны, был разрушен основной экономический оплот местной олигархии и иностранного бизнеса — латифундия — и национализированы основные средства производства, контролируемые буржуазно-латифундистским блоком и чужеземным капиталом. В конце этапа также была экспроприрована промышленная национальная буржуазия. Классовая структура кубинского общества глубоко изменилась: были уничтожены основные эксплуататорские классы и появилась первая форма общественной собственности на средства производства в латифундиях и в промышленности (прежде всего сахарной). С другой стороны, до основания была разрушена политическая система эксплуататорских классов, были распущены реакционные политические партии и предательское руководство рабочего движения (мухализм). Новый, народно-демократический государственный аппарат опирался на повстанческую армию и организованные революционные массы.

Эти преобразования до предела обострили классовую борьбу в стране во всех ее проявлениях. Внутренняя и внешняя реакция всячески тормозила и саботировала революционный процесс, применяя экономические, политические (включая и возрастающее дипломатическое давление), идеологические (главное оружие — антикоммунизм) средства. Под руководством революционного авангарда широкие народные массы (рабочий класс, трудящиеся крестьянство, городская мелкая буржуазия), возглавляемые рабочим классом, в непосредственной политической борьбе учились распознавать своих врагов и союзников, преодолевать идеологическую отсталость, унаследованную от неокolonиального общества.

Новые общественные организации (Комитеты защиты революции, Федерация кубинских женщин, Национальная ассоциация мелких земледельцев и т. д.) решающим образом содействовали установлению тесных связей между народом и революционным авангардом, управлению деятельностью народных масс в деле защиты и расширения революционных завоеваний и выполнению задач экономического развития страны. В революционной народно-демократической политической системе кубинского общества особую роль стали играть Комитеты защиты революции (КЗР). Они были созданы 28 сентября 1960 года по инициативе Главнокомандующего Революции Фиделя Кастро Рус, который призвал народ организоваться для защиты народной демократической революции. Итак, КЗР были организованы как общественно-политическая организация, охватывающая самые широкие революционные массы по принципу местожительства, и способная сплачивать народ вокруг революционного авангарда, защищать и развивать завоевания революции.

В создании КЗР проявилось возрастание роли народных масс в исторических процессах, происходящих на Кубе. Никогда в истории страны не было такой массовой организации. Она предоставила кубинскому народу широкие возможности для общественной деятельности. Еще раз подтвердилась жизненность ленинского положения о том, что «чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, тем больше должно быть людей, миллионы которых надо привлечь к самостоятельному участию в разрешении этих задач»³.

КЗР — составной элемент политической системы послереволюционного кубинского общества — играли значительную роль в регулировании отношений между классами на первом этапе революции, с одной стороны, содействуя подавлению внутренней и внешней реакции, и, с другой, активно способствуя формированию новых экономических, политических, культурно-идеологических условий жизни народа. Именно в этом контексте определяется главная их функция в становлении механизма проявления рассматриваемого закона: мобилизовывать, воспитывать и вовлекать на сознательную революционную деятельность все более широкие слои народных масс и включать их в дело активного и все более сознательного воздействия на экономические, политические, идейно-культурные и другие общественные процессы. Возрастающая активность народных масс, возглавляемых рабочим классом под руководством революционного авангарда, в решении задач национального и социального освобождения не могла не отразиться на повышении темпов социального прогресса.

Как известно, второй этап Кубинской революции — социалистический — наступил в конце 1960 — начале 1961 года. Окончательная ликвидация класса эксплуататоров и постепенный переход к социалистическим производственным отношениям в сельском хозяйстве прямо отразились на механизме проявления закона о возрастающей роли народных масс в истории. Общественное развитие требует от трудового народа все более активного участия в решении назревших задач во всех сферах социальной жизни: экономической, идейно-политической, культурной, семейно-бытовой и т. д. В силу всего этого возросли роль и значение КЗР в жизни общества. В процессе перехода народно-демократической политической системы к диктатуре пролетариата, т. е. изменения классового содержания политической власти, последовательно углублялись задачи, которые решали КЗР. Комитеты защиты революции превратились в один из основных «передаточных механизмов» между революционным авангардом (который оформился в Коммунистическую партию) и самыми широкими народными массами.

В 1961 году КЗР вышли за рамки своей основной задачи — революционной бдительности, чтобы охватить и другие более сложные: нейтрализовать спекуляцию внутренней буржуазии, установить картонную систему, необходимость которой диктовалась экономической блокадой, организованной США и т. д. По инициативе Комитетов защиты революции была осуществлена так называемая «перепись масла» (это мероприятие было проведено за 22 дня) и установлен контроль за распределением продуктов и отпуском их населению. Кубинские революционные массы, объединенные в рамках этой организации, сумели успешно решить сложные и жизненно важные санитарные, образовательные, производственные и идейно-воспитательные задачи. КЗР, несомненно, является удачной организационной формой активного и творческого участия народных масс в решении самых различных общественных задач переходного периода от капитализма к социализму: строительство и благоустройство городов, проблемы здравоохранения и образования, идейно-политическое воспитание и др. Вот некоторые результаты деятельности этой общественной организации за период со второго квартала 1977 года по первый квартал 1981 года. Освобождено от камня 133 939,35 кавалерий (1 кавалерия = 13,42 га) полей, посажено 2 500,95 кавалерий сахарного тростника, очищено от сорных трав 5 720,96 кавалерий сахарного тростника и удобрено 1 222,80 кавалерий; 3 998 668 человек было мобилизовано для выполнения сельскохозяйственных работ; 6 036 190 человек приняли участие в строительных работах и т. д. С 1961 по 1980 год для страны в результате деятельности КЗР было сэкономлено 78 248 522,85 песо.

Во время империалистического нападения на Плайя Хирон исполнилось только семь месяцев со дня создания КЗР. В них тогда насчитывалось 708 тыс. человек. Под руководством авангарда революции они решительно содействовали подавлению внутренней контрреволюции. Социальные функции этой организации до 1976 года были обусловлены целым рядом факторов и, в первую очередь, своеобразной формой диктатуры пролетариата на Кубе в этот период, когда там, в силу известных исторических причин, отсутствовали органы парламентарного представительства. Несмотря на это народ активно участвовал в управлении государством и защите революции. Именно КЗР в то время представляли собой один из своеобразных механизмов непосредственной демократии и решали многочисленные задачи государственного характера. Вышесказанное раскрывает

несостоятельность буржуазных положений о том, будто на революционной Кубе не было демократии, по крайней мере, до 1976 года, когда были созданы органы государственного представительства. Дело в том, что диктатура пролетариата открыла перед трудящимся народом реальную возможность управлять социальными процессами по-своему, в собственных интересах. Буржуазные же идеологи не хотят понимать под словом «демократия» ничего, кроме буржуазной демократии.

Пути совершенствования социалистической демократии на Кубе были намечены I съездом Коммунистической партии Кубы (1975 год). Они включали проведение съездов общественных организаций, окончательную институционализацию государства (в том числе создание представительных органов на всех уровнях), редакцию, обсуждение и провозглашение социалистической конституции и других законов и кодексов, которые установили прочные основы социалистической законности в стране. В 1977 году был проведен I съезд КЗР, который, опираясь на решения I съезда КП Кубы, подведя итог сделанной работы, определил задачи КЗР в строительстве социализма, привел структуру этой организации в соответствие с политико-административным делением страны, одобрил устав, в котором выражено свободное и сознательное признание руководящей роли КП Кубы в системе диктатуры пролетариата, и основные цели организации: участвовать в строительстве социализма, защищать революцию, повышать идейно-политический уровень масс, принимать участие в решении различных задач в пределах улиц, муниципий и т. д.

В силу того, что КЗР охватывают подавляющее большинство населения и имеют территориальную структуру, они играли и играют значительную роль в процессе институционализации и дальнейшего функционирования социалистического государства на Кубе. Вместе с другими общественными организациями они участвовали в редакторской комиссии проекта социалистической конституции страны, во всенародном обсуждении этого важного документа, в котором приняло участие 6 200 тыс. граждан. КЗР также активно участвовали в проведении референдума о новой конституции и выступали мобилизующей силой в подготовке и проведении выборов в местные органы власти и других массовых мероприятиях трудящихся. Однако как общественная организация они самостоятельны и независимы от государства. Между КЗР и социалистическим государством существуют устойчивые и плодотворные отношения сотрудничества и взаимопомощи, ибо у них одна и та же цель — построение социализма на Кубе. В этой связи особое значение имеют совместные соглашения КЗР и различных государственных органов управления с целью обеспечения полной народной поддержки решения задач социалистического строительства, формирования нового человека, более широкого участия масс в общественно-политической жизни страны.

КЗР, охватывая ныне более 5 500 тыс. членов, подтверждают глубокий демократический характер, присущий кубинскому социалистическому государству, ибо все более вовлекают народ в управление государственными и общественными делами. Взаимоотношения КЗР и КП Кубы основываются «на принципе свободного и сознательного признания ее руководящей роли, благодаря влиянию членов партии в массах, при сохранении организационной независимости и самостоятельности массовых организаций»⁴. В связи с обострением угрозы со стороны североамериканского империализма и усилением провокаций антиобщественных элементов, врагов революции, VIII Пленум ЦК КП Кубы обратил внимание на существующую ныне необходимость повысить революционную бдительность народа. КЗР стали вовлекать ежедневно в решение этой задачи более 30 тыс. человек.

Итак, учитывая возможности общественного воздействия, которыми располагает эта организация, особенно в коммунистическом воспитании народных масс, формировании активной жизненной позиции личности, можно утверждать, что КЗР «нацелены в своей деятельности на будущее, на построение социализма и коммунизма»⁵. Они представляют собой один из важнейших каналов развития социалистической демократии на Кубе.

¹ I съезд Коммунистической партии Кубы.— М., 1976, с. 171.

² II съезд Коммунистической партии Кубы.— М., 1982, с. 87.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 446.

⁴ I съезд Коммунистической партии Кубы, с. 402.

⁵ Там же, с. 173.

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ И ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КУБИНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

На современном этапе большое историческое значение имеет изучение особенностей, специфических черт изменения социально-классовой структуры общества, осуществленных Кубинской революцией. Они представляют особый теоретический и практический интерес для развивающихся стран, в том числе и стран Латинской Америки. В марксистской философской литературе недостаточно исследована социально-классовая структура современного кубинского общества. Одним из актуальных в этой области является вопрос о роли и значении аграрных реформ в превращении неокOLONиальной социальной классовой структуры кубинского общества в социалистическую и, в частности, в изменении социальной структуры крестьянства. Поскольку много факторов влияет на изменение социальной структуры кубинского крестьянства, а в данной статье нет возможности осветить их все, то внимание будет сосредоточено на главном факторе — изменении отношения крестьянства к средствам производства и изменении его места в общественном производстве.

В дореволюционной социальной структуре кубинского общества сочетались неокOLONиальные капиталистические общественные отношения с особенностями, присущими докапиталистическим формациям. Основой аграрной экономической структуры являлась латифундия, характеризующаяся монокультурой (в основном сахарного тростника). В сельском хозяйстве, в сахарной промышленности и в кубинской экономике в целом преобладали североамериканские капиталы. Характерные особенности кубинского сельского хозяйства (в первую очередь неокOLONиальный характер аграрных отношений собственности), абсолютно открытый характер экономики (прежде всего относительно США) и неразвитость промышленности создавали деформированную экономическую базу, которая определяла социально-классовую структуру кубинского дореволюционного общества, в том числе и социальную структуру крестьянства.

Основными эксплуатируемыми классами кубинской деревни были сельскохозяйственные рабочие, мелкое и среднее крестьянство. Подавляющее большинство крестьянской массы составляли средние и бедные крестьяне, эксплуатируемые латифундистами (посредством высоких натуральных и денежных рент), посредниками и ростовщиками, которые поглощали большую часть дохода, скупая продукты по низким ценам. Государственный кредит крестьянству был небольшим. Так, например, банк сельскохозяйственных кредитов (БАНФАИК), созданный в 1950 году, до 1958 года предоставлял 85 % общей суммы кредита латифундистам и сельскохозяйственным буржуа, а крестьянству — всего лишь 15 % этой суммы. По форме и количеству платежной ренты в бедном дореволюционном крестьянстве выделялось четыре слоя: арендаторы, субарендаторы, апарсерос и прекаристос. Апарсерос платили натуральную ренту $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и даже $\frac{3}{4}$ урожая за участок арендуемой земли. 83,45 % бедных крестьян обрабатывали земельные участки площадью около двух кавалерий (1 кавалерия = 13,42 га). Несмотря на различные формы и пропорции платежа ренты, бедные крестьяне занимали одинаковое место по отношению к основным средствам производства.

По данным сельскохозяйственной переписи 1946 года, 65 % крестьян имели собственную землю, но уже в 50-х годах (в связи с ускорением процесса концентрации земли) только 25 % крестьян являлись земельными собственниками. Над этой массой тяготели узость внутреннего рынка, средств связи, низкие цены на сельскохозяйственные продукты, отсутствие медицинской службы, неграмотность, культурная отсталость и т. д. Перепись населения 1953 года показала, что 41,7 % населения кубинской деревни неграмотно, а в восточной части страны, где проживала большая часть сельского населения, неграмотность составляла 49 %.

Условия жизни сельскохозяйственных рабочих были аналогичны условиям жизни бедного крестьянства. Эта категория кубинского рабочего класса характеризовалась самыми высокими показателями постоянной и временной безработицы. Его социально-экономическое положение из-за активной пролетаризации крестьянства, роста сельскохозяйственной ре-

зервной армии труда, снижения стоимости рабочей силы постоянно ухудшалось.

Латифундисты и аграрная буржуазия составляли основные господствующие и эксплуататорские классы деревни. Крупные помещики сосредоточивали в своих руках одно из основных средств производства — землю; они образовали класс, который направлял развитие кубинского сельского хозяйства. Североамериканские монополии владели большинством обрабатываемой земли и использовали местных помещиков в качестве компаньонов, с помощью которых империалистам удалось сохранить экстенсивное монокультурное сельское хозяйство на Кубе. Крупные помещики, интересы которых были очень тесно связаны с интересами сахарной промышленной буржуазии, принадлежали к олигархии. Они представляли собой одну из самых реакционных сил кубинского общества, активно тормозивших сельскохозяйственное и промышленное развитие страны. Средние землевладельцы составляли сельскохозяйственную буржуазию, которая не играла важной роли в экономике сельского хозяйства. Этот класс состоял из двух основных групп: некрестьянской сельскохозяйственной буржуазии и крестьянской сельскохозяйственной буржуазии (так называемых богатых крестьян). В основном сельскохозяйственная буржуазия была порождена слабым развитием сельскохозяйственного производства. Она эксплуатировала наемный труд, используя те же формы эксплуатации, что и латифундисты. Богатые крестьяне были непосредственно связаны с обработкой земли. Большинство из них принадлежало к скотоводам, производителям сахарного тростника, табака, овощей, риса и т. д. В 1946 году крупные помещики и аграрная буржуазия владели 76 % земли. В 50-е годы американские монополисты обладали на Кубе 110 тыс. кавалерий, т. е. большей частью лучших земель. Глубоко антагонистический характер производственных отношений в кубинской деревне в период полукOLONиальной республики порождал постоянную борьбу сельхозрабочих и крестьян против эксплуатации.

Самой значительной социально-экономической мерой первого этапа Кубинской революции в сельском хозяйстве стал первый закон об аграрной реформе, принятый 17 мая 1959 года в качестве дополнения к конституции. Этот закон ликвидировал экономическую основу латифундистской эксплуатации, уничтожив местную олигархию и подорвав иностранные интересы. Так было положено начало революционным преобразованиям общественных производственных отношений в сельском хозяйстве. Реформа установила максимум землевладения одного лица — 30 кавалерий; мелкие крестьяне, обрабатывавшие чужую землю (а их было более 100 тыс.), получили бесплатно до 5 кавалерий земли. Из национализированных земель 40 % перешло в государственную собственность (начало и основа будущей социализации сельского хозяйства), в руках 10 тыс. аграрных буржуа оставалось 30 % земли. Хотя реформа допускала существование аграрной буржуазии, она была глубоко революционной, поскольку разрушила экономическую основу реакционных классов — латифундию — и ликвидировала один из основных эксплуататорских классов кубинского общества — крупных помещиков. В этой связи Фидель Кастро Рус говорил: «Несмотря на то, что предел 30 кавалерий еще был относительно широким, надо иметь в виду, что до революции существовали североамериканские предприятия, которые владели 17 тыс. кавалерий земли, т. е. 227 тыс. га, по отношению к ним закон был глубоко радикальным»¹.

Мелким крестьянам реформа дала не только землю, но и освободила их от полуфеодальных форм эксплуатации. Это изменило социальный облик кубинской деревни. Крестьянство стало менять свое отношение к общественной жизни, образованию, здравоохранению. Характерно, что через два года после принятия закона о реформе неграмотность в кубинской деревне была ликвидирована. Аграрная реформа была выгодна и сельскохозяйственным рабочим, так как в основном ликвидировала эксплуатацию и безработицу. Это подчеркнул Фидель Кастро: «Нельзя забывать, что закон об аграрной реформе не только был законом для крестьянства, но и для рабочих, занятых в сельском хозяйстве. Потому что эти рабочие были эксплуатируемыми на рисовых, сахарных плантациях, они жили в самых ужасных условиях угнетения и пренебрежения»². В политическом плане закон об аграрной реформе был важной победой над североамериканским империализмом и фактором укрепления рабоче-крестьянского союза. Не являясь социалистическим, закон определяющим образом по-

влиял на процесс изменения социально-классовой структуры кубинского общества и подготовил почву для второго этапа революции.

Первая аграрная реформа вызвала обострение классовой борьбы. Буржуазно-латифундистская олигархия открыто противостояла революционному правительству, к ней примыкала и национальная буржуазия. Североамериканский империализм использовал огромный дипломатический и экономический механизм давления и поощрения внутренней реакции в борьбе против революционной Кубы. Ярким выражением этой реакционной политики была агрессия на Плайя Хирон.

Кубинская революция отвечала на каждый удар: в короткие сроки были национализированы крупные иностранные и местные капиталы, что привело к ликвидации классов помещиков, сахарной и несакхарной промышленности и торговой буржуазии, уничтожило основы североамериканских интересов в стране. В руки народа перешли почти все основные средства производства. НеокOLONиальная социальная структура была в основном разрушена. В 1961 году Кубинская революция вступила во второй этап своего развития — социалистический. Будучи следствием этого этапа революции, вторая аграрная реформа (октябрь 1963) укрепляла социалистические общественные отношения, она ликвидировала последний эксплуататорский класс кубинской деревни — аграрную буржуазию. Этот закон экспроприировал 10 тыс. сельскохозяйственных буржуа и установил максимум землевладения одного лица 5 кавалерий. В государственную собственность перешло 70 % всей земли, а 30 % остались в руках мелких крестьян. Ликвидировав аграрную буржуазию, вторая аграрная реформа полностью освободила от эксплуатации рабочих, занятых в сельском хозяйстве, и укрепила рабочий класс как авангард кубинского общества. Возросло доверие крестьянства к партии рабочего класса и окреп союз рабочих и крестьян.

Социальная структура современного кубинского общества базируется преимущественно на общественной собственности на средства производства, основу этой структуры составляют рабочий класс и крестьянство. Первая и вторая аграрные реформы создали основы для возникновения и развития социалистической собственности, в том числе для постепенного развития новых, кооперативных форм производства в сельском хозяйстве. Этому процессу уделили много внимания I съезд Коммунистической партии Кубы и IV съезд АНАП (Национальная ассоциация мелких крестьян), определяя конкретные пути преодоления единоличного хозяйствования в деревне. В этой связи Фидель Кастро отмечал: «...Каковы будут будущие формы производства, как крестьяне будут объединяться и группироваться, чтобы достичь этих форм? Это очень важно, потому что указывает путь, благодаря которому постепенно будут исчезать различия между крестьянами и рабочими. Следуя этим путем... мы постепенно будем решать вопрос о переходе к социализму и коммунизму, к исчезновению классов»¹.

Современное кубинское общество идет по пути, указанному В. И. Лениным, который писал: «...Для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда»². В решение этой грандиозной задачи внесли определенный вклад и аграрные реформы, существенно изменившие социальную структуру кубинского крестьянства.

¹ Fidel Castro Ruz. Informe Central al I er. Congreso del PCC.— La Habana, 1979, p. 32.

² Fidel Castro Ruz. Discursos.— La Habana, 1975, p. 201.

³ Ibid, p. 209.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

В. В. ПОЗНЯКОВ

АНТИГУМАННАЯ СУЩНОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследователи, занимающиеся изучением духовной жизни буржуазного общества, с особо пристальным вниманием относятся к явлению, которое получило название «массовая культура». Анализ этого феномена по-

звояет сделать вывод о том, что «массовая культура», будучи одной из форм функционирования бжуазной культуры, характерна для современного капиталистического общества, переживающего затяжной и глобальный кризис всех своих институтов. В контексте кризисных потрясений «массовая культура» является комплексной и динамически развивающейся системой идеологического и духовно-практического воспроизводства и функционирования социального бытия капиталистического общества, включающей в себя «массовое искусство», профанированную классику, формы человеческого общения, определенную часть материально-бытовой культуры, а также совокупность агентств и институтов, характеризующихся универсальностью, всеобщностью, глобальностью и дифференцированностью воздействия потребителей. Эта система отражает ценностные нормы идеологии господствующего класса и подчинена товарно-денежным отношениям государственно-монополистического капитализма. Будучи специфически управляемым механизмом духовно-практической мистификации общественных процессов, «массовая культура» вместе с тем отражает всю совокупность социальных условий формирования духовных потребностей личности и конкретные формы их удовлетворения в условиях современного капитализма.

В центре всей культурологической проблематики стоит человек — источник, фокус, мера и цель всех материальных и духовных ценностей. Человек в единстве его социально-сущностных и индивидуально-особенных характеристик выступает как основа, стержень духовной культуры, все формы которой — искусство, мораль, наука, политическая культура и т. д. — служат целям «очеловечивания» человека, его совершенствованию, утверждению, по выражению К. Маркса, его «сущностных сил»¹. Именно в человеке как индивидуальном бытии общественных отношений культура предстает во всех реальных проявлениях, наиболее отчетливо обнаруживает свою либо объективно-цивилизаторскую, либо регрессивную, антигуманную сущность. Следовательно, рассмотрение «массовой культуры» как иллюзорной формы удовлетворения духовных потребностей большинства населения капиталистических стран целесообразно конкретизировать анализом соотношения человека и «массовой культуры», обратить внимание на влияние этого феномена на социально-нравственные ориентации личности в буржуазном обществе. В этом плане исключительную методологическую ценность имеет вывод К. Маркса о диалектическом соотношении личности и того социального организма, когда «человек становится в одно и то же время предметным для себя и бесчеловечным предметом» того социального целого, в котором приобщение человека к действительности есть «выключение из действительности»².

Основное антагонистическое противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, приведшее к отрыву результатов человеческого труда от человека. Отчуждение труда явилось основой отчуждения человека от его общественно-духовной сущности. Методологическая ценность понятия «отчуждение» состоит в том, что оно способствует пониманию отношения между сознанием, духовным миром человека и условиями труда, условиями его жизнедеятельности. Личность, не нашедшая возможностей для самореализации в сфере труда, свое предназначение видит в обладании ложными ценностями, сознательно культивируемыми буржуазией с помощью «массовой культуры». Одной из таких сфер самореализации личности стало потребление. Если удовлетворение материальных потребностей в условиях социализма дает простор для духовного развития, то, напротив, культ потребления, «потребительское рабство» в буржуазном обществе, всячески стимулируемое рекламой, усугубляют рабство духовное. С другой стороны, удовлетворение духовных потребностей в системе «массовой культуры» не освобождает человека от всевластия вещей. Поскольку духовный продукт в мире купли-продажи приобретает прежде всего характер товара, то он уже изначально в «массовой культуре» не направлен на развитие творческих способностей производителя и потребителя, а, наоборот, теряет свою гуманистическую основу (это можно наблюдать на примере профанирования классики), становится средством получения материальных (следовательно, и идеологических) благ для господствующего класса. «Массовая культура» специфически зафиксировала противоречие между материальным и духовным потреблением в капиталистическом обществе.

В процессе духовного потребления, как и в процессе труда, человек остался тем же придатком индустриализированной, конвейерной системы.

Только уже системы развлечений. Здесь не происходит качественного обогащения его ощущений, чувств, сознания, здесь нет движения вперед, здесь есть его иллюзия. «...На место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение этих чувств—чувство обладания»³. «Чувство обладания», формируемое развитием товарных отношений, становится «чувством индивидуализма» в нравственной сфере. Принцип индивидуализма—основной нравственный принцип капитализма, возникающий на поле столкновения личного и общественного, доминирует в системе «массовой культуры», герои которой персонализируют иллюзорные возможности несдерживаемой инициативы и полную неразборчивость в средствах достижения целей, демонстрируя постоянно и в широких масштабах «обесценение человеческого мира» (К. Маркс)⁴. Человек здесь выступает как потребитель, как «творец»-индивидуалист, все устремления которого направлены на удовлетворение собственного «Я». Мир, окружающие люди выступают для него как средство достижения цели. Это—воинствующий индивидуализм. Как отмечает Ю. А. Замоскин, «индивидуалистическая ориентация личности выступила как своего рода матрица сознания и поведения человека, задаваемая буржуазным обществом, господствующими в нем идеологией и психологией»⁵.

Дальнейшее обострение общего кризиса капитализма неразрывно связано с усилением антигуманных тенденций в развитии буржуазных стран. Во внешней политике это проявляется, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, в готовности наиболее агрессивных кругов империализма «ставить на карту жизненные интересы человечества во имя узких корыстных целей», во внутренней—в инфляции, безработице, росте военных расходов. «Людам хотят внушить, будто ядерная война может быть ограниченной, хотя примирить их с мыслью о допустимости такой войны»⁶.

В своеобразной форме эти античеловеческие тенденции отражаются в «массовой культуре», особенно в такой ее существенной части, как «массовое искусство». Фильмы, книги, комиксы, альбомы, некоторые театрализованные действия проповедают пресловутый принцип «естественного отбора»: либо ты грабишь другого, либо он грабит тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. Построенные на стремлении бизнесменов от культуры эпатировать потребителя они провоцируют у последнего представление о полной неопределенности всего происходящего. Страх на экране выступает как противоядие сомнительного порядка от страха в реальной жизни, внушая определенную модель поведения. Перед апокалипсическими картинами «массовой культуры» апокалипсисы реальной жизни воспринимаются как вполне терпимые. Новые тенденции в «масскультуре», т. е. усиление акцента на жестокости, насилии, страхе, связаны, на наш взгляд, со стремлением реакционно-монополистических кругов подготовить массы к восприятию и «пониманию» опасных для дела мира и прогресса политических, идеологических и военных решений. В этом плане насилие как одно из опаснейших средств разрушения личности выступает существенным аспектом общего процесса дегуманизации буржуазного общества. Особую опасность продукция «массовой культуры» представляет для молодежи. По официальным данным 61 % молодых людей Франции в возрасте от 15 до 19 лет регулярно смотрит программы телевидения, 89 % постоянно читает литературу преимущественно приключенческого жанра, 87 % — активные посетители кинотеатров. Для молодежи в возрасте от 20 до 24 лет эти показатели соответственно равны 47, 86, 82 %⁷. Молодежь является главным потребителем тенденциозной в идейном и эстетическом отношении духовной продукции, начиненной ядом насилия, жестокости, антикоммунизма, аморализма во всех проявлениях, включая откровенную порнографию.

«Массовая культура» составляет основу духовного потребления различных социальных, возрастных и половых категорий населения капиталистических стран, потребления, идеальная переработка которого оказывает существенное влияние на формирование личности потребителя. Особенно это характерно для продукции, культивирующей насилие, жестокость. «Фильмы, окружающие ореолом героизма реальность войны, осылающие садизм, сцены массового уничтожения людей, образ мыслей наемников и убийц, имеют идеологические, политические, моральные и психологические последствия для формирования личности»⁸. Достаточно вспомнить, что преступления американской военщины во Вьетнаме в значительной мере были подготовлены, особенно в морально-психологическом плане, массовой антигуманной культурной продукцией. В США культ наси-

лия на телевидении достиг такого размаха, что уже к 14 годам ребенок успевает увидеть на экране 11 тысяч убийств. Являясь сферой приложения свободного времени большинства населения, «массовая культура» способствует фетишизации антигуманных норм поведения в буржуазном обществе, особенно среди подростков и молодежи. Только за один 1980 год число заключенных до 18 лет во Франции увеличилось на 41 %, число смертельных исходов от употребления наркотиков за последние десять лет возросло в 34 раза⁹. В контексте других социально-экономических причин роста преступности «массовая культура» играет далеко не последнюю роль. Подобно тому, как человек в условиях капиталистического производства «не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным», подобно этому, приобщаясь к «массовой культуре», он «не разворачивает свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух»¹⁰.

Управляемое стимулирование через государственно-монополистические средства массовых коммуникаций, зрелищные предприятия, издательства, куплю-продажу таланта, цензуру и т. д. придает «массовой культуре» с ее проповедью бездумного конформизма и алчного потребления, зоологического насилия и не менее звериной жестокости, сексуальной распушенности и нравственной необязательности объективную классово-антигуманистическую направленность. Такой специализированный аппарат по регулированию культурных процессов, как цензура, помогает повянуть логичность вывода о заинтересованности господствующего класса в разрушительном характере «массовой культуры». В 1966 году в США был пересмотрен так называемый «Производственный кодекс» — последний фыговый листок запрета демонстрации полового акта на экране. В 60-е годы в Англии были отменены «законы о непристойности». С 1970 года в ФРГ порнография разрешена официально. В период утраты своего господства склонность буржуазии к варварству «приобретает методический характер, безнравственность возводится в систему, беззаконие находит своих законодателей, а кулачное право — свои кодексы»¹¹.

Регулируемое воспроизводство «массовой культуры» и ее разлагающего воздействия на личность нельзя сводить лишь к буржуазно-классовому регулированию духовных процессов. Оно отражает (и одновременно усугубляет) антигуманную сущность буржуазного образа жизни, фиксирует и еще более усиливает кризис, который пронизывает все сферы социально-экономического и духовно-политического бытия капиталистической системы, от которой эта культура неотделима. Понять причины ее популярности невозможно без учета общественных противоречий, являющихся основой «для понимания «чувств, потребностей и страстей»... людей определенных классов»¹². Отчуждение «всех физических и духовных чувств», разрушение неповторимой человеческой индивидуальности усиливается всем комплексом духовно-идеологического насилия буржуазного общества и прежде всего «массовой культурой», ограничивающей социально-культурное потребление трудящихся, опасной своим иллюзорным демократизмом, универсальной всеобщностью воздействия на потребителя, гибкостью и приспособляемостью к социально-экономическим и идейно-политическим колебаниям капитализма.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 122.

² Там же, с. 119.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений.— М., 1956, с. 592.

⁴ Там же, с. 560.

⁵ Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке.— М., 1980, с. 28—29.

⁶ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 21.

⁷ La politique culturelle en France: L'action du Ministère de la culture et de la communication.— UNESCO, 1981, p. 119.

⁸ Bongratz D. Neue Tendenzen im «Massen-Film».— Weg und Ziel, 1979, N 1, S. 415.

⁹ L'Humanité, le 5 mars 1981; l'Humanité, le 1 avril, 1980.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 90.

¹¹ Там же, т. 13, с. 464.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 200.

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ УСТОЙЧИВОСТИ
МАТЕРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Устойчивость является одной из важнейших характеристик бытия материальных предметов. Исследование устойчивости систем и процессов имеет большое как теоретическое, так и прикладное значение. Достаточно заметить, например, что в решении такой глобальной проблемы современной науки, какой является проблема управляемого термоядерного синтеза, вопросы устойчивости реакций занимают центральное место. Идея управления, разрабатываемая кибернетикой, самым непосредственным образом связана с проблемой устойчивости систем в условиях изменяющейся среды. Можно сказать, что именно развитие кибернетики дало новый импульс к дальнейшему углублению представлений об устойчивости¹.

Понятие устойчивости, выработанное в рамках механической научной картины мира, в настоящее время уже не удовлетворяет потребностям развивающейся науки. В этой связи встает вопрос о необходимости более глубокого и в первую очередь философского анализа проблемы устойчивости. «...Уже простое механическое перемещение, — замечал Ф. Энгельс, — может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем»².

Диалектический характер движения выражается и в противоречивости самой устойчивости материальных систем, что нашло отражение в различных как естественно-научных, так и философских интерпретациях устойчивости. Более детальное рассмотрение этой противоречивости, по-видимому, может способствовать углублению представлений о сущности устойчивости материальных систем.

Понимание устойчивости материальных систем, на которое опирается в настоящее время естествознание, сформировалось в рамках механической научной картины мира и его суть выражается в двух так называемых элементарных концепциях устойчивости.

Первая концепция рассматривает устойчивость как способность материальной системы из возмущенного состояния «возвратиться к невозмущенному состоянию»³. Такая интерпретация устойчивости исходит из представления о наличии некоторого предпочтительного для системы состояния, в котором она в отсутствие возмущений покоится. В рамках этой концепции была сформулирована известная теорема Лагранжа, связывающая устойчивость с минимумом потенциальной энергии системы.

Вторая элементарная концепция предполагает, что система не пребывает в состоянии покоя в отсутствие возмущений, а находится в непрерывном колебательном движении в пределах некоторого состояния. Устойчивость системы выступает как ее способность сохранять указанный характер движения не только в отсутствие, но и при наличии некоторых возмущений. При этом система рассматривается как устойчивая, если «малые воздействия приводят к малым эффектам, и неустойчива, если это положение не всегда имеет место»⁴. В духе этой концепции были сформулированы основные положения известной работы А. М. Ляпунова «Общая задача устойчивости движения» (М., 1950). Такое понимание устойчивости с некоторыми оговорками можно охарактеризовать как «динамическое».

В работе Н. А. Мещеряковой, специально посвященной философскому анализу понятия устойчивости, последняя понимается как философское понятие, предназначенное для обозначения общего свойства материальных систем препятствовать изменению своего состояния. Достоинством такого понимания устойчивости является учет момента активности системы в ее реакции на внешние возмущения. При этом в зависимости от того, будет ли система отвечать на эти возмущения как целое, или она ответит на них путем некоторых перестроек в структуре, устойчивость подразделяется на «статическую» и «динамическую». Динамическая устойчивость связывается с возможностью внутрисистемных перестроек, «приводящих к появлению таких процессов, которые бы ослабляли возмущения, приложенные к системе извне, или возникающие в ней самой в результате различных микродвижений»⁵. Статическая устойчивость в отличие от динамической обуславливается жесткими связями между элементами системы и определяется большей или меньшей энергией этих связей.

Недостатком концепции Н. А. Мещеряковой является отождествление устойчивости с сохранением состояния системы. Известно, что устойчивое существование биологических систем допускает (и даже предполагает) закономерную смену одних состояний другими. На это обстоятельство справедливо указывает П. А. Водопьянов, замечая, что в отличие от неживой природы в биологических системах само течение жизненных процессов носит устойчивый характер. Устойчивость как философское понятие выступает «отражением общего свойства материальных систем, выражающего как сохранение структурной организации за счет поддержания наиболее существенных параметров системы, так и сохранение направленности процесса, его определенной упорядоченности, путей и тенденций развития»⁶.

Выражение устойчивости через понятие сохранения, также как и попытки определить его с помощью философской категории меры, безусловно характеризуют важные моменты. Однако в них отражается не столько сущность, сколько явление устойчивости. Действительно, устойчивость всегда проявляется в сохранении каких-то параметров материальных систем, что может быть выражено в наличии инвариантов как системы, так и процесса ее развития. Между тем указание на инвариантные характеристики систем раскрывает лишь «сущность первого порядка» в понимании природы устойчивости. Более глубокое ее понимание может быть получено из анализа диалектики отношения устойчивости с противоположным моментом — изменчивостью, ибо, строго говоря, единственным понятием, под которое могут быть «подведены» как устойчивость, так и изменчивость, является понятие движения.

Обычно при рассмотрении противоречивости движения акцентируется внимание на единстве устойчивости и изменчивости. Для понимания же сущности каждого из этих моментов особое значение приобретает факт их противоположности, которая реализуется в виде их взаимного отрицания. Сущность устойчивости с этой точки зрения раскрывается как отрицание изменчивости и обнаруживается в любых формах устойчивости от простейших (инерция) до самых сложных (управление). Разумеется, отрицание изменчивости здесь должно быть понято в диалектическом смысле. Его суть применительно к понятиям устойчивости и изменчивости может быть конкретизирована с помощью понятия границы, которое Гегель рассматривал как опосредствование между противоположностями «нечто» и «иное», как «рефлектированное в себя отрицание данного нечто», которое «содержит в себе идеально моменты нечто и иного...»⁷. Учитывая, что устойчивость и изменчивость представляют собой диалектические противоположности, соотносящиеся как «нечто» и «иное», и ограничивающие в этом соотношении друг друга, можно говорить об устойчивости как об ограничении изменчивости. Устойчивость материальной системы с этой точки зрения является мерой ограничения ее изменчивости. При этом ограничение изменчивости не совпадает по смыслу с сохранением состояния системы, ибо оно может выступать и в виде сохранения тенденций ее развития. Ограничение изменчивости есть своеобразная компенсация нарушений системы. Поэтому правы те авторы, которые считают, что «устойчивость выражает свойство или состояние сложной динамической системы компенсировать нарушения без существенных структурных изменений»⁸.

Установление связи устойчивости с понятием границы позволяет выделить такие два весьма общих типа устойчивости, как качественный и количественный. Понятие границы, а следовательно, и ограничения допускает как количественную, так и качественную интерпретации, т. е. устойчивость как ограничение изменчивости может пониматься не только в количественном, но и в качественном смысле. Если с понятием количественной границы связаны преимущественно энергетические характеристики системы (масса, температура, энергия связи элементов, импульс и т. п.), то со стороны качественной границы система характеризуется в аспекте ее разнообразия. Ограничение изменчивости в последнем случае приобретает смысл ограничения разнообразия, что позволяет говорить о существовании информационного аспекта устойчивости материальных систем.

Выделение качественного и количественного типов устойчивости позволяет внести ясность в оценку тенденции изменения устойчивости систем с возрастанием их сложности. Существует, например, мнение, что главная тенденция развития материальных систем выражается в увеличении их устойчивости. Иллюстрацией этого положения служит тот общезвестный факт, что устойчивость, например, биологического организма всегда оказывается выше устойчивости его отдельных клеток, а устойчивость

вида выше устойчивости отдельных его представителей. Выдвигаются и альтернативные утверждения: при переходе от элементарных частиц к атомам, затем к химическим молекулам, к органическим образованиям и т. п. устойчивость основ понижается, ибо то, из чего построена система (ее кирпичики) всегда является более прочным, чем само «сооружение»¹. Говоря другими словами, устойчивость системы оказывается тем меньшей, чем больше ее размеры и чем большее число компонентов ее образует.

Таким образом, на вопрос «возрастает или уменьшается устойчивость систем с их усложнением» даются два альтернативных ответа. Объясняется этот парадокс тем, что речь идет, по существу, о двух типах устойчивости, представляющих собой два типа ограничения изменчивости материальных систем: количественный и качественный. В количественном аспекте устойчивость системы с возрастанием числа ее элементов, масштабов и сложности организации понижается, ибо за счет ослабления межэлементных связей система становится попросту менее прочной. Однако усложнение системы предполагает не только количественные, но и качественные изменения, в результате которых существенным образом изменяется ее разнообразие. При этом существование более сложной системы оказывается зависящим от большего числа факторов окружающего мира и она вынуждена для своего сохранения (сохранения состояния либо тенденции развития) ограничивать гораздо большее разнообразие этих факторов, чем простая система. Совершенствование механизмов обеспечения устойчивости качественного типа приводит к необходимости выделения в структуре высокоорганизованных систем специального органа — регулятора, играющего важную роль в управлении их поведением и призванного, по сути дела, ограничивать разнообразие внешних возмущений. Наличие механизмов управления позволяет относить высокоорганизованные системы к более устойчивым по сравнению с простыми, но лишь в отношении качественного типа устойчивости. Указанный парадокс, таким образом, получает разрешение при учете существования двух типов устойчивости материальных систем, количественного и качественного, тенденции изменения которых с развитием систем обнаруживают противоположный характер.

Рассмотрение устойчивости материальных систем в аспекте ограничения их изменчивости позволяет утверждать, что системе независимо от уровня ее развития всегда присуща некоторая устойчивость. Механизм ограничения изменчивости обнаруживает себя уже в самой структуре диалектического отрицания. Как показано в работе А. И. Зеленкова «Принцип отрицания в философии и науке» (Минск, 1981, с. 45), структура диалектического отрицания включает два конкурирующих процесса. Во-первых, отрицание ведет к уничтожению, разрушению определенных сторон, элементов, состояний отрицаемой системы, к преобразованию и модификации сохраненного содержания в структуре новой, отрицающей системы, во-вторых, имеет место ограничение этой изменчивости, приводящее к сохранению определенных сторон, элементов отрицаемой системы. При этом это сохранение реализуется как в отношении прогрессивных элементов системы, на основе которых происходит повышение уровня ее организации, так и в отношении «регрессивных» элементов старого в новом, способствующих понижению уровня организации отрицающей системы.

Таким образом, проявление устойчивости в существовании и развитии материальных систем может иметь сколь угодно сложные формы, однако в основе механизмов этого явления лежит противоречивый процесс качественного и количественного ограничения изменения изменчивости.

¹ Эшби У. Р. Введение в кибернетику. — М., 1959, с. 109.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 123.

³ Моисеев Н. Д. Очерки развития теории устойчивости. — М. — Л., 1949, с. 12, 214.

⁴ Беллман Р., Гликсберг И., Гросс О. Некоторые вопросы математической теории процессов управления. — М., 1962, с. 36.

⁵ Мещерякова Н. А. Устойчивость как общее свойство природных систем. — В кн.: Категории диалектики и методологии современной науки. Воронеж, 1970, с. 111, 118.

⁶ Водопьянов П. А. Устойчивость в развитии живой природы. — Минск, 1974, с. 53, 42.

⁷ Гегель. Наука логики. — М., 1970, т. 1, с. 188.

⁸ Водопьянов П. А. Экологические исследования научно-технического прогресса. — Минск, 1980, с. 34.

⁹ Свидерский В. И. Противоречивость движения и ее проявления. — Л., 1959, с. 16.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕЛИГИИ УЧЕНЫМИ БГУ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Проблема генезиса является одной из наиболее сложных в религиоведении. Ее специфика обусловлена рядом обстоятельств, многие из которых имеют общесоциологический характер. Достаточно указать на такие аспекты, как взаимосвязь этой проблемы с вопросами происхождения и эволюции других форм общественного сознания и общества в целом, а также на значимость ее для практики атеистического воспитания как составной части коммунистического воспитания трудящихся, чтобы уяснить непреходящую ее актуальность. Однако изучение любой проблемы предполагает необходимость ретроспективного анализа, обобщения пройденного пути, подведения итогов. В связи с этим думается, что шестидесятилетний опыт решения вопросов происхождения и ранних форм религии учеными университета является достаточно серьезным, чтобы попытаться его обобщить, реконструировать основные этапы изучения проблемы.

Начало исследований в этой области марксистского религиоведения связано главным образом с именами профессоров БГУ Н. М. Никольского, С. Я. Вольфсона, Р. М. Выдры, С. З. Каценбогена; в послевоенный период их традиции были продолжены В. Н. Перцевым, Г. М. Лившицем, Р. А. Никольской и др. Следует учитывать, что на этапе становления советской социологии попытки анализа проблемы генезиса религии наталкивались на яростное сопротивление богословов и религиоведов-идеалистов, которые, присваивая монопольное право на подобные исследования, по существу лишь запутывали ее, сводя к выяснению ранних верований. Поэтому уже в 1922 году Н. М. Никольский выступил с докладом «Религия как предмет науки», в котором обосновал право науки изучать религию, ибо «религия для науки есть такое же обусловленное явление, как всякое другое явление человеческого общежития». Эта работа Н. М. Никольского с полным правом может быть названа программой его дальнейших научных изысканий. Так, ученый формулирует здесь оказавшуюся плодотворной идею о необходимости сравнительно-исторического анализа языковых систем, причем, в отличие от английского религиоведа М. Мюллера, изучавшего древние литературные источники, профессор БГУ делал акцент на исследовании фольклора, так как «литература есть уже результат классового расслоения, а устное народное творчество восходит еще к эпохе первобытного коммунизма». Дополнив полученные выводы результатами этнографических и археологических находок, писал Никольский, вполне можно объяснить происхождение религии, поскольку «религия первобытного человека вращалась вокруг явлений его повседневной жизни»¹. Установки Н. М. Никольского способствовали формированию теории научного атеизма, определяли «стратегические направления» этой дисциплины, являлись оружием в борьбе с «левыми» оппортунистами (Галактионов, Лунин и др.), считавшими проблемы происхождения и истории религии «буржуазной рухлядью», а их изучение — «копанием в поповской мифологии», «гробокопательством» и т. д.

Критике извращений марксистского учения происхождения сознания А. Богдановым посвятил ряд статей профессор БГУ Р. М. Выдра. Богданов, изучая особенности мышления первобытных людей, отказывал в доверии диалектико-материалистическому методу, заменяя его учением о рефлексах, стремился таким образом «биологизировать» социологию. Р. М. Выдра, выступая на страницах журнала «Под знаменем марксизма», отметил, что исследование жизни первобытных народов, будучи лишь недавно поставлено на научную основу, открывает простор для разнообразных интерпретаций, в том числе и спекулятивных, какой является теория Богданова. Последний строил свою концепцию первобытного сознания на том, что коллективный опыт есть производное механического столкновения индивидуального опыта всех членов рода. Полемизируя с Богдановым, ученый БГУ показал, что «мышление первобытных обществ в первую очередь определяется в гораздо большей степени воздействием общественной организации»². Правда, в рассуждениях самого Р. М. Выдры можно усмотреть некоторые неточности, например, он исходит из констатации уже существующего коллективного опыта, — но ведь последний не есть нечто априорное и неизменное, напротив, он сложился в результате длительной эволюции, причем в этом процессе заметна роль отдельных

индивидуумов. На наш взгляд, эти неточности обусловлены недостаточной разработанностью понятийного инструментария, в частности, диалектики соотношения категорий части и целого.

Вопросы истории первобытной культуры применительно к проблеме происхождения религии рассматривались в статьях профессора БГУ С. З. Каценбогена, выделявшего этнографию среди других дисциплин. С. З. Каценбоген считал Белоруссию настоящим кладом для исследователя истории культуры и религии; он писал о необходимости строго научного и всеохватывающего учения «тайны первобытной Белоруссии», которая до сих пор смотрит на нас в свадьбах и религиозных обычаях, шепчет в сказке, легенде, поговорке, загадочно звенит в народной песне³. Причем, отмечал ученый, процесс эволюции общества может быть реконструирован как с помощью сравнительного метода, так и «метода переживаний», предложенного Э. Тэйлором. Последний метод, однако, следует признать несостоятельным ввиду открывающейся возможности субъективистской интерпретации изучаемых объектов и явлений в ходе его применения.

Отдавая должное деятельности научных сотрудников университета по изучению проблемы происхождения религии в довоенный период, следует заметить, что их достижения могли бы стать более значительными, если бы они на основе анализа трудов классиков марксизма-ленинизма разработали методологию атеизма. В первую очередь это относится к определению ключевых понятий: религии, ее социальной сущности, а также корней (главным образом социальных и гносеологических), без чего решение данной проблемы практически невозможно. К примеру, профессор БГУ С. Я. Вольфсон, автор первого в стране учебника по диалектическому материализму, приводил двенадцать дефиниций понятия «религия», принадлежавших философам-идеалистам, обойдя ставшее ныне общепризнанным в марксистской науке определение Ф. Энгельса⁴. Некоторые обществоведы, в том числе С. З. Каценбоген и С. Я. Вольфсон, оперировали термином «корни религии», однако либо вкладывали в это понятие неадекватное содержание; либо придавали содержанию палиативный характер⁵. Указанное обстоятельство, свойственное, кстати, советской социологии того времени в целом, свидетельствовало о синкретичности религиоведения и тормозило исследования проблемы происхождения религии. Поворот намечался лишь в начале 30-х годов, когда ученые страны стали углубленно изучать теоретическое наследие В. И. Ленина, обогатившего научный атеизм ценнейшими положениями, имеющими принципиальное, методологическое значение. Одним из первых, кто назвал В. И. Ленина «глубоким мыслителем нашей эпохи» и оценил его как философа наравне с К. Марксом, был профессор БГУ Б. Э. Быховский⁶. Позже профессор С. Я. Вольфсон обосновал правомерность и необходимость признания великого мыслителя основателем нового, высшего этапа в развитии научного атеизма⁷.

Овладение марксистско-ленинской теорией учеными университета выразилось в заметной эволюции их мировоззрения, плодотворно сказалось на научном творчестве. Особенно успешно стали разрабатываться вопросы, связанные с возникновением ранних форм религии. Уже в 1933 году Н. М. Никольский, изучая белорусский этнографический и фольклорный материал, обнаружил в нем древнейшие реминисценции «примитивного безрелигиозного мировоззрения»⁸, подтвердив тем самым вывод о наличии безрелигиозного периода в истории общества. Значение этого вывода тем весомее, что некоторые советские ученые, исходя из признания самым древним человеком представителя палеолита и наличия в его сознании элементов религиозности, отрицали возможность безрелигиозного периода⁹. Заключение Н. М. Никольского о том, что зачатки религиозных верований возникают в раннеродовом обществе, согласуется с мнением большинства современных исследователей. Причем вопреки имевшей в 30-е годы широкое распространение анимистической концепции происхождения религии, ученый считал, что «поклонение животным», или культ животных, было, первой формой религии — тотемизмом. Что же касается веры в духов, то она, по мнению Н. М. Никольского, возникла в тотемических коммунах¹⁰. С. Я. Вольфсон, напротив, будучи сторонником точки зрения Г. В. Плеханова, утверждал, что наиболее ранней формой религии был анимизм; в то же время наш обществовед необоснованно сужал базу возникновения тотемизма, сводя ее к страху «первобытного человека перед опасными и грозными представителями животного мира»¹¹. К сожалению,

мысли о наиболее ранних верованиях не нашли в работах С. Я. Вольфсона достаточного обоснования и развития.

Затрагивая вопрос о периодизации возникновения первоначальных форм религии, следует отметить, что в отечественной литературе и в настоящее время нет единой точки зрения на то, в какой последовательности формировались эти верования. Более того, отдельные исследователи вообще полагают, что не только магия, но и анимизм представляют собой лишь структурные элементы религии¹², а некоторые зарубежные авторы, по свидетельству Д. Е. Хайтуна, высказывают такую же мысль и по поводу тотемизма¹³.

Думается, что вопрос исторического приоритета того или иного первобытного верования не является первостепенным при анализе проблемы генезиса религии, поскольку, как верно замечает Д. М. Угринович, общественное сознание в первобытном обществе носит аморфный, слитный, «диффузный» характер¹⁴. Синкретическое сознание членов раннеродовых общин содержит в эмбриональном состоянии черты основных верований, которые затем дифференцируются в специфические формообразования. Тем не менее опыт классификации ранних форм религии по тому или иному принципу заслуживает внимания, так как предоставляет возможность уяснить условия и «механизм» возникновения и эволюции религии как социального явления. Такого рода исследование содержится в монографии доцента БГУ имени В. И. Ленина Р. А. Никольской «Происхождение религии и ее первобытные формы» (Минск: Изд-во БГУ, 1968). Появление фетишизма Р. А. Никольская относит к эпохе мустье, так как у неандертальцев были накоплены определенные «знания» о «значении материальных предметов... о полезных свойствах камня и дерева». Зарождение тотемизма автор связывает с эпохой собирательства и охотой, попутно высказывая оригинальную мысль о причине возникновения табуации тотема как необходимости сохранения исчезающего вида растения или животного. Она полагает, что табу конституируется в эпоху верхнего палеолита, когда на земле уже обитал человек, «в жизни которого социальные закономерности брали верх над биологическими»¹⁵. Признавая анимизм более «запутанным и сложным» верованием, Р. А. Никольская все же делает вывод, что лишь в сознании неолитов верхнего палеолита могли сложиться абстрактные представления, имеющие основой звуковую речь; с другой стороны, мыслительно-речевой аппарат представителя эпохи мустье был еще явно недостаточен для формирования представлений такого уровня.

С удовлетворением констатируя несомненные успехи университетских обществоведов в изучении указанной проблемы в послевоенный период, нельзя не отметить и недостатки. Мало внимания уделялось изучению корней религии. Р. А. Никольская, например, рассматривала социальные предпосылки возникновения религии лишь применительно к классово-антагонистическим формациям, неоправданно элиминируя стихийные силы природы, дошедшие над первобытным человеком¹⁶. Профессор БГУ В. Н. Перцев, игнорируя гносеологические истоки религии, полагал, что материализм якобы требует искать корни религии в «материальных условиях существования человека, а не в ...сознании»¹⁷.

Начиная с середины 60-х годов в университете усиливается внимание к разработке проблем научно-атеистической тематики: в этот период написано немало монографий, защищен ряд диссертаций. В некоторых из них нашла отражение и проблема происхождения религии, дана основательная критика ее немарксистских концепций. Так, в кандидатских диссертациях и монографиях Р. Я. Гребенникова, А. А. Круглова, И. Ф. Рекуца анализировалось творчество соратников В. И. Ленина — Е. М. Ярославского, И. И. Скворцова-Степанова и А. В. Луначарского, которые уделяли немало внимания проблеме происхождения религии и атеизма.

В одной статье сложно осветить большую исследовательскую деятельность философов и историков университета, занимавшихся вопросами генезиса ранних верований, однако даже на основании изложенного можно сделать вывод, что обществоведы БГУ имени В. И. Ленина внесли определенный вклад в разработку и решение проблемы происхождения религии.

¹ Никольский Н. М. Религия как предмет науки. — Минск, 1923, с. 4, 25, 31.

² Выдра Р. «Загадки» первобытного мышления и их разгадка. — Под знаменем марксизма, 1925, № 6, с. 156, 160.

- ¹ Каценбоген С. З. Нарысы па гісторыі першабытнай культуры Беларусі.— Палымя, 1924, № 1, с. 162.
- ² См.: Вольфсон С. Я. Диалектический материализм.— Минск, 1929, с. 421—422.
- ³ Там же, с. 441, 443, 448—449.
- ⁴ Быховский Б. Материализм и диалектика в творчестве В. И. Ленина.— Под знаменем марксизма, 1924, № 2, с. 240.
- ⁵ См.: Вольфсон С. Я. Аб ленинскім этапе ваяўнічага атэізму.— Мінск, 1932, с. 24—25.
- ⁶ Нікольскі Н. М. Жывёлы ў звычайх, абрадах і вераваннях беларускага сялянства.— Працы секцыі этнаграфіі АН БССР. Мінск, 1933, вып. 3, с. 87.
- ⁷ См.: Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии.— Л., 1936, с. 242.
- ⁸ Нікольскі Н. М. Гісторыя. Дакласавое грамадства. Старажытны ўсход. Антычны свет.— Мінск, 1933, с. 45, 46.
- ⁹ Вольфсон С. Я. Диалектический материализм, с. 435.
- ¹⁰ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие.— М., 1964, с. 29.
- ¹¹ См.: Хайтун Д. Е. Тотемизм: Его сущность и происхождение.— Сталинабад, 1958, с. 6.
- ¹² См.: Угринович Д. М. О специфике религии.— М., 1961, с. 31—32.
- ¹³ Никольская Р. А. Происхождение религии и ее первобытные формы.— Минск, 1968, с. 58, 70.
- ¹⁴ См.: Основы научного атеизма.— Минск, 1967, с. 8.
- ¹⁵ Перицау У. М. Як узнікла рэлігія.— Мінск, 1958, с. 2—3.

В. А. МИХАЙЛОВ

К АНАЛИЗУ ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ

С внешней стороны научная полемика выглядит как сопоставление, сравнение и всестороннее обсуждение нескольких мнений (гипотез, предлагаемых решений, исследовательских программ) по отношению к выдвинутому вопросу. Но, как правило, констатации внешних проявлений совершенно недостаточно, если мы хотим раскрыть внутренние сущностные свойства, чтобы судить о действительном содержании предмета. Для научной полемики важна логическая структура, которая, на наш взгляд, не может быть выявлена, верно зафиксирована и правильно понята без обращения к анализу генезиса научного знания, специфики науки как формы общественного сознания.

Еще Платон обратил внимание на то, что действительное знание связано с пониманием, достигаемым с помощью особого рода познавательной процедуры—объяснения. Не подкрепленное доводами представление он не считал еще знанием, хотя отличал от невежества незнания. «Если нет объяснения, какое же это знание?—писал он.—Но это и не невежество. Если оно соответствует тому, что есть на самом деле, какое же это невежество? По-видимому, верное представление—это среднее между пониманием и невежеством»¹.

Согласно определению Платона, знание (читай: научное знание) достигается лишь в результате рефлексии над верными представлениями, как следствие их понимания и объяснения. Это согласуется с современными воззрениями на сущность науки и ее генезис. В работах советских методологов показано, что само по себе накопление и передача сведений, воплощенных в разного рода рецептах практической деятельности, правилах счета, технологических схемах и т. д., означает только предпосылку науки. Формирование собственно научного знания связано с выявлением способов контроля над ходом, формами, условиями и основаниями процесса познания, с превращением вплетенных в практическую деятельность познавательных средств и норм в предмет специального исследования². Иными словами, научное знание есть не только знание о внешней по отношению к человеку реальности, но и его осознание, т. е. оценка и самооценка, критика и самокритика знания. Таким образом, становление науки с самого начала заключало в себе необходимый полемический компонент.

Критико-рефлексивная деятельность над знанием как совокупностью сведений указанного рода вряд ли могла быть возможна для первобытного сознания. Мнимое всезнание, «эпистемологическое самомнение» первобытного человека³ питалось и определялось его родовым состоянием, он не мог вырваться из рамок родовых представлений и установок, ибо был

«столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью»⁴. Как отметил Ф. Энгельс, «племя, род и их учреждения были священные и неприкосновенны, были той данной от природы внешней властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих мыслях, чувствах и поступках»⁵.

Отсюда, на наш взгляд, вытекает положение, весьма существенное для понимания генезиса научной полемики: как способ добывания истины она заранее исключалась специфической положением индивидуума в структуре первобытных общественных отношений. Она могла стать имманентно присущей процессу познания на том этапе общественной эволюции, когда вследствие усложнения социальных связей и обогащения форм общения на основе прогрессирующего разделения труда оказались возможными не один, а многие подходы к одной и той же ситуации, освоение ее различными средствами, с разных, иногда противоположных, позиций и интересов. Борьба мнений (и не только их), естественно возникающая в условиях зарождения товарных отношений, есть, стало быть, следствие исторического прогресса человека и его деятельности. Теперь традиция, вера, ссылки на авторитеты уже не были достаточными аргументами для принятия той или иной точки зрения, жизненной позиции. В роли общеобязательной силы могло выступить лишь нечто, обладающее объективной значимостью, — истинное знание, которое можно было удостоверить столь же объективными, однозначными средствами. Таким образом, научная полемика возникла как внутренне необходимая черта процесса развития знания и с самого начала была призвана служить вполне определенной цели — утверждению истины на основе критико-рефлексивной деятельности человека.

Логическая структура научной полемики как бы запечатлела в снятом виде наиболее существенное в ее генезисе. Независимо от предметной области эта структура определяется соотношением следующих элементов: а) вопроса, подлежащего всестороннему обсуждению и решению; б) различных мнений, допускаемых постановкой вопроса и выступающих в качестве положений, которые требуется обосновать; в) аргументов, приводимых для обоснования тех или иных мнений. Некоторые авторы⁶ в качестве элемента структуры полемики называют также логическую связь вопроса с мнениями и аргументами. На наш взгляд, такая точка зрения вряд ли приемлема, так как она предполагает использование разных критериев при членении структуры полемики на части. Логическая связь — это не элемент, или часть структуры полемики, а внутренне необходимый аспект системы «вопрос — мнение — аргумент».

Центральное место в структуре полемики занимает обсуждаемый вопрос. Как правило, он возникает и ставится не по прихоти отдельных ученых или их групп. Своими корнями он уходит в реальность, лежащую вне субъекта, и подчиняется закономерностям развития научного знания. В основе вопроса лежат объективно складывающиеся условия, противоборствующие тенденции, вызывающие проблемную ситуацию, осознание которой зависит от установок и возможностей познающего субъекта.

Возможны различные срезы, проекции проблемной ситуации, отображающие ее с большей или меньшей полнотой. Каждая такая проекция позволяет видеть в проблемной ситуации нечто такое, чего в ней не видно с других точек зрения. Всестороннее и объективное обоснование решения вопроса не может быть получено без выявления, сопоставления и анализа субъективных, т. е. в той или иной мере односторонних, неполных точек зрения. Различают вопросы творческие и нетворческие. Ответ на нетворческий вопрос следует непосредственно из схемы его построения путем замены неизвестностей на некоторую константу без логического преобразования предпосылок. Ответ на творческий вопрос отыскивается опосредованным путем, с преобразованием предпосылок по правилам выводов и даже выработкой и использованием новых, ранее не известных в науке знаний. В зависимости от того, достаточно или недостаточно наличных знаний для получения исчерпывающего ответа, творческие вопросы подразделяются на задачи и проблемы⁷. Сущности научной полемики наиболее соответствуют творческие вопросы. Полемический «всплеск» может быть следствием нетворческого вопроса, но он, как правило, быстро исчезает, так как ответ на подобный вопрос уже заключен в имеющемся знании и дается на основе информационного поиска.

Задача представляет собой более сложный случай. Однако полемика, вызванная ситуацией задачи, по существу сводится к обсуждению спосо-

бов соотношения данных задачи, устранения избыточности в ее условиях, привлечения необходимых средств решения из уже исследованных областей и т. д. с целью выведения общезначимых и неоспоримых следствий и потому всегда плодотворна и перспективна в том смысле, что содержит в себе все необходимые потенции для получения окончательного решения-ответа.

Пolemика, вызванная обсуждением научной проблемы, не может привести к однозначному окончательному решению. Это связано со спецификой понятия научной проблемы, возникающей в ситуации недостаточности средств для достижения поставленной в науке цели. При столкновении с проблемой возникает необходимость в том, чтобы, устраняя избыточные и противоречивые данные в условиях проблемы, расширяя или суживая ее, «добиться такой ситуации, когда средства становятся необходимыми и достаточными для достижения цели. Тем самым проблема превращается в задачу с четкой, ясной и однозначной постановкой (или хотя бы приблизительно эквивалентной ей)»⁸. Очевидно, что poleмика при этом не может сыграть решающей роли, нужна дополнительная научно-исследовательская работа, прежде всего по нахождению недостающих средств решения проблемы.

Успех poleмики во многом зависит от правильности формулировки ее центрального вопроса в соответствии с требованиями: а) точности, ясности, однозначности; б) соответствия нормам языка; в) истинности предпосылок; г) своевременности; д) оптимальности информации⁹. Нарушение принципов формулировки вопросов может привести к poleмике, лишенной смысла, о чем И. Кант писал следующее: «Умение ставить разумные вопросы есть уже важный и необходимый признак ума и проницательности. Если вопрос сам по себе бессмыслен и требует бесполезных ответов, то, кроме стыда для спрашивающего, он имеет иногда тот недостаток, что побуждает неосторожного слушателя к нелепым ответам и создает смешное зрелище: один (по выражению древних) козла доит, а другой держит под ним решето»¹⁰.

Постановка вопроса определяет число мнений, вокруг которых разгорается борьба poleмизирующих сторон. Мнение представляет собой мысль, предлагаемую без достаточного основания, официально не принятую, не апробированную необходимой аргументацией и данными практики. Мнение можно рассматривать как один из предположительных ответов на вопрос, поэтому оно не должно быть противоречивым и в то же время не должно быть тавтологией, всегда истинным утверждением (логическим законом); оно должно уменьшать неопределенность вопроса, быть информативнее его. Мнение, не соответствующее основе вопроса или выходящее за пределы известной области, должно сходу отвергаться как недопустимое, нарушающее требование одного из основных законов логики — закона тождества. Такого рода мнения нередко выдвигаются с целью увести poleмику в сторону, сделать ее непродуктивной.

Обсуждение мнений, обоснование их с помощью других положений науки есть необходимое условие развития последней, ибо мнение — это лишь «субъективный, произвольный способ представления и мышления того или иного индивида»¹¹. Однако в качестве равноправного члена в структуре poleмики оно должно отвечать определенным объективным критериям. В частности, оно должно однозначно истолковываться, а для этого составляющие его термины должны быть строго определенными, ясными и понятными каждому участнику poleмики. В противном случае возможна логомахия, т. е. такой спор, участники которого, не определив вначале с точностью предмета спора, опровергают друг друга и не соглашаются друг с другом только потому, что употребляют неуточненные слова для выражения своих мыслей. Еще в древней Индии существовало правило: если кто-то собирается критиковать какое-то положение, то он должен его повторить и получить согласие своего оппонента на то, что правильно понимает и излагает смысл этого положения. Соблюдение этого правила помогало избавляться от двусмысленной, неточной трактовки мысли, а значит, не всегда обоснованной критики.

Обсуждение мнений в процессе poleмики сводится к их обоснованию. Правила обоснования хорошо разработаны традиционной логикой, как и сама теория обоснования. Но обоснование в процессе научной poleмики имеет некоторые специфические свойства. Известно, что обоснование — это логический прием, направленный на установление истинности одного положения с помощью других положений. Специфика обоснования в на-

учной полемике связана прежде всего с тем, что в процессе полемики об-суждается не одно, а несколько различных мнений, касающихся одного и того же вопроса. Кроме того, каждый участник полемики, высказывая свое мнение или присоединяясь к мнению других участников, обязан его доказывать, и никто не должен принимать чье-то мнение без убедитель-ной аргументации. Наука устанавливает истинность новых положений, сопоставляя их с теми, истинность которых уже установлена (аксиома-ми, ранее открытыми законами науки, фактами и пр.), т. е. опираясь на доказательство. Наряду с позитивным обоснованием определенных мнен-ний процесс научной полемики предполагает критическую и самокрити-ческую проверку на прочность всей системы аргументации: анализ до-водов, критика и самокритика логической связи аргументов со своими тезисами-мнениями и обсуждаемым вопросом, всестороннее рассмотре-ние различных суждений и вытекающих из них следствий. Любые факти-ческие или логические недочеты и слабые места в сопутствующих рас-суждениях принимаются во внимание и чреватые существенными, деструк-тивными последствиями по отношению к соответствующему мнению.

Природа и структура научной полемики соотносимы в том плане, что в структуре как бы в снятом виде зафиксированы отношения, характер-ные для ее генезиса (онтогенез повторяет логику филогенеза). Этот факт нетрудно обнаружить и понять, если принять во внимание определенное тождество между деятельностью по обоснованию и объяснению научных достижений. Поэтому сущность полемики как феномена развития науки может получить полное освещение лишь с учетом единства рассматри-ваемых сторон.

¹ Платон. Избранные диалоги.— М., 1965, с. 156.

² См.: Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности.— М., 1978, с. 5; Степин В. С. Естествознание как социокультурный феномен: К проблеме становле-ния естествознания в истории цивилизации.— В. кн.: Ценностные аспекты современного естествознания. (Тез. докл. к теор. конф.). Обнинск, 1979, с. 25; Лекторский В. А., Швырев В. С. Диалектика практики и теории.— Вопросы философии, 1981, № 11, с. 15—16.

³ См.: Наука и нравственность.— М., 1971, с. 197.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 346.

⁵ Там же, т. 21, с. 99.

⁶ См.: Соколов А. Н. Проблемы научной дискуссии.— Л., 1980, с. 85.

⁷ См.: Берков В. Ф. Структура и генезис научной проблемы.— Минск, 1983, с. 58.

⁸ Берков В. Ф. Задачи и проблемы в структуре научной деятельности.— Вестн. Белорусского ун-та. Сер. 3, 1980, № 1, с. 35.

⁹ См.: Сборник упражнений по логике.— Минск, 1981, с. 152.

¹⁰ См.: Кант И. Соч.— М., 1969, т. 3, с. 159.

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики.— М., 1972, т. 3, с. 13.

В. А. УТКЕВИЧ

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАК СРЕДСТВО ИНТЕГРАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Современная физика характеризуется возрастанием интегративных тенденций в ее развитии. Под интеграцией физического знания понимает-ся процесс непрерывного объединения физических законов и теорий, идей и методов, выработанных различными физическими дисциплинами, процесс их взаимопроникновения и взаимосвязывания на основе однород-ности объектов изучения. Объективной основой этого процесса является материальное единство мира. Но, будучи необходимым, данное условие не является достаточным. Интеграция физического знания предполагает наличие еще некоторых условий, которые зависят от уровня развития са-мой физической науки. Главное из этих условий—математизация физи-ки. Сущность данного процесса не только в проникновении математиче-ских методов в физику и другие науки, хотя и это важно («Наука только тогда достигает совершенства,—считал К. Маркс,—когда ей удастся овладеть математическими методами»)¹, но и в том, что современная фи-зика вообще неотделима от математики. Такая интегративная функция математики в естествознании вообще, и в физике в частности, связана со специфическими особенностями математики как науки. Во-первых, мате-матика наиболее абстрактная из всех наук, а поэтому любой ее вывод

относится не к одному конкретному объекту, а ко многим, различным по своей сущности². Во-вторых, математика изучает количественные отношения и пространственные формы материального мира. Но так как любая физическая дисциплина исследует ту или иную форму движения материи, а материя не может двигаться иначе, как в пространстве и времени, то и любая физическая теория должна в своем построении (в явном или неявном виде) исходить из того или иного определения пространства и времени. Следовательно, для интеграции физических законов и теорий предварительно необходимо выбрать единую, вполне определенную, концепцию пространства и времени, что во многом предопределяется введенным геометрией пространством и временем. В-третьих, математические объекты не имеют прямых аналогов действительности, поэтому существует возможность описания разнородными математическими понятиями одной и той же конкретной ситуации. И, наконец, в-четвертых, интеграция физического знания не есть формальный процесс. Она возможна лишь при выявлении чего-то, объединяющего отдельные физические факты, явления, стороны объекта в единое целое, т. е. при выявлении сущности объекта. Но «в физических теориях понятие о сущности выражается с помощью математических уравнений...»³ Вот основные причины того, что благодаря математизации возможна интеграция физического знания (кстати, необходимо отметить, что процесс математизации физики также является интегративным процессом, но уже более высокого уровня).

В математизации физического знания традиционно выделяют три основных этапа: применение математики как средства вычисления; создание математических моделей; создание полностью или частично формализованных математических теорий физических явлений. На каком же из этих этапов математика становится главным средством интеграции физического знания? Первый этап характерен для всего естествознания. Практически он реализуется в момент зарождения любой науки. Но уровень математизации физики на этом этапе явно невисок, а поэтому интеграция здесь может быть лишь формальной, да и это не объединение физических законов и теорий, а лишь приведение каких-то эмпирических данных в некоторую (причем не до конца определенную) систему. Что касается третьего этапа, то он в физике реализован лишь в некоторых, наиболее развитых теориях, но даже и они не являются чисто математическими, а имеют вполне определенную физическую интерпретацию. Кроме того, на этом этапе главную интегрирующую роль играет не теория, а аксиоматико-дедуктивный метод ее построения, сама же теория может служить моделью для теорий большей степени общности. Моделью, в которой формальному описанию подверглись не только какие-то свойства объекта или сам объект, но и правила логического оперирования с ним. Следовательно, основным средством интеграции физического знания является именно математическая модель.

Каково же содержание термина «математическая модель»? В современной философской литературе есть множество определений понятия модели. На наш взгляд, наиболее удачным является определение В. А. Штоффа⁴. Необходимо также отметить, что математическая модель не имеет каких-либо принципиальных отличий от других видов моделей. «Любая модель строится с помощью определенных теоретических принципов и реализуется какими-то средствами. Модель, построенную на принципах математической теории и реализуемую с помощью математических средств, и называют математической моделью»⁵.

В процессе интеграции физического знания можно выделить следующие этапы. 1) Первичный. Его сущность выражается в открытии физического закона или создании новой теории с последующим расширением области ее применения. 2) Диалектическое разрешение борьбы конкурирующих теорий. 3) Объединение первоначально независимых, но сопоставимых теорий. 4) Создание теории большей степени общности, чем предыдущая. 5) Создание «единой» физической теории.

Рассмотрим каждый из этих этапов. Первый непосредственно связан с созданием феноменологических моделей, полученных прямым наблюдением объекта. Если «форма всеобщности в природе — это закон...»⁶, то феноменологическая модель является математической формой выражения закона. На данном этапе суть синтеза сводится к выявлению связей между различными физическими величинами. Эти связи устанавливаются в результате прямого наблюдения объекта, обобщения эксперимен-

тальных данных, т. е. выявления определенных закономерностей в них, и выражаются в виде математических уравнений. Причем, любое уравнение становится математической моделью не само по себе, а лишь при определенной физической интерпретации входящих в него величин. Такое построение физического закона или теории характерно, в первую очередь, для раннего этапа развития физики, например, классической механики. Но уже в этом случае математическая модель выражает не только форму физического закона, но и его сущность. При достаточной развитости физической теории феноменологические модели могут строиться не только на основе непосредственных наблюдений, но и по аналогии. В данном случае математическая модель часто выполняет свою интегративную функцию потенциально, так как экстраполируя ее с одного уже ранее известного физического объекта на другой, мы тем самым «объединяем» ранее известную теорию с той, которая могла бы возникнуть. История развития физики дает примеры и реальной интеграции подобного типа (назовем ее «поглощением»), когда именно благодаря экстраполяции, возможно включение некоторых частиц теорий в более общую, причем уже в качестве самостоятельных. В этом случае математическая модель не претерпевает изменений с формальной стороны. Но содержательно она изменилась, так как изменилась (стала более широкой) физическая интерпретация входящих в нее переменных.

Как уже отмечалось, такая экстраполяция физического закона или теории на новую предметную область возможна лишь благодаря математической тождественности физических законов, относящихся к различным материальным объектам. Такого рода тождественность для операционалистов имеет чуть ли не мистический смысл. На самом же деле «в аналогичности математической модели целого ряда физических явлений нет ничего мистического, ничего субъективного... Математическое моделирование физической теории сделало предельно ясным внутреннее единство очень широкого круга явлений, показало возможность применения одних и тех же математических идей к очень большому кругу различных природных объектов. Это убедительно свидетельствует о материальном единстве мира, о наличии общих черт, сторон, моментов во внешне разнородных областях физического мира»⁷. В этом случае математическая модель реализует интегративную функцию не в момент своего построения (хотя при построении эта функция уже в потенции заложена), а на этапе ее экстраполяции с одной стороны действительности на другую.

Второй этап интеграции физического знания не является обязательным. В самом деле, он предполагает существование двух конкурирующих теорий. Но, во-первых, многие теории с момента зарождения практически не имели конкурентов, во-вторых, некоторые теории оказались совершенно неадекватными по отношению к отображаемой ими действительности. В этом случае происходило не объединение конкурирующих теорий, а простое отбрасывание неправильных. Но и здесь математическая модель являлась одним из главных средств такой операции. Наиболее ярко это заметно на примере физических теорий, опирающихся на одну и ту же экспериментальную базу, причем не настолько развитую, чтобы подтвердить или опровергнуть их. В этом случае процесс оценки двух конкурирующих теорий основывается в большей степени на таких критериях, как красота математической модели, простота входящих в нее уравнений и т. д.⁸. История развития физики свидетельствует о высокой надежности такого подхода, о том, что последующие эксперименты, как правило, подтверждают его выводы. Классическим же примером объединения конкурирующих теорий является создание Луи де Бройлем теории света. Как известно, еще с семнадцатого века существовали две конкурирующие теории света: корпускулярная (Ньютона) и волновая (Гюйгенса). По способу построения математические модели в этих теориях являлись типично феноменологическими. Луи де Бройль устранил противоречия между этими теориями, причем его математическая модель была индукционной. Она явилась обобщением феноменологических моделей Гюйгенса и Ньютона, которые, в свою очередь, стали асимптотическими моделями для моделей де Бройля (например, при расстояниях намного больших, чем длина волны света волновая оптика переходит в геометрическую ньютоновскую оптику). Такой процесс построения индукционных моделей (и общей теории) объясняется следующим. Изучая одни из многообразных свойств материи, мы можем забыть о других (часто противоположных), а поэтому и создаются теории, кажущиеся исключительными

друг друга (а на самом деле отображающие лишь отдельные стороны, а не весь изучаемый объект в целом). Но в определенных условиях эти противоположности могут оказаться тождественными и даже взаимопереходят друг в друга. В реальном единстве этих противоположных сторон действительности и заключены объективные предпосылки создания общей теории. Такая теория не есть механическое сложение двух конкурирующих, это совершенно новая теория, которая органически включает в себя старые. Причем математические модели старых теорий обязательно должны получаться как предельный случай, как упрощение новых моделей, отвлечение от некоторых свойств реального мира, как асимптотическое приближение к какой-то одной стороне референта.

Третий этап интеграции физического знания предполагает наличие двух или более сопоставимых теорий. Некоторые предположения о логических соотношениях между двумя теориями можно сделать и при анализе содержательных физических теорий, но установить, какие именно соотношения существуют между ними возможно лишь на основе анализа полностью аксиоматизированных теорий (в противном случае нам будет неизвестно, что сравнивается). Именно недостаток формализованных физических теорий является причиной слабого логико-математического и отчасти гносеологического анализа соотношения между сопоставимыми теориями. С формально-логической точки зрения две сопоставимые теории могут находиться в следующих соотношениях: а) пересечение; б) включение; в) логической (но не обязательно семантической) эквивалентности. Случай пересечения соответствует второму этапу интеграции физического знания, случай включения — четвертому, для третьего же этапа характерна логическая эквивалентность теорий.

Установить логическую эквивалентность теорий возможно двумя методами. Суть первого состоит в непосредственном сравнении результатов применения двух теорий к различным задачам. Так, если решение одних и тех же задач методами разных теорий дает одни и те же результаты, мы вправе сделать предположение о логической эквивалентности теорий. Но это только предположение, а не доказательство, для доказательства необходимо решить все задачи, что, разумеется, невозможно. Строгое доказательство может быть получено лишь при выявлении тождественности математического аппарата этих теорий, эквивалентности их математических моделей.

Четвертый этап интеграции физического знания имеет некоторые общие черты как с первым, так и со вторым. Как и первый этап, он начинается с создания новой физической теории. Но математические модели этой теории не являются чисто феноменологическими⁹. Создание новой теории большей степени общности не есть «поглощение» старой. Взаимосвязь между ними и их математическими моделями определена принципом соответствия Нильса Бора.

Что касается пятого этапа, то на пути его практической реализации лежат большие трудности принципиального характера¹⁰. Поэтому процесс интеграции физического знания никогда не закончится созданием «единой», всеохватывающей теории, как бы не были велики успехи на пути продвижения к этой цели.

¹ Меринг Ф. Воспоминания о Марксе и Энгельсе.— М., 1956, с. 43.

² См.: Гнеденко Б. В. Математика и современное естествознание.— В сб.: Синтез современного научного знания. М., 1973, с. 145.

³ Оганезов К. С. Принцип соответствия и его место в логической структуре физической теории.— *Философские науки*, 1975, № 1, с. 31.

⁴ См.: Штофф В. А. Моделирование и философия.— М.— Л., 1966, с. 19.

⁵ Акчурина И. А., Веденев М. Ф., Сачков Ю. В. Познавательная роль математического моделирования.— М., 1968, с. 10.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 549.

⁷ Жбанкова И. И. Гносеологическая роль математической модели в построении физической теории.— В сб.: Гносеологические проблемы формализации.— Минск, 1969, с. 205—206.

⁸ См.: Янг Ч. Эйнштейн и физика второй половины XX века.— *Успехи физических наук*, 1980, т. 132, вып. 1, с. 173.

⁹ См.: Степин В. С. Проблема субъекта и объекта в опытной науке.— *Вопросы философии*, 1970, № 1, с. 83.

¹⁰ См.: Бирюков Б. В. Актуальные проблемы философско-кибернетических исследований.— *Философские науки*, 1981, № 2, с. 28—29.

Навуковы камунізм

П. П. ДРОНЬ, В. Ф. ШАЛЬКЕВИЧ, М. Д. ТИВО
ЖИЗНЕННОСТЬ УЧЕНИЯ МАРКСА

В этом году коммунисты, трудящиеся всего мира широко отмечают 165-летие со дня рождения и 100-летие со дня смерти Карла Маркса — основоположника научного коммунизма, гениального мыслителя, пламенного революционера, учителя и вождя мирового пролетариата. Вместе со своим великим соратником Фридрихом Энгельсом К. Маркс создал бессмертное учение. Возникновение марксизма — закономерный результат всего предшествующего исторического развития. В идейно-теоретическом отношении оно было подготовлено учениями «величайших представителей философии, политической экономии и социализма»¹, а также крупными открытиями в области естествознания. На этой основе К. Маркс и Ф. Энгельс разработали стройную систему философских, экономических и социально-политических взглядов, которая указала пролетариату, всем трудящимся пути ликвидации эксплуататорского строя, уничтожения всех видов порабощения человека человеком, создания бесклассового коммунистического общества. Выработав научное мировоззрение пролетариата, вооружив рабочий класс пониманием его исторической миссии, указав пути соединения научной теории с массовым рабочим движением, К. Маркс и Ф. Энгельс совершили величайший переворот в общественном сознании человечества. Благодаря их научной деятельности и революционной борьбе социализм превратился из утопии в науку. «В немногих словах, — писал В. И. Ленин, — заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку»².

Теория научного коммунизма разрабатывалась К. Марксом в тесной связи с его философским и экономическим учением. Ф. Энгельс указывал, что создание научного коммунизма стало возможным благодаря двум великим открытиям К. Маркса в области философии и политической экономии: материалистическому пониманию истории и теории прибавочной стоимости. Применяв материализм к изучению исторического развития, К. Маркс показал определяющую роль материального производства в общественной жизни, доказал неизбежность смены одной общественно-экономической формации другой, обосновал решающую роль народных масс и прежде всего рабочего класса в историческом процессе, сделал вывод о преходящем характере капиталистического строя, закономерности его гибели. Теория прибавочной стоимости, которая, по словам В. И. Ленина, является краеугольным камнем марксистской политической экономии³, вскрыла внутренний механизм капиталистической эксплуатации, доказав, что она совершается посредством присвоения капиталистами продукта неоплаченной части труда наемных рабочих. Тем самым была выявлена глубочайшая основа непримиримого классового антагонизма между пролетариатом и буржуазией. Отсюда К. Маркс сделал вывод, что освобождение пролетариата от эксплуатации может быть достигнуто только в результате непримиримой классовой борьбы, революционного уничтожения капитализма. Последовательное применение материалистического понимания истории и экономической теории к анализу капиталистического общества дало возможность научно доказать неизбежность революционной замены капитализма социализмом, определить

пути перехода к новому обществу, открыть силу, способную выполнить эту всемирно-историческую задачу. Такой социальной силой является пролетариат — создатель «социалистического общества»⁴.

К. Маркс показал, что из всех трудящихся классов только пролетариат обладает социалистической природой, ибо он лишен собственности на средства производства и существует за счет продажи своей рабочей силы капиталистам. Поэтому он кровно заинтересован в уничтожении частной собственности на средства производства и создании общественной социалистической собственности. «Обоснование всемирно-исторической миссии пролетариата — величайшая заслуга Маркса»⁵. Открыв и обосновав всемирно-историческую роль пролетариата, К. Маркс создал и подлинно научную теорию классов и классовой борьбы, показав, что классовая борьба пролетариата против буржуазии неминуемо ведет к социалистической революции. Социалистическую революцию К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали как единственный возможный способ завоевания пролетариатом политической власти, создания условий для строительства нового общества. Они указали на многообразие форм ее осуществления. Основоположники научного коммунизма выдвинули идею о непрерывной революции, о возможности перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. К. Маркс высказал мысль о том, что союзником пролетариата в социалистической революции будет трудовое крестьянство, интересы которого находятся в непротиворечии с интересами буржуазии. К. Маркс сформулировал положение о неразрывной связи социалистической революции и диктатуры пролетариата. Устанавливая свое господство, пролетариат не может использовать готовую буржуазную государственную машину, а должен ее сломать и создать свою систему государственной власти — диктатуру пролетариата. Диктатура пролетариата необходима для того, чтобы подавить сопротивление свергнутой буржуазии, ликвидировать капиталистический способ производства, организовать строительство социалистического общества. Одно из центральных мест в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса занимает вопрос о революционной партии рабочего класса, без которой пролетариат не может перестроить общество, освободить себя и всех трудящихся. «Для того чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, — писал Ф. Энгельс в 1889 году, — необходимо — Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 года, — чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознающую себя как классовую партию»⁶. На партию пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс возлагали задачу руководства рабочим движением.

В упорной борьбе с различными правооппортунистическими и левосектантскими течениями К. Маркс разработал основы стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали интернациональный характер этой борьбы. Они подчеркивали, что всемирно-историческая миссия рабочего класса может быть выполнена только совместными усилиями трудящихся всех стран, всех национальностей, что подлинные национальные интересы рабочего класса не только не противостоят интересам интернациональным, но, напротив, органически сочетаются с ними, так как пролетариату повсюду противостоит международный враг — буржуазия. Развивая диалектику национального и интернационального в пролетарской классовой борьбе, К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали основной принцип пролетарского интернационализма: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Глубокое понимание закономерностей общественного развития позволило К. Марксу не только проследить тенденцию развития и гибели капитализма, но и обрисовать контуры грядущего коммунистического общества. В «Критике Готской программы» (1875), которая наряду с «Манифестом Коммунистической партии» и «Капиталом» стала важнейшим теоретическим документом научного коммунизма, К. Маркс, в частности, выделил три основных этапа становления и развития коммунистической формации: переходный период, социализм и коммунизм. Он дал яркую характеристику высшей фазы коммунизма, раскрыл ее особенности, показал условия осуществления основного принципа коммунизма: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой

потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»⁷.

Карл Маркс был не только идеологом, но и вождем революционного пролетарского движения. Вместе с Энгельсом он являлся создателем и руководителем первой революционной партии пролетариата, Союза коммунистов (1847—1852), для которого они написали программу — «Манифест Коммунистической партии». Вершиной революционно-практической деятельности К. Маркса стал созданный им I Интернационал, который «заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм»⁸. I Интернационал сыграл выдающуюся роль в сплочении рабочих разных стран, в распространении среди них теории научного коммунизма. Его деятельность духовно подготовила Парижскую Коммуну — первую историческую форму диктатуры пролетариата, практический опыт которой был обобщен К. Марксом. С огромным вниманием следил К. Маркс за развитием русского освободительного движения. Зная русский язык, он обстоятельно, по первоисточникам изучал социально-экономическое положение, расстановку классовых сил в стране, глубоко убежденный в том, что в России «предстоит грозная социальная революция»⁹.

Новый этап в развитии теории научного коммунизма связан с именем В. И. Ленина. Если К. Маркс и Ф. Энгельс превратили социализм из утопии в науку, то В. И. Ленин не только развил эту науку, но и воплотил ее в социальную практику миллионов людей. «Ленину, партии большевиков выпала великая миссия подготовить и возглавить первую в истории победоносную социалистическую революцию, соединить теорию научного социализма с широчайшей практикой народных масс»¹⁰. В новых исторических условиях В. И. Ленин творчески развил все составные части марксизма — философию, политическую экономию и научный коммунизм, учение о классовой борьбе пролетариата и социалистической революции, о диктатуре пролетариата и пролетарской партии, ее стратегии и тактике. В. И. Ленин создал Коммунистическую партию — партию нового революционного типа, под руководством которой рабочий класс России в союзе с трудовым крестьянством совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, подтвердившую справедливость вывода марксизма-ленинизма о неизбежности перехода общества к социализму и коммунизму. В. И. Ленин развил марксистское учение об общих закономерностях перехода от капитализма к социализму, обязательных для всех стран, разработал научный план строительства социализма в СССР.

Качественно новую ступень в исторических судьбах учения К. Маркса и социальном прогрессе человечества знаменует социалистическое строительство в СССР, других социалистических странах. Великое значение марксистского учения для созидания нового общества, для нашей эпохи раскрыто в статье Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». В ней с большой глубиной и конкретностью рассмотрены как эпохальные достижения, так и назревшие проблемы социалистического строительства, подведены итоги исторического движения человечества «по пути социального обновления мира, по пути реализации революционных идей и идеалов рабочего класса»¹¹. Сегодня треть человечества строит социализм и коммунизм, рухнула под ударами национально-освободительных революций колониальная система империализма, растет накал революционных выступлений рабочего класса и его союзников в странах капитала, в самую влиятельную политическую силу современности превратилось мировое коммунистическое движение. В небывалом размахе мирового революционного процесса, охватившем по существу все страны, находит яркое подтверждение верность, неисчерпаемая жизненная сила и перспективность учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Таким образом, «созданная Марксом революционная теория не только не «устарела», как пытаются доказать наши идейные противники, обеспокоенные ростом влияния идей социализма и коммунизма, но, напротив, в каждом историческом рубеже она все полнее обнаруживает свою мощь, научную глубину и практическую значимость, постоянно обогащается обобщением исторического опыта, теоретическими выводами КПСС, братских партий»¹².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

² Там же, т. 2, с. 6.

³ См.: Там же, т. 23, с. 45.

⁴ Там же, с. 1.

⁵ Основоположник научного коммунизма: Тезисы к 150-летию со дня рождения Карла Маркса. — М., 1968, с. 7.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. — М., 1956, с. 416.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 20.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 303.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 364.

¹⁰ О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Постановление ЦК КПСС от 13 декабря 1979 г. — М., 1980, с. 4.

¹¹ Коммунист, 1983, № 3, с. 23.

¹² Правда, 1983, 14 марта.

В. С. ЛАПТЕНОК

РОЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА

Представительным и динамичным отрядом советской народной интеллигенции выступает творческая, или художественная, интеллигенция, призванная доступными ей средствами искусства формировать духовный мир личности строителя коммунизма. Не случайно поэтому наша партия уделяет пристальное внимание творческой интеллигенции, для которой характерен «все более весомый вклад в общепартийное, общенародное дело строительства коммунистического общества»¹. Большие задачи ставит партия перед творческой интеллигенцией и в реализации Продовольственной программы. «Перестройка сельского хозяйства на основе ускоренного внедрения достижений науки и передового опыта, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства», — обязывает литераторов сосредоточиться на художественном освоении реальностей, связанных с созданием новых условий производства и быта на селе. Литература может многое сделать для воспитания у молодежи любви к земле, природе, к сельскому труду»². Такая принципиальная постановка вопроса о связи литературы и искусства с насущными задачами социалистического строительства, с жизнью народа полностью соответствует установкам XXVI съезда КПСС, подчеркнувшего, что «в условиях зрелого социализма все теснее становится взаимосвязь прогресса экономики с социально-политическим и духовным прогрессом общества»³. Вклад творческой интеллигенции в сокровищницу духовной культуры общества неизмерим. От мировоззренческих позиций, отношения к общественному долгу, к профессиональным обязанностям деятелей литературы и искусства зависит многое в стиле и образе жизни людей. Поэтому слова тов. Л. И. Брежнев-ва о том, что «в современных условиях многократно возрастает значение дисциплины, значение личной ответственности»⁴ относятся и к каждому представителю творческой интеллигенции, особенно молодому.

С учетом рекомендаций ЦК КП Белоруссии партийные комитеты, министерства и ведомства, творческие союзы, партийные организации художественных коллективов республики сосредоточивают внимание и усилия на создании необходимых условий для плодотворной профессиональной и общественной деятельности творческой молодежи. Партийные организации конкретных коллективов исходят из того, что становление творческой личности — процесс длительный и сложный. Он требует аккумуляции жизненного опыта, глубокой марксистско-ленинской подготовки, политической закалки, роста индивидуального мастерства. В деятельности творческой интеллигенции проявляется органическое сочетание идейно-политического, нравственного, мировоззренческого единения советских художников с одновременно происходящим усилением личностного, индивидуально-самобытного начала, тенденции к многообразию творческих поисков каждого ее представителя в отдельности.

Основой развития подлинной творческой индивидуальности является метод социалистического реализма. Произведения, отражающие конкретную действительность в ее гуманистическом, революционном развитии, способствуют формированию общественного идеала, лучших качеств строителя коммунизма. Гармоничное соединение интеллектуальных, эмоционально-образных и эстетических начал в художественном произведе-

нии способствует эффективному воздействию на внутренний мир личности советского рабочего, крестьянина, служащего.

Отображение высшей правды жизни, провозглашение и показ торжества великих человеческих идеалов братства, справедливости и стремления к счастью в произведениях советских писателей и художников неотделимы от утверждения подлинной партийности и народности. Примером страстной партийности, подлинной народности служат произведения Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина», «Воспоминания». Поистине весь советский народ — победитель и труженик — стал героем этих книг. Произведения Л. И. Брежнева отличаются сочетанием художественно-образного и публицистического стиля с глубоким идейным содержанием.

Советская творческая интеллигенция призвана играть исключительно важную роль в формировании личности строителя коммунизма — человека-труженика, человека высокой коммунистической нравственности и культуры. Поэтизация труда, умение «понимать труд как творчество»⁵, вытекающее из самой природы художественной деятельности, воспевание нетленных нравственных качеств трудового народа — одно из магистральных направлений в работе творческой интеллигенции. Советский человек — патриот и интернационалист, борец за торжество коммунизма, нетерпимый к проявлениям бюрократии, стяжательства, мещанства — находится в центре внимания деятелей литературы и искусства. Реальность коммунистического строительства из недр народа выдвигает людей, достойных стать главными героями художественных произведений. Таковы, к примеру, народные герои Советской Белоруссии, коммунисты С. О. Прищипный, В. И. Козлов, П. М. Машеров, К. П. Орловский, П. У. Бровка и многие другие.

Человек, созидаящий коммунистическое общество, личность социалистического типа находится в центре внимания белорусских советских писателей и поэтов различных поколений. Многообразие стилей, жанров, чертков присуще белорусским мастерам пера и кисти. Свообразием, личностным подходом к проблемам формирования личности строителя коммунизма отличаются романы В. Быкова, В. Короткевича, поэтические произведения Н. Гилевича, Р. Бородулина, А. Вертинского, Г. Буравкина, живописные полотна М. Савицкого, Е. Зайцева, Н. Счастной, киноленты И. Добролюбова, В. Турова, музыка А. Богатырева, Г. Вагнера, Е. Глебова, И. Лученка. Объединяет же все эти творения правдивое и высокохудожественное изображение многогранной жизни советского человека.

Велика роль советской творческой интеллигенции и в формировании духовно-нравственного облика личности строителя коммунизма. «Стоит отметить, — говорил Л. И. Брежнев, — еще одну тему, которой наша литература и искусство отдали немало усилий. Это — тема морали, нравственных исканий... Заслуга наших писателей, художников в том, что они стремятся поддерживать лучшие качества человека — его принципиальность, честность, глубину чувства, исходя при этом из незыблемых принципов нашей коммунистической нравственности»⁶. Достаточно вспомнить такие киноленты, как «Красные листья», «Константин Заслонов» и «Пламя», чтобы убедиться в этом. Социалистическое по содержанию, интернационалистское по духу белорусское советское искусство с высот сегодняшнего дня осмысливает значение подвига советского человека в годы битвы с фашизмом, так как «подвиг народа в период Великой Отечественной войны, все, что было сделано партией Ленина, советскими людьми во имя победы над фашизмом, имеет непреходящее, неоценимое значение»⁷. Герои произведений В. Быкова «Сотников», И. Шамякина «Торговка и поэт», А. Адамовича «Хатынь», художественных полотен М. Савицкого «Партизанская мадонна», М. Данчина «Партизанская свадьба», многочисленных скульптурных и кинематографических творений заключают в себе высочайшие образцы мужества и героизма, бесстрашия и непреклонности перед врагом. Авторы произведений на военную тему своим творчеством вносят действительный вклад в борьбу за мир, за предотвращение опасности возникновения новых кровопролитных столкновений народов. И произведения на злобу дня, герои которых стремятся к выработке активной жизненной позиции, сознательного отношения к общественному долгу, всемерно содействуют формированию высоких моральных качеств и поведенческих установок советских людей. Они утверждают принципы социалистического образа жизни, нравственную чистоту

во взаимоотношениях, непримиримое отношение к негативным явлениям в общественной и личной жизни. Способствовать формированию личности, гармонически сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство, — основная цель деятелей литературы и искусства.

Таким образом, советская творческая интеллигенция видит свое высокое предназначение в том, чтобы «утверждать правду жизни, наши гуманистические идеалы, быть активным участником коммунистического строительства»⁸. Для реализации этой задачи она имеет все условия, что способствует рождению новых талантов и дарований в сфере литературы и искусства.

¹ Материалы XXV съезда КПСС.— М., 1976, с. 79.

² Правда, 1982, 30 июля.

³ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 52.

⁴ Там же, с. 50.

⁵ Горький М. О литературе.— М., 1961, с. 434.

⁶ Брежнев Л. И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС.— М., 1978, т. 2, с. 175.

⁷ Машеров П. М. Избранные речи и статьи.— Минск, 1982, с. 239.

⁸ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 63.

Н. Я. МОРОЗ

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИИ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Марксистско-ленинское понимание активности субъекта заключается в признании его способности самостоятельно осознать цель деятельности, находить соответствующие пути и методы ее достижения, предвидеть результат и управлять деятельностью с определенных классовых позиций. Для решения задачи коммунистического строительства необходим такой уровень социальной активности трудящихся, когда они свободно и сознательно ставят перед собой цель — построение коммунизма; средства и методы своей деятельности направляют на достижение этой цели; полагают научным социальным прогнозом исторической перспективы.

Чем же обусловлено формирование необходимого уровня активности субъекта, включенного в систему отношений развитого социализма? Социалистические формы собственности порождают у каждого труженика «чувства хозяина производства», что является залогом коммунистического отношения к труду. Социалистический принцип разделения труда «от каждого — по способностям» позволяет наиболее эффективно реализовать создательные возможности каждого труженика, рождает социалистическое соревнование, развивая эти способности. «В социалистическом соревновании, в движении за коммунистическое отношение к труду партия видит не только мощный рычаг умножения трудовых успехов, ускоренного решения масштабных экономических задач, но и важнейшее средство коммунистического воспитания масс»¹. Значительно повышает уровень социальной активности трудящихся сознание подлинного равенства, порождаемое такой тенденцией развития экономических отношений, как сближение жизненного уровня советских людей на основе его неуклонного повышения, и сужение диапазона различий в уровне распределения материальных благ вне зависимости от социального положения.

Социалистический принцип распределения «по труду» — один из экономических рычагов повышения социальной активности. В условиях развитого социализма становятся ведущими такие элементы этого принципа, как высокое качество производимой продукции и конечный результат деятельности, осуществление которых требует значительного роста трудовой активности.

Одним из важнейших стимулов социальной активности является непрерывный рост фондов общественного потребления. Труд человека, как известно, выступает, с одной стороны, как средство для жизни, с другой — как потребность здорового организма. Расширение общественных фондов потребления снижает преобладание первой стороны этого отношения и возвышает вторую, которая выражает превращение труда в первую жизненную потребность, служит формированию коммунистического отношения к

труду. Товарищеское сотрудничество, взаимопомощь, свобода и равноправие, единство интересов и целей, порожденные производственными отношениями социализма, позволяют каждому занять активную жизненную позицию субъекта новых общественных отношений.

Экономическая система зрелого социализма не только стимулирует, но и требует возрастания социальной активности. Рост благосостояния советских людей как главная задача XI пятилетки возможен лишь «на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности»². Экономическая система социализма рождает политические отношения, предоставляющие широкий простор для проявления социальной активности. При социализме существует реальная возможность привлечения к управлению делами общества всех граждан, поскольку общественное владение средствами производства определяет единство направления социального прогресса, деятельности политической власти и стремлений народа. Все элементы политической системы развитого социализма в процессе функционирования выражают объективные интересы трудящихся. Общественные организации, входящие в структуру политической системы, нацелены на реализацию этих интересов. Совпадение интересов трудящихся с направлением функций политической системы есть объективная основа, на которой зиждется рост социальной активности, формирование активной жизненной позиции. Дальнейшая демократизация политической системы развитого социализма по пути становления общенародного государства выступает, с одной стороны, как результат активности трудящихся масс, с другой стороны, является орудием воздействия на них, так как воспитывает народные массы в духе сознательной дисциплины и коммунистического отношения к труду.

Широкое участие народных масс в управлении государством, подлинным хозяином которого они являются, возможно только при наличии мощного координирующего начала, в роли которого выступает Коммунистическая партия Советского Союза. Высокая социальная активность трудящихся социалистического общества — огромная моральная сила, овеществить которую призвана партия. «...При условии великолепной организации может наша моральная сила превратиться в материальную», — указывал В. И. Ленин³. Возрастающая роль народных масс в управлении государством и общественными делами, в осуществлении программы коммунистического строительства закономерно обуславливает повышение руководящей роли КПСС в этом процессе. С другой стороны, целенаправленная деятельность Коммунистической партии ускоряет процесс обобщения народного опыта, формирования идейных убеждений и мировоззрения трудящихся. Для них активная жизненная позиция коммунистов является идеалом, мобилизующей силой роста социальной активности.

Важную роль в формировании социальной активности субъекта коммунистического строительства играет такая закономерность развития надстройки развитого социализма, как переход всех слоев населения на идейно-политические позиции рабочего класса. Объективной основой, поднявшей все слои населения на эти позиции, является общность экономических интересов различных социальных групп с интересами рабочего класса и общества в целом. Таким образом, политико-организационные факторы формирования социальной активности являются мощным двигателем, источником роста социальной активности трудящихся. Зрелость классового сознания рабочих, очевидность их исторической правоты, их практические победы в ходе социальных преобразований стимулируют рост социальной активности всех слоев населения.

Социальная активность субъекта коммунистического строительства испытывает наряду с экономическими и политическими непосредственное влияние идеологических факторов. В условиях развитого социализма главное место в системе идеологических отношений принадлежит идеологии марксизма-ленинизма — мировоззрению рабочего класса. Вооружая трудящихся научным прогнозом общественного развития, указывая правильный путь достижения цели и соответствующие средства ее осуществления, объясняя народу его подлинные интересы, марксистско-ленинская идеология является важнейшим условием и средством возрастания социальной активности. Идеологическими факторами, которые замедляют процесс формирования социальной активности, являются пережитки прошлого и влияние буржуазной идеологии. Поэтому чрезвычайно важен наступательный характер нашей пропаганды в борьбе против отрицательного влияния идеоло-

гин империализма и пережитков прошлого на развитие социальной активности советских людей.

Пути повышения социальной активности мы видим в дальнейшей разработке научной идеологии и внесении ее в сознание широких масс людей; в создании на ее основе единой идеологической среды, оказывающей эффективное воздействие на все сферы и уровни общественного сознания, регулирующей процесс формирования коммунистической психологии; в усилении идейно-воспитательной работы, направленной на формирование всенародной преданности социалистической Родине, делу коммунизма, коммунистического отношения к труду и общественной собственности, на преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом.— М., 1981, т. 8, с. 10.

² Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 136.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 246.

А. И. КАПЛИН

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛУБНЫХ УЧРЕЖДЕНИИ И ШКОЛ ПО КУЛЬТУРНОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению жилищных, коммунально-бытовых и социально-культурных условий сельского населения»¹, которое рассматривает социальное преобразование как составную часть Продовольственной программы, указывается на необходимость значительного повышения уровня культурно-бытового, медицинского и торгового обслуживания села. Одним из путей решения данной проблемы является совершенствование деятельности социально-культурных комплексов (СКК). Социально-культурный комплекс села включает в себя три звена: учреждения культуры (клубы, библиотеки, красные уголки, музыкальные школы и т. д.); общественные формирования (первичные организации общества «Знание», ДОСААФ, книголюбов, охраны памятников истории и культуры, добровольные спортивные общества и т. д.); предприятия и учреждения (общеобразовательные школы, учреждения здравоохранения, предприятия общественного питания, торговли и службы быта), спортивные залы и стадионы.

В этом комплексе выделяются два непосредственно связанных с воспитанием учреждения — клуб и средняя школа. Они давно тяготеют к взаимодействию. В связи с созданием СКК разрабатываются проблемы взаимодействия школ, клубов, производственных коллективов в воспитательной работе, выявляются тенденции и направления ее развития, организационные формы. В настоящее время в 208 социально-культурных комплексах республики насчитывается 434 общеобразовательных школы. Необходимость координации вызывается тем, что в школе сосредоточено наибольшее количество специалистов с высшим образованием. Этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что в отдельных случаях инициаторами объединения выступали средние школы (социально-культурный комплекс госплемсовхоза «Индустрия» Пуховичского района Минской области).

В условиях СКК создаются предпосылки для устойчивых связей между структурными звеньями. Появляется возможность с помощью конкретных педагогических целей и задач и единого плана совместных действий как педагогической программы управления процессом воспитания координировать деятельность каждого звена. Особое внимание СКК проявляют к молодежи, так как эта категория сельских жителей в большей степени, чем другие, оценивает и сравнивает диапазон и качество услуг в сфере досуга, предоставляемых городом и селом. Так, исследования, проведенные в республике среди тех, кто жил в сельской местности, но в момент опроса проживал в городе, показали, что в числе условий, которые способствуют лучшему проведению свободного времени в городе, опрошенная молодежь назвала: много кинотеатров — 21,9 %; большое количество парков, спортивных и танцевальных площадок, библиотек, клубов — 59 %; лучше организована работа кружков художественной самодеятельности, народных университетов — 18,2 %².

Создание СКК в определенной степени способствовало созданию школ-

комплексов. Школы-комплексы с самого возникновения определились как сельские учебно-воспитательные учреждения. С нашей точки зрения, наиболее важными в рассматриваемом вопросе являются связь и взаимодействие школ, с одной стороны, и культурно-просветительных учреждений, с другой. Сельский клуб предоставляет подразделениям школы-комплекса свои помещения для занятий — проведения репетиций, концертов, а школа-комплекс, в свою очередь — свои помещения, спортивный зал для занятий клубных коллективов художественной самодеятельности и спортивных секций. Школа привлекает работников дома культуры для руководства занятиями кружков, секций, а клуб, в свою очередь — преподавателей школы для руководства своими коллективами художественной самодеятельности и спортивными секциями.

Взаимодействие школы и клубов независимо от того, в каких рамках оно осуществляется, в рамках социально-культурного комплекса, где ведущим звеном является центральный дом культуры, или же в рамках учебно-воспитательных комплексов с центром в сельской школе, еще раз доказывает существование тенденции к координации воспитательной работы на селе. Школа-комплекс охватывает влиянием лишь свой населенный пункт, его создание возможно и целесообразно там, где имеются для этого экономические возможности. Функционирование социально-культурного комплекса наряду со школой-комплексом несколько не снижает значения последнего и позволяет координировать культурно-просветительную работу в рамках всего хозяйства, сельсовета. Общественный координационный совет социально-культурного комплекса, в состав которого входят руководители, представители партийной, профсоюзной и комсомольской организаций хозяйства, директора центрального дома культуры и средней школы, осуществляет руководство социально-культурным комплексом, в котором школа является структурным подразделением.

Мы рассмотрели некоторые вопросы координации двух звеньев социально-культурного комплекса: клубного учреждения и средней школы, не затронув другие структурные подразделения (музыкальная школа, библиотека, комбинат бытового обслуживания, учреждения здравоохранения и т. д.), которые в условиях координации также осуществляют культурно-просветительную деятельность на селе. Создание социально-культурных комплексов в определенной мере будет способствовать социальному преобразованию села, осуществлению задач, поставленных майским (1982) Пленумом ЦК КПСС.

¹ См.: Правда, 1982, 30 мая.

² См.: Ушев Л. Т. Духовные потребности сельской молодежи. — В кн.: Социальные проблемы села. Минск, 1971, с. 170.

МАРИЯ СВЕРЧЕВСКА

ОБЪЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Образование, развитие и совершенствование народнохозяйственных аграрно-промышленных комплексов (АПК) представляет собой общий процесс всех стран независимо от их социально-экономического строя, обусловленный развитием общественных производительных сил и переходом к индустриальным формам производства. На самых ранних этапах развития, т. е. до крупных общественных разделений труда, сельское хозяйство включало в себя все виды производственной деятельности. Оно поэтому представляло собой не отрасль, а народное хозяйство в целом. На основе ручного труда в рамках натурального хозяйства здесь производились и подготавливались к потреблению продукты растениеводства и животноводства. Это было традиционное, застойное, столетиями не изменявшее своих форм рутинное производство, характерное и сейчас для колониальных либо недавно освободившихся от колониализма стран. Однако столетиями накапливаемый опыт, воздействие на производство науки, постепенное совершенствование средств труда привели к тому, что от сельского хозяйства отделились несельскохозяйственные производства, произошло общественное разделение труда. Сельское хозяйство стало отраслью общественного производства. Характеризуя этот процесс, В. И. Ленин пишет: «...Разделение труда в том и состоит, что одна за другой отрасли промышленности, один за другим вид обработки сырого продукта **отрываются** от земледелия и становятся самостоятельными...»¹

Когда все формы общественного разделения труда достигают определенного уровня развития, то отдельные предприятия, хозяйства и даже отрасли превращаются в составные части общественного организма. В этом смысле прав польский экономист Адам Рунович, когда пишет, что «сельское хозяйство располагает собственным механизмом развития, или иначе: владеет своими производительными силами и производственными отношениями только на самых ранних этапах хозяйственного развития, когда оно не является еще отраслью, а практически народным хозяйством в целом»². В изменившихся условиях сельское хозяйство как обособленная часть народного хозяйства может нормально функционировать лишь на основе строго определенных, объективно складывающихся и развивающихся взаимосвязей с другими отраслями общественного производства. При этом характер этих взаимосвязей таков, что несельскохозяйственные отрасли начинают все сильнее определять характер и технологию сельскохозяйственного производства, т. е. его специализацию и концентрацию, переход к интенсификации и индустриализации производственных процессов. Это относится к современному этапу развития сельского хозяйства, который характеризуется тем, что промышленность, например СССР, на $\frac{1}{5}$ обеспечивает эту отрасль средствами труда. В капиталистических странах материальные предпосылки органического соединения промышленности и сельского хозяйства (после того, как они были разъединены) создает капитал. В. И. Ленин в работе «Карл Маркс» писал: «Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышлен-

пости с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда...»³

Развитие общественных производительных сил и общественного разделения труда, обуславливая обобществление производства, привели к возникновению большого количества узкоспециализированных, непосредственно связанных с сельским хозяйством отраслей промышленного производства. Однако в этом процессе в каждой капиталистической и социалистической стране имеются известные особенности и отличия. В ПНР, например, по причине преобладания мелкотоварного сектора в растениеводстве и животноводстве значительная часть сельскохозяйственной продукции подготавливается к непосредственному потреблению, доставляется на рынок и реализуется потребителю самими единоличными хозяйствами. Кроме того, значительная часть производимой продукции не принимает форму товара, т. е. потребляется на месте, ибо мелкотоварное производство «держит» в деревне большое количество рабочей силы, что обуславливает низкую товарность польского сельского хозяйства. Так, в 1975 году общий объем валовой продукции растениеводства и животноводства составил 482,6 млрд. злотых, а товарной — только 250,8 млрд. злотых, т. е. немногим более половины⁴.

В ходе дальнейшего развития от сельского хозяйства отпочковались также функции по его производственному обслуживанию: ремонту техники, строительству, мелиорации земель и т. д. Словом, как отметил еще К. Маркс, «земледелие уже не находит внутри самого себя условия своего собственного производства и эти условия в качестве самостоятельной отрасли производства существуют вне земледелия»⁵. Возникает народнохозяйственный АПК страны. Актуальным и сложным проблемам народнохозяйственного аграрно-промышленного комплекса посвящен, особенно в последние годы, ряд работ экономистов социалистических стран. Однако несмотря на это и до настоящего времени остаются мало или вообще не исследованными перспективы и особенности развития АПК в отдельных социалистических странах, воздействие АПК на процесс воспроизводства в растениеводстве и животноводстве, решение продовольственной и сырьевой программ, закономерность развития всего народного хозяйства и т. д. Нет единого определения АПК.

Обычно АПК определяется как совокупность отраслей, связанных с производством, переработкой и доведением до потребителей сельскохозяйственной продукции⁶. Однако такие определения не отражают того факта, что АПК с экономической точки зрения представляет собой не совокупность отраслей как таковых, а систему экономических отношений, складывающихся между ними по поводу производства и потребления конечного продукта. Речь должна идти о субъектах и объектах отношений, т. е. об экономических отношениях в целом, их сущности и содержании. В этом плане народнохозяйственный АПК представляет собой систему экономических отношений между планомерно развивающимися отраслями народного хозяйства, полностью или частично связанными с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, а также доведением ее до потребителя в форме конечного продукта в соответствии с общественными потребностями⁷.

Образование и становление народнохозяйственных аграрно-промышленных комплексов в социалистических странах связано с развитием общественных производительных сил и индустриализацией народного хозяйства. По времени возникновения АПК в отдельных социалистических странах может не совпадать, ибо не совпадают периоды индустриализации. Так, если в СССР материальная база АПК была создана на основе коллективизации крестьянских хозяйств и социалистической индустриализации еще в тридцатые годы, то в ПНР лишь в пятидесятые, когда было восстановлено народное хозяйство и определенные успехи были достигнуты в индустриализации народного хозяйства. Соответственно этому под воздействием научно-технического прогресса в Советском Союзе быстро осуществляется индустриализация сельского хозяйства и на этой основе взаимосвязи между отраслями, входящими в АПК, становятся настолько прочными и стабильными, что возникает настоятельная потребность в централизованном управлении АПК. В ПНР по мере развития государственного кооперативного сектора и всего сельского хозяйства, а также роста производства средств производства для сельского хозяйства и индустриализации всего народного хозяйства происходит становление АПК как комплекса социалистической страны, хотя и с определенными особенностями.

В этих условиях сельское хозяйство во всех социалистических странах превращается в одно из звеньев длинной цепи общественного производства. Если АПК сложился, действует и развивается, то эта цепь начинается в отраслях промышленности, производящих средства производства, затем совершает движение в самом сельском хозяйстве и завершается в перерабатывающих отраслях производства конечного продукта. Единая технологическая линия всего АПК протекает все же поэтапно, что позволяет расчленить его на три сферы или блоки, в которые входят все те отрасли народного хозяйства, которые прямо или косвенно, полностью или частично участвуют в производстве конечного продукта АПК, в его натурально-вещественной и стоимостной формах. Так, к первой сфере АПК относятся предприятия и отрасли промышленности, производящие средства производства для сельского хозяйства. По степени развития этой сферы можно судить о том, на каком уровне развития находится весь комплекс. Первая сфера агропромышленного комплекса СССР производит тракторы, комбайны, сложные агрегаты для механизации животноводства, производства кормов, технику для уборки корнеплодов и т. д. В ПНР наряду со сложной техникой производится много конно-ручного инвентаря. Второй сферой АПК является само сельское хозяйство. Это главная сфера АПК, поскольку здесь производится исходная форма конечного продукта, а все другие сферы комплекса лишь обслуживают сельское хозяйство, функционально приспособляясь к его производству. Однако при всем этом характер сельскохозяйственного производства, его индустриальный уровень и даже тип определяются производством в первой сфере АПК. Именно взаимосвязь первой и второй сфер АПК обуславливают то, что единоличные хозяйства ПНР производят примерно 67,4 % продукции сельского хозяйства, а гос-сельхозы и производственные кооперативы 18,9 %⁸. К третьей сфере АПК относится промышленность по переработке продукции сельского хозяйства, а также заготовки и торговля, но в той их части, которые заняты реализацией конечного продукта. Для АПК ПНР характерно, что основная часть сельского хозяйства представляет собой мелкотоварное производство, поэтому значительная часть продукции растениеводства (овощи, фрукты в непереработанном виде) и животноводства (цельное молоко, свежее мясо) реализуется на рынке самими крестьянами. Это обстоятельство налагает свой отпечаток на взаимосвязь второй и третьей сфер АПК и диктует необходимость своеобразного подхода к их регулированию в централизованном порядке.

В советской экономической литературе ведется дискуссия по поводу того, куда, к какой сфере АПК отнести инфраструктуру. Некоторые авторы предлагают выделить ее в отдельную, четвертую сферу⁹. Представляется, что такой подход является ошибочным. Во-первых, инфраструктура сама по себе неоднородна. В ней выделяются производственная и социально-бытовая инфраструктуры. Во-вторых, выделение даже производственной инфраструктуры в отдельную сферу лишено оснований уже потому, что она непосредственно связана, слита с тремя сферами АПК. Что касается ПНР, то из-за низкого уровня развития всей системы АПК здесь неразвита и инфраструктура, особенно социально-бытовая. Необходимо уделять особое внимание ее совершенствованию в процессе развития АПК республики.

Для аграрно-промышленных комплексов всех стран характерно сокращение занятости в сельском хозяйстве и ее рост в первой и третьей сферах. Причем эти изменения происходят в рамках почти неизменной занятости во всем АПК. Так, в АПК США вот уже на протяжении почти 30 лет работает примерно 23—24 млн. человек¹⁰, прямо или косвенно участвующих в производстве продовольственных товаров и другой продукции из сельскохозяйственного сырья. Но при этом последовательно сокращается абсолютная и относительная численность работающих непосредственно в сельском хозяйстве (7,4 млн. чел. в 1954 году и 4,6 млн. чел. в 1975 году). В Советском Союзе абсолютный объем занятости в АПК составил в 1960 году 41,3 млн. чел., в 1966—41,7, в 1972—41,2, в 1980 году—42,6 млн. чел. В это же время занятость в сельском хозяйстве сократилась с 32,0 млн. чел. в 1960 году до 22,6 млн. чел. в 1980 году¹¹. Своеобразие развития аграрно-промышленного комплекса ПНР состоит в том, что число занятых в нем растет абсолютно, так как занятость в сельском хозяйстве из-за преобладания единоличного хозяйства, где производство в основном является конно-ручным, не сокращается. Так, в 1960 году трудоспособное население в расчете на полную заня-

тость составляло 12,4 млн. чел., из них в сельском хозяйстве было занято 5,8 млн. чел. или 43 %. К 1975 году количество занятых в сельском хозяйстве сократилось примерно на 100 тыс. чел и составило 5,2 млн. чел. Но поскольку количество трудящихся в республике выросло до 17 млн. чел., то доля рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, сократилась до 30,6 %. Характерно, что число занятых в сельском хозяйстве (5,1 млн. чел.) пока что, хотя и не намного, превышает занятость в промышленности¹². В дальнейшем число занятых в сельском хозяйстве ПНР будет сокращаться. Этот процесс уже начался в конце 70-х годов. Занятость же в первой и третьей сферах АПК будет расти так, что число занятых в АПК в целом останется неизменным.

Развитие АПК в ПНР показывает, что в современных условиях темпы расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве страны определяются темпами развития и пропорциями между всеми сферами АПК. Первостепенное значение при этом имеют производственные связи сельского хозяйства с первой сферой АПК. В марте 1982 года ЦК ПОРП и Сейм ПНР приняли ряд постановлений по развитию АПК республики. Эффективные меры по всестороннему развитию аграрно-промышленного комплекса нацелены на решение сложных задач сельскохозяйственного производства, решение продовольственной проблемы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 222.

² Materiały na konferencję pa «Ekonomiczne problemy postępy technicznego w rolnictwie», — Białystok, 1978, s. 5.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 74.

⁴ Краткий статистический ежегодник ПНР. — Варшава, 1976, с. 140.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 19.

⁶ Давыдов Ю. С. Аграрно-промышленный синтез в СССР. — Ростов н/Д, 1978, с. 21.

⁷ Кулаженко В. А. Плановость сельскохозяйственного производства в народнохозяйственном АПК. — Минск, 1983, с. 10.

⁸ Польша: Статистические данные. — Варшава, 1980, с. 36.

⁹ Региональные промышленные комплексы СССР: Экономика и трудящиеся. — М., 1973, с. 37.

¹⁰ Соревнование двух систем: Экономика и трудящиеся. — М., 1973, с. 291.

¹¹ Проблемы развития аграрно-промышленного комплекса. — М., 1978, с. 60. Показатели за 1980 год рассчитаны по статистическому ежегоднику «Народное хозяйство СССР в 1980 г.» — М., 1981, с. 356—357.

¹² Рассчитано по «Краткому статистическому ежегоднику ПНР». — Варшава, 1976, с. 33.

Н. И. БАЗЫЛЕВ, А. К. ШИМКО О СУБОРДИНАЦИИ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИЗМА

Система экономических законов определенного способа производства существует в виде субординированной совокупности, на что указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря о наличии основных и первых законов¹. В современной экономической литературе при объяснении доминирующей роли основного экономического закона и его функционирования в качестве такового исходят из ленинского тезиса о сущностях разных порядков. Все законы в соответствии с глубиной выражения ими сущности конкретного способа производства располагаются на разных уровнях и между ними прослеживаются связи по линии субординации. Если законы отражают сущность одного порядка, то связи между ними относятся к координационным. Такого типа связи образуются, к примеру, между законами повышающейся производительности труда, опережающего роста производства средств производства, перемены труда, возвышения потребностей и некоторыми другими. Согласно такой теоретической модели, основной экономический закон находится во главе иерархии законов, поскольку он выражает самое глубинное, самое существенное в данном общественном производстве, его коренные черты и обуславливает единую социальную направленность реализации всех входящих в систему законов. Вследствие этого связи, которые существуют между основным и остальными экономическими законами, являются системообразующими. Они обеспечивают существование системы экономических законов как целостности и качественное различие систем

экономических законов разных способов производства. В принципе не возражая против этой модели законов, приведенного определения субординационных и координационных связей между ними, мы полагаем необходимым внести в нее некоторые уточнения. Прежде всего это касается самой глубинной сущности социалистического производства и системы его законов.

Некоторые экономисты считают, что его сущность составляет общественная собственность на средства производства². Если признать эту позицию верной, то логично утверждать, что частнокапиталистическая собственность на средства производства выражает наиболее глубинную сущность производства при капитализме и соответствующей ему системы экономических законов. Между тем К. Маркс блестяще доказал, что возможно большее самовозрастание капитала является наиболее глубинной сущностью капиталистического производства, а выражает ее закон производства прибавочной стоимости. К такому выводу К. Маркс пришел, начав свое теоретическое исследование капиталистического производства с анализа товара, так как «богатство общества, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства»³. При этом, характеризуя один из аспектов методологии своего исследования капиталистического производства, К. Маркс четко указывал: «Мы исходили из предположений политической экономии (буржуазной) — Н. Б., А. Ш.). Мы приняли ее язык и ее законы. Мы предположили как данное частную собственность...»⁴.

Если исходить из методологии К. Маркса, то, чтобы раскрыть наиболее глубинную сущность производства при социализме и системы присущих ему законов, необходимо прежде всего определить элементарную форму богатства социалистического общества. Общественная же собственность дана заранее как предварительное условие такого исследования. Вопрос об элементарной форме богатства социалистического общества дебатировался в экономической и философской литературе давно. Наиболее плодотворной, на наш взгляд, является концепция В. Я. Ельмеева и В. Т. Пуляева, согласно которой элементарным бытием богатства социалистического общества и исходным пунктом анализа его экономики является человек как носитель всей совокупности производственных отношений⁵. Следовательно, при социализме «культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а поэтому и потребностями, — производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества»⁶, превращается из условия развития производства в его практическую цель. В ней и воплощена глубинная сущность социалистического производства.

Порой, правда, можно встретить утверждение, что развитие человека, удовлетворение его потребностей не могут выражать специфической сущности социализма, ибо это всегда было естественной целью всякого производства. В данном случае налицо отступление от исторического подхода к анализу социально-экономических явлений. Как нет в реальности производства вообще, так и не существует его естественной цели. Не было в истории ни одного общества, за исключением социалистического, где бы производство осуществлялось для создания действительного богатства, которое, по словам К. Маркса, заключается в универсальности потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил индивидов, в господстве человека над силами природы, абсолютном выявлении его творческих дарований, развитии всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу⁷. Только при социализме человек из средства развития производства превращается в его цель, а материальное производство становится средством, базой для обеспечения материальных и духовных запросов личности, «моментом» в ее всестороннем развитии.

Такое понимание действительного богатства социалистического общества и глубинной сущности производства при социализме позволяет полнее раскрыть субординационные связи в системе экономических законов социализма, а главное, выяснить онтологический аспект понятия «субординация» применительно к этой системе. Субординация экономических законов социализма не означает в буквальном смысле слова подчинение одних законов другим. Речь идет об отражении с помощью данного понятия того фрагмента реальной действительности, в котором фиксируется объективная необходимость реализации всех экономических законов в условиях гос-

подства общественной собственности на средства производства лишь в формах, совместимых с гуманной сущностью социалистического производства, выражаемой его основным законом.

Принцип эффективной реализации экономических законов при социализме заключается в достижении как высоких хозяйственных, так и социальных результатов, отражающих процесс самовыявления работниками себя в сфере труда — главной сфере становления и развития личности. Формы и методы реализации экономических законов могут считаться эффективными, если они обеспечивают гармоническое сочетание дальнейшей гуманизации труда и экономической рациональности хозяйствования. Под гуманизацией труда понимается постепенное превращение его в такую деятельность, в ходе которой преобразование работников вещества природы является одновременно свободным развитием их индивидуальности, формированием каждого из них как всесторонне развитой личности.

Лишь при выполнении этого принципа реализация, например, всеобщего закона повышающейся производительности труда приведет не только к сокращению рабочего времени, но и к превращению сэкономленного его части в свободное время, т. е. время «для полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратное воздействие на производительную силу труда»⁸. Вряд ли у человека возникнут потребности совершенствования в науке, технике, искусстве, спорте, активно участвовать в научно-техническом и художественном творчестве, если формы реализации закона повышающейся производительности труда будут сопряжены, скажем, с его физическим и нервным перенапряжением в производственном процессе. Улучшение материального благополучия трудящегося будет способствовать при этом улучшению условий восстановления сил, израсходованных в рабочее время, но не их развитию и умножению. Поэтому такой важный резерв повышения производительности труда, как увеличение свободного времени, оказывается при подобных обстоятельствах практически неиспользованным.

Строгое соблюдение принципа реализации экономических законов, основанного на марксистском положении о необходимости осуществления ассоциированными производителями обмена веществ с природой с наименьшей затратой сил и при условиях наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей⁹, является в настоящее время важнейшей предпосылкой повышения эффективности социалистического производства. Высокий уровень благосостояния, достигнутый на этапе развитого социализма, закономерно порождает у трудящихся потребность в творческом труде и таких его условиях, которые бы соответствовали значительно улучшившимся материальным условиям их быта и высокой общеобразовательной подготовке. Минимальный творческий потенциал выполняемой работы, отсутствие определенной самостоятельности в организации производственного процесса, тяжелые условия труда все чаще вызывают у работников чувство неудовлетворенности трудовой деятельностью, которое негативно сказывается на ее результатах и является следствием нарушения субординационных связей в системе экономических законов социализма. Для того, чтобы избежать подобных нарушений и обеспечить неуклонное повышение эффективности социалистического производства, следует постоянно поддерживать соответствие условий труда с общеобразовательным и культурным уровнем работников, с одной стороны, и уровнем их личного потребления, с другой. Для этого прежде всего должны быть разработаны и внедрены в систему учета и оценки хозяйственной деятельности социалистических предприятий показатели, которые бы позволяли судить о том, как в ходе выполнения плановых заданий по выпуску продукции, улучшению ее качества и экономии затрат, решаются проблемы гуманизации труда, т. е. превращения его в деятельность, всесторонне развивающую каждого индивида. Одним из таких показателей может быть, например, снижение удельного веса ручного неквалифицированного труда.

Уточнение онтологического аспекта понятия «субординация» применительно к системе экономических законов социализма способствует также укреплению научных основ критики буржуазных и ревизионистских теорий по проблемам эффективности производства в социалистических странах, поскольку оно предполагает выявление качественной стороны производства при социализме, где улучшение показателей хозяйственной деятельности предприятий находится в неразрывной связи с реализацией человеком в производстве своих сущностных сил. Буржуазные идеологи, чтобы скрыть качественную характеристику труда при капитализме как отчужденного, а

при социализме как непрерывно гуманизируемого, намеренно делают акцент на количественной стороне эффективности производства и ее важнейшем показателе — производительности труда. Кроме того, это помогает им рассуждать о неких преимуществах капиталистических методов ведения хозяйства над социалистическими, поскольку уровень последней в нашей стране пока еще ниже, чем в США. Но это отставание объясняется рядом конкретно-исторических причин — низким уровнем развития производительных сил дореволюционной России, опустошительными войнами, необходимостью восстановления народного хозяйства, строгим отбором социально приемлемых факторов повышения эффективности производства. При социализме исключается использование безработицы в качестве средства давления на работника, чрезмерное, наносящее вред его здоровью, увеличение интенсивности труда и применение любых других антигуманных форм достижения высоких результатов хозяйственной деятельности, которые широко распространены на капиталистических предприятиях. Поэтому всякий сравнительный анализ данных об эффективности производства, достигнутой в капиталистических и социалистических странах, необходимо должен включать в себя тот качественный аспект, который обусловлен статусом деятельности по ее повышению как средства достижения цели социально определенного производства. При таком подходе выявляется гуманная природа социализма, где рост эффективности производства на основе планомерного использования системы экономических законов неотделим от процесса гуманизации труда.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 42; т. 16, с. 248; т. 20, с. 384; т. 46, ч. I, с. 117; т. 46, ч. II, с. 162.

² См.: Войцеховский В. А. Система экономических законов развитого социализма. — Минск, 1977, с. 150; Экономические законы социализма: система, особенности действия, формы и методы использования / Под ред. Л. И. Абалкина и Г. Шульца. — М., 1981, с. 49.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 43.

⁴ Там же, т. 42, с. 86.

⁵ См.: Ельмеев В. Я., Пуляев В. Т. Методологические принципы построения экономической теории социализма. — Вестн. Ленинградского ун-та. Эконом., филос., право, 1978, № 5, вып. I, с. 12.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 386.

⁷ Там же, с. 476.

⁸ Там же, т. 46, ч. II, с. 221.

⁹ Там же, т. 42, с. 27.

А. А. НЕЧАЙ

ОСОБЕННОСТИ МОНОПОЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

На современном этапе общего кризиса капитализма монополистический капитал пытается приспособить механизм капиталистического способа производства к новой обстановке, ослабить давление растущих производительных сил на «ограниченные рамки национально-государственных делений»¹. Со стратегией приспособления связано резкое повышение роли международных монополий в мировой капиталистической экономике и политике, происходящее в условиях современной интернационализации производства.

Осуществляясь с непосредственным участием международных монополий в интересах крупной финансовой олигархии, интернационализация капиталистического производства знаменует собой новую ступень монополизации производства и капитала. Поскольку, как отмечал В. И. Ленин, «самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия», то, следовательно, анализ этой новой ступени монополизации позволяет выявить сущность и пути развития неизмеримо возросшей с момента ее возникновения «международной сети зависимостей и связей финансового капитала»², охватывающей всю структуру современной капиталистической экономики. Согласно последним подсчетам, к середине 70-х годов во всем капиталистическом мире было около 10 тыс. корпораций, имеющих производственные филиалы не менее чем в двух зарубежных странах, из них 4 534 транснациональные корпорации (ТНК) базировались в девяти странах «общего рынка», 2 570 — в США, 9 896 — в Японии, Швейцарии, Канаде и

других странах³. Международные монополии контролируют сейчас почти $\frac{3}{5}$ мировой капиталистической торговли.

Усиление роли и модификация форм и сфер деятельности международных монополий расширяют до интернациональных масштабов процесс эксплуатации, предопределяют новый этап и обострение всех связанных с этим противоречий мирового капиталистического хозяйства — экономических, социальных, политических. Эпицентр разразившегося на рубеже 60—70-х годов нового кризиса мирового капиталистического хозяйства находился именно в его международной части. Неокрепшая экономика развивающихся стран оказалась особенно уязвимой перед пагубными последствиями «глобальной стратегии» транснациональных корпораций.

Эксперты ООН приходят к выводу, что «огромное расширение рамок и развитие активности транснациональных корпораций за последние 20 лет являются важнейшим фактором формирования современной структуры мировой индустриализации и торговли»⁴. Интернационализация производства неизбежно усиливает тенденцию экономической взаимозависимости и взаимодополняемости государств. Однако в условиях капиталистической интернационализации хозяйства, когда на передний план все сильнее выдвигаются интересы получения транснациональными корпорациями максимальной прибыли, развитие внешнеэкономических связей исключает саму возможность гармоничного и сбалансированного сочетания национальных и внешнеэкономических сфер мирового капиталистического хозяйства и особенно пагубно сказывается на экономике развивающихся стран. Господство в мировой капиталистической экономике нескольких сотен монополий означает переход от стихийной сложившейся специализации различных стран к целенаправленному ее формированию в рамках объединений частнокапиталистического характера. Развитие интернациональных производственных связей при капитализме зашло настолько далеко, что «стадия развития компании является ныне одним из факторов, определяющих ступень... международного разделения труда в производстве»⁵.

Отдельными звеньями в системе капиталистического международного разделения труда становятся сейчас не страны и даже не группы стран, а различные части их национальных хозяйств, входящих в состав глобальных монополистических групп. Такая высокая ступень развития взаимозависимости государств мирового капиталистического хозяйства усиливает значение регулирующей роли мирового капиталистического рынка, позволяет все больше подчинять мировому капиталистическому хозяйству национальные хозяйства, заставляет их функционировать как свои подсистемы, как части целого. Это отражается на формировании отраслевой структуры и динамики национальных хозяйств. Монополизация наиболее выгодных производственных факторов, высокая ступень международной специализации и кооперирования производства для развивающихся стран выливаются в жесткое закрепление за ними определенных производственных операций. Работа на предприятиях «Дженерал электрик», «ИБМ», «Филипс», «Сименс», АСЕА, «Сони», размещенных в странах «третьего мира», состоит в конвейерной сборке отдельных элементов, узлов и компонентов с тем, чтобы отправить их для окончательного производства на предприятиях данных корпораций в Америке, Европе, Японии.

Распределение между странами частичных производств (т. е. производств отдельных узлов и деталей, отдельных промежуточных продуктов) в комбинированном производстве готовых изделий связывает страны в одну производственную систему, что означает развитие связей более устойчивых, чем основанных на купле и продаже продуктов конечного потребления, переход к использованию более мощных рычагов экономического господства непосредственно в сфере производства и прямое участие крупнейших промышленных монополий в международном разделении труда на технологической основе. Тем самым современные международные монополии выносят за национальные границы центральную фазу кругооборота своего капитала. В рамках ТНК складываются не только международные технологические комплексы, но и специфические (внутрикорпорационные по своему существу и международные по масштабам) системы торговых и кредитно-финансовых связей. По оценкам экспертов около $\frac{1}{3}$ экспорта компаний и филиалов приходится на их поставки друг другу, т. е. на товарооборот внутри транснациональных корпораций. В 70-х годах он составлял уже 20 % мирового товарооборота. Эта новая, более высокая ступень обобществления производства на уровне международной монополии (т. е. на

микроуровне) в свою очередь создает объективные предпосылки развития и углубления экономической взаимозависимости стран.

Развитие интернационализации в условиях ограниченности природных ресурсов (по прогнозам ООН мировая потребность в минеральном сырье и топливе в течение 1970—2000 годов возрастет в 455 раз⁶) вызывает усиленное вовлечение в экономический оборот природных ресурсов развивающихся стран. Развивающиеся страны только Африканского континента поставляют на мировой рынок почти четверть минерального сырья и топлива, используемого в капиталистическом хозяйстве. Что же касается всех развивающихся стран, то на их долю приходится около половины добычи сырья и топлива.

Эти цифры говорят о довольно тесной связи развивающихся стран с мировым капиталистическим хозяйством, и о важной их роли в его функционировании. Авторы изданного в Нью-Йорке (1976) коллективного труда «Political Economy of Contemporary Africa» справедливо отмечают, что «Африка уже очень сильно втянута в мировое капиталистическое хозяйство, где господствующее положение занимают международные монополии, которые еще больше усугубляют ее и без того бедственное, зависимое положение»⁷.

Слабость внутренних импульсов воспроизводственного процесса в развивающихся странах, «стойкая» многоукладность, тесная зависимость внутрихозяйственного развития от места национального хозяйства в системе международного разделения труда приводит к тому, что механизм воспроизводства формируется здесь законами, присущими исторически разнородным и мало связанным друг с другом системам отношений. Исходным социально-экономическим фактором, влияющим на общее направление развития подобных экономических структур в таких условиях, являются формы их внешних социально-экономических связей, изменения которых влекут и изменения в системе укладов⁸.

Многоукладность экономики развивающихся стран свидетельствует о том, что эти страны еще не вошли целиком и полностью в сферу прямого влияния мирового капиталистического хозяйства, что они пока лишь частично, отдельными сторонами участвуют в мировом капиталистическом обороте. Прямое экономическое влияние мирового капиталистического хозяйства сильно сказывается там, где достаточно развиты товарно-денежные отношения, где созданы необходимые условия для превращения жажды наживы в непосредственный мотив экономической деятельности. Процесс хозяйственного сближения, рост взаимозависимости национальных экономик в условиях расширения и углубления влияния международных монополий на экономику развивающихся стран размывает полунатуральные хозяйства, разлагает патриархально-общинные и полуфеодалные отношения, способствует развитию товарно-денежных отношений. В результате эти страны все глубже втягиваются в сферу действия мирового капиталистического хозяйства, и их развитие все в большей мере определяется его условиями и требованиями. Вместе с тем процесс взаимозависимости национальных экономик в условиях действия имманентных капиталистическому способу производства законов неизбежно преломляется в процесс усиления неустойчивости развития отдельных стран, углубляет противоречия между развитыми и развивающимися странами, ускоряет дифференциацию среди самих развивающихся стран. В последнее время образовалась группа развивающихся стран так называемого «среднеразвитого капитализма».

На современном международном рынке поддержание конкурентноспособности товаров в значительной мере зависит от масштабов и глубины научных исследований и скорости использования их результатов. Развивающимся странам, лишенным каких-либо дефицитных ресурсов, трудно создавать собственную обрабатывающую промышленность, опирающуюся на последние достижения науки и техники. Лишь те из них, которым монополия на редкие ресурсы позволяет получать рентные доходы, имеют теоретическую возможность преодолеть экономическую отсталость, находясь в составе капиталистического хозяйства. Мировое капиталистическое хозяйство может допустить развитие в этих странах только таких отраслей обрабатывающей промышленности, которые либо опираются на дифференциальную ренту, либо связаны с выполнением простых, но трудоемких операций, либо вызывающих сильное загрязнение окружающей среды. Внутри мирового капиталистического хозяйства развивающиеся страны, не располагающие дефицитными природными ресурсами, могут рассчитывать на развитие (помимо производств строго внутренней ориентации) лишь техно-

логически отсталых производств с применением тяжелого физического труда. Развивающиеся страны, привязанные к мировому капиталистическому хозяйству, оказались, таким образом, в своеобразном тупике — либо силой насаждать нерентабельные производства для снижения безработицы и обременять себя отсталостью, либо внедрять новую технологию для ликвидации технической отсталости и мириться с растущей безработицей.

В связи с интернационализацией капиталистического воспроизводства становятся все более трудным изучать и особенно прогнозировать развитие экономики отдельных стран без учета состояния и развития всего мирового капиталистического хозяйства. Поэтому вполне обоснованно академик Е. Примаков отмечает, что положение, сложившееся в бывшем колониальном мире к концу 70-х годов, отражает окончание этапа, когда освободившиеся от колониальной зависимости страны стояли перед необходимостью выбора пути своего дальнейшего развития. «Выбор уже сделан, и теперь изменение ситуации в той или иной стране может произойти лишь в результате революционных или контрреволюционных сдвигов, которые приведут ее движение по выбранному пути»¹. Непременным условием успешного следования развивающейся страны в направлении социализма является ее выход из мирового капиталистического хозяйства, т. е. выход ее из подчинения закону стоимости, действующему на мировом капиталистическом рынке. Возникает также острая необходимость в широких политических мероприятиях, которые способны хотя бы временно и частично предотвратить пагубные последствия стихии мирового капиталистического рынка на экономику страны.

Развивающиеся страны социалистической ориентации, опираясь на помощь социалистического содружества, имеют возможность успешно, некапиталистическими методами осуществлять экономическое и социальное развитие. Этот путь не является легким, однако встречающиеся на этом пути противоречия после исчезновения местной буржуазии не будут носить непримиримого, антагонистического характера и могут разрешаться мирными средствами. Создание и поддержание современного конкурентоспособного производства требует огромных капитальных вложений, наличия высококвалифицированных специалистов, чего нет в развивающихся странах и что предполагает помощь извне. Помощь социалистических стран, предоставляемая на благоприятных условиях и прежде всего государственному сектору на развитие жизненно-важных отраслей экономики, не сопровождаемая политическими требованиями, является действенным средством в борьбе молодых государств за экономическую независимость и социальный прогресс. В истекшем десятилетии число освободившихся стран, которым оказывается экономическое и техническое содействие со стороны СЭВ возросло с 62 до 90, сумма предоставленных им кредитов увеличилась в 2,1 раза. Выполняя свой интернациональный долг, осознавая необходимость расширения равноправного сотрудничества с развивающимися странами, оказания им помощи в создании независимой национальной экономики, КПСС и впредь намерена «развивать на долгосрочной и равноправной основе взаимовыгодный обмен товарами, всесторонние экономические, научно-технические и другие связи Советского Союза с развивающимися странами. Продолжать оказывать этим странам экономическое и техническое содействие в сооружении промышленных предприятий, энергетических, сельскохозяйственных и других объектов, способствующих укреплению их экономической и политической независимости»¹⁰.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 162.

² Там же, т. 27, с. 358.

³ См.: Шнишков Ю. В. Капиталистическая экономика без компаса.—М., 1981, с. 40.

⁴ Современные международные монополии.—М., 1980, с. 24.

⁵ The Multinational Enterprise.—London, 1971, p. 281.

⁶ См.: Голанский М. М. Саморазвивающиеся системы в экономическом анализе и планировании.—М., 1978, с. 88.

⁷ Political Economy of Contemporary Africa.—New York, 1976, p. 50.

⁸ См.: Экономические науки, 1978, № 10; Там же, 1976, № 5; Левковский А. И. Социальная структура развивающихся стран.—М., 1978.

⁹ Мировая экономика и международные отношения, 1980, № 12, с. 39.

¹⁰ Материалы XXVI съезда КПСС.—М., 1981, с. 196.

О СУЩНОСТИ КАТЕГОРИИ «СОДЕРЖАНИЕ», «ХАРАКТЕР» ТРУДА, «НЕПОСРЕДСТВЕННО ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРУД»

Вызывая невиданный скачок в развитии производительных сил, научно-техническая революция кардинальным образом изменяет содержание и характер труда. Актуальным является выяснение сущности данных категорий, а также определение форм и методов их сознательного использования в практике коммунистического строительства.

Труд как первое «основное условие человеческой жизни»¹ представляет «прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» (23, 188). В этом состоит материально-вещественная сторона труда. Вместе с тем, «если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, — что он есть расходование человеческой рабочей силы... производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д.» (52 — 53). Следовательно, та сторона, которая характеризует содержание труда, выражает процесс, совершающийся между человеком и природой, в которой человек своей деятельностью опосредствует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Одновременно, «воздействуя... на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы...» (188 — 189). Иными словами, содержание труда является той категорией, которая раскрывает свойства труда, обнаруживающиеся во взаимодействии техника — человек — природа.

Процесс труда включает наряду с другими моментами целесообразную деятельность в том смысле, что «человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» (189). В данном случае процесс, совершающийся между человеком и природой, целесообразное расходование рабочей силы направлены на создание потребительных стоимостей. В связи с этим содержание характеризует вид труда, которым занят рабочий. К. Маркс в «Капитале» определял различия между отдельными видами труда по их содержанию как «качественно различные виды полезного труда», а их он связывал с функциональным назначением труда, создающего качественно различные потребительные стоимости или оказывающего качественно различные услуги (50). Следовательно, качественные различия между отдельными видами труда есть различия его содержания. Они выступают как профессиональные различия между работниками, как профессиональное разделение труда между ними, обусловленное спецификой, особенностями их трудовых операций, навыков и знаний. Вместе с тем различия в содержании труда могут указывать не только на профессиональные, но и внутрипрофессиональные различия, которые возникают на основе развития общественных производительных сил.

В соответствии с методологией К. Маркса из всякой целостности необходимо вычленить основное звено, с помощью которого можно понять, практически освоить это целое. Таким звеном при выявлении сущности содержания труда являются трудовые функции. Они характеризуются единством технологических требований к действиям и подготовке работника. В современных условиях влияние научно-технической революции на изменение содержания труда выражается в замене ручного труда машинами, в более или менее полном освобождении человека от выполнения энергетической функции в процессе трудовой деятельности. Поэтому изменение содержания в определенной степени выражается в органическом сочетании функций умственного и физического труда. Важное методологическое значение понятия трудовых функций связано с тем, что в них выражается сложная система отношений человека к средствам труда. С одной стороны, это понятие лежит в основе определения содержания труда, а, с другой, характеризуется как основной элемент связи между технологической системой и социальными явлениями производства и труда. Однако нельзя полностью сводить содержание труда к трудовым функциям. Думается, что это лишь частный момент в характеристике категории «содержание труда».

ибо изменение содержания труда определяется развитием производительных сил в их многообразии и взаимосвязи.

Содержание труда в определенной степени есть то, что К. Маркс определяет как общий характер труда или характер труда вообще. Он определяется технологическим способом производства, в частности уровнем развития технических средств, технологических процессов, техническим разделением труда, перечнем трудовых функций. Общий характер труда не зависит от конкретных форм его общественной организации (195—196). Общий характер труда прежде всего свидетельствует о различиях между работниками по уровню технической вооруженности, степени интенсивности, напряжения, сложности и т. д. Необходимо подчеркнуть, что основополагающее место в характеристике общего характера труда занимает степень его сложности. Таким образом, содержание труда отражает процесс, совершающийся между человеком и природой, уровень развития производительных сил, обусловленные техникой, технологией, организацией производства, предметом труда, квалификацией работника. Оно характеризуется целесообразным расходом рабочей силы, количественным и качественным соотношением трудовых функций в процессе создания потребительных стоимостей. Следует особо подчеркнуть, что изменение содержания труда, равно как и другие социально-экономические преобразования, обусловлены также существующими производственными отношениями.

Вместе с тем труд всегда совершается в определенной социальной форме, при наличии общественных связей между производителями. Общественная форма, в которой совершается труд, отражает его характер и является важной экономической категорией, выражающей сущность производственных отношений. К. Маркс выделяет социально-экономическую сторону понятия «характер труда». Суть ее на капиталистическом предприятии выражается прежде всего в том, что, во-первых, «рабочий работает под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд; во-вторых, «продукт есть собственность капиталиста, а не непосредственного производителя, не рабочего» (196). Отсюда следует, что характер труда — это социально-экономическая категория, которая отражает его сущностную сторону, обусловленную определенным общественным способом производства. Характер труда определяется местом работника в системе общественного разделения труда, его отношением к средствам производства, ролью в общественной организации труда, отношением к распределению созданных трудом жизненных благ, связью между трудом индивида и всего общества, он неразрывно связан с формой собственности, зависит от производственных отношений, определяется степенью обобществления производства. Несмотря на определенную обособленность каждой из сторон общественного процесса труда (его содержания и характера) они образуют неразрывное единство. «Содержание труда в процессе изготовления продукта, разделение труда (как естественный фактор производства — В. К.), соотношение механических и творческих сторон процесса труда, уровень общей и специальной подготовки рабочих и т. п. — все это такие явления сферы труда, которые одним своим полюсом лежат в области производительных сил общества, а другим — в области общественных производственных отношений...»²

В социалистическом обществе в отличие от капитализма существует ряд принципиальных особенностей труда, которые отражают систему его общественной организации, социально-экономическую сущность трудовой деятельности, или характер труда. К таким особенностям, например, относятся: ликвидация противоположности между трудом умственным и физическим, промышленным и сельскохозяйственным; творческий характер труда, все большее превращение его в первую жизненную потребность, непрерывное уменьшение социально-экономической неоднородности труда. Поэтому с изменением содержания труда эти черты его характера в условиях социалистических производственных отношений получают дальнейшее развитие, наполняются новым содержанием. Изменение содержания труда проявляется и в том, что происходит специализация трудовых функций непосредственных производителей, как следствие развития специализации производства, а это в свою очередь объективно ведет к углублению общественного разделения труда, повышению уровня концентрации производства, т. е. происходит процесс ускорения обобществления производства и усиления непосредственно общественного характера труда. И поэтому «...изменение содержания труда в непосредственном процессе изготовления продукта и является одним из тех звеньев, тех «мостков», которые соединяют измене-

ния в производительных силах с изменениями в социально-экономических отношениях»³.

Важнейшая особенность труда при социализме заключается в его непосредственно общественном характере. Это труд свободный, не эксплуатируемый, и продукт труда есть собственность самих работников. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» указывал: «Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно общественной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом» (20, 32). Социалистический труд является непосредственно общественным в том смысле, что его конкретные формы уже в самом общественном производстве с самого начала представляют необходимые звенья единого производственного процесса во всем народном хозяйстве. Эту новую черту труда, возникающую лишь в условиях коммунистической общественно-экономической формации, подчеркивал В. И. Ленин: «Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства и поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися»⁴. Именно общенародное присвоение решающих средств производства создает новый тип кооперации труда, новый социальный тип отношений совместной деятельности индивидов, выступающих собственниками средств производства и созданного ими продукта. Эта кооперация труда порождает и его новый характер как труда непосредственно общественного.

В экономической литературе встречаются различные трактовки категории «непосредственно общественный характер труда». Некоторые авторы указывают на непосредственно общественный характер труда как на отличительный признак его при социализме (коммунистической общественно-экономической формации). «Непосредственная определенность, в которой проявляется общественный характер труда в условиях коммунистического способа производства, вырастает из самой его сущности. Вступление в общественную связь до начала производства превращает труд в непосредственно общественный. Разумеется, это лишь самая общая форма реализации социальной специфики труда, которая характеризует его общесоциалистическую сущность»⁵. Другие выделяют всеобщие и общеэкономические определения непосредственно общественного труда. «Одно то, что человек по своей природе является общественным человеком, а его деятельность общественной, несет в себе качество непосредственно-общественной деятельности», указывает И. В. Пусенкова. А для социализма (коммунизма) характерна «всеобщая, непосредственно-общественная деятельность»⁶. Стало быть одной из обязательных черт непосредственно общественного труда считается его всеобщность, когда работник выступает как равный член всеобщей народной ассоциации. Наряду с позицией, признающей труд при социализме непосредственно общественным без каких-либо оговорок, в литературе широко представлена точка зрения, согласно которой непосредственно общественный труд — категория, имеющая особые черты при социализме в отличие от непосредственно общественного труда в условиях полного коммунизма. Такая трактовка представляется правомерной, хотя отличительные черты и особенности непосредственно общественного труда при полном коммунизме сейчас, на этапе развитого социализма, предвидеть трудно.

Представляется, что сущность непосредственно общественного характера труда должны выражать такие признаки, которые присущи ему на обеих фазах коммунистической общественно-экономической формации. И вместе с тем они должны вытекать из самого процесса труда как сознательной целесообразной деятельности людей, направленной на видоизменение и приспособление природы для удовлетворения своих потребностей. В этом определении труда как естественного условия жизни людей имеются основные элементы, из которых «вырастают» и специфические признаки. Прежде всего это деятельность не абстрактного индивида, не «Робинзона», а деятельность человека в обществе, т. е. деятельность, основанная на определенном способе соединения с вещественными факторами. И второй важнейший элемент определения труда — его целевая направленность. Поскольку труд представляет собой процесс взаимодействия человека с при-

родой, важное значение в системе многочисленных взаимосвязей, выражающих непосредственно общественный характер труда, имеют отношения, складывающиеся по поводу совершенствования личного фактора, его соответствия уровню и характеру развития средств производства. Преобразование средств труда влечет за собой коренное изменение всей совокупности средств производства, рабочей силы, следовательно, производительных сил в целом, а на их основе и экономических отношений. Эта сторона взаимосвязей, характеризующих непосредственно общественный труд при социализме, приобретает особо актуальное значение в условиях научно-технической революции. Поэтому категорию «непосредственно общественный труд в социалистическом (коммунистическом) обществе» можно в общих чертах определить как отношения по соединению с общественными средствами производства свободных от эксплуатации работников, совместно использующих эти средства с целью обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Значит, непосредственно общественный труд выражает отношения планомерно организованной в масштабе общества деятельности ассоциированных производителей, объединенных общей целью. Это характерно для труда в коммунистической общественно-экономической формации в целом.

Таким образом, при определении и раскрытии рассмотренных экономических категорий важно исходить из той методологической посылки, что характер труда выступает на уровне производственных отношений, а содержание труда присуще уровню производительных сил. Исходным является положение о том, что производительные силы и производственные отношения всегда находятся в диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности.

¹ Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 486. Последующие ссылки на это издание даются в тексте, в скобках. Первая цифра обозначает том, вторая (после запятой) — страницу.

² Козлова Г. П. Изменение содержания труда в связи с техническим прогрессом. — В кн.: Социальные проблемы труда и производства. Москва — Варшава, 1969, с. 304.

³ Там же.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 273.

⁵ Методологические вопросы политической экономии социализма. — Киев — Одесса, 1979, с. 35.

⁶ Пусенкова И. В. Непосредственно-общественный труд и необходимый продукт при социализме. — М., 1976, с. 48, 84.

В. В. ПУЗИКОВ, Е. Е. КЛЕМЕНТОВИЧ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВОДСТВА КАК НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОПТИМУМ

Одной из актуальных задач нашего народного хозяйства в одиннадцатой пятилетке является ускоренный перевод экономики на интенсивный путь развития¹. Это означает на практике резкое и значительное повышение социально-экономической эффективности процесса воспроизводства. В свою очередь решение многообразных проблем, связанных с повышением воспроизводственной эффективности, должно основываться на ее глубокой теоретической разработке. В целом «эффективность какого-либо процесса буквально означает его результативность, достигаемую на основе использования естественных условий, целесообразного и целенаправленного сочетания создающих эффект факторов»². Социально-экономическая эффективность связана с достижениями общественно полезного результата, с конечной целью, которую выражает основной экономический закон способа производства. Следовательно, эффективность процесса воспроизводства «нужно анализировать, исходя из его результативности, рассматриваемой с позиции высшей цели производства»³.

Повышение социально-экономической эффективности при социализме вытекает из коренных экономических интересов участников и сторон общественного производства, связано диалектически со всей системой экономических законов. По нашему мнению, социально-экономическая эффективность процесса воспроизводства не находит своего адекватного выраже-

ния в каком-либо особом производственном отношении, либо в отдельном законе эффективности, выделенном среди специфических экономических законов. Каждый фундаментальный экономический закон формации осуществляет функцию воздействия на качественную определенность, структурное построение, количественную меру и характер движения социально-экономической эффективности процесса воспроизводства.

В «Капитале» К. Маркса социально-экономическая эффективность, рассматриваемая в системе категорий капитализма (наиболее подробно — особые меры эффективности, экономия затрат на производство), раскрывается в связи с законом стоимости, законом прибавочной стоимости, с движением превращенных форм прибавочной стоимости, прибыли. Таким образом, по существу вся система категорий может быть интерпретирована как система критериев эффективности. При этом особую роль выполняет основной экономический закон, определяющий высший критерий воспроизводственной эффективности. «Постоянная цель капиталистического производства состоит в том, — писал К. Маркс, — чтобы при минимуме авансированного капитала произвести максимум прибавочной стоимости»⁴. При капитализме это и есть высшая цель социально-экономической эффективности, а рост производительности труда рассматривается как средство увеличения относительной прибавочной стоимости.

При социализме социально-экономическая эффективность процесса воспроизводства имеет иной высший критерий. «В соответствии с основным экономическим законом социализма должна повышаться степень удовлетворения необходимых личных и общественных потребностей, причем последние простираются не только на материальные, но и на духовные блага, услуги, свободное время, на весь комплекс условий жизни»⁵. Под категорией «социально-экономическая эффективность процесса воспроизводства» выстраивается, таким образом, ряд понятий, которые объединены общей завершенностью от особенностей данной системы экономических законов в целом и различаются между собой за счет выражения специфики содержания этих законов.

Социально-экономическая эффективность предполагает диалектическое единство социального и экономического, их взаимопроникновение и переплетение. В этом единстве высшая цель общественного производства и эффективность процесса воспроизводства уже не соотносятся как цель и средства достижения этой цели. Таким образом, социально-экономическая эффективность воплощает в себе как высшую цель социалистического общественного производства, так и средства ее достижения за счет получения максимального общественно полезного результата при данных совокупных действующих ресурсах производства или при данных затратах этих ресурсов. Некоторыми авторами оспаривается правомерность подобного понимания социально-экономической эффективности. Основным их доводом является то, что критерии эффективности процесса воспроизводства ищут не в общественном производстве, а в личном потреблении. Однако в данном случае имеется в виду другое, то, что производственные отношения социализма объективно полагают личное потребление трудящихся как высший экономический интерес, а потому и высший стимул роста и развития производства. Результат социалистического производства наиболее полно и последовательно выражает произведенная масса потребительных стоимостей, то, чем непосредственно удовлетворяются потребности общества и его членов⁶. Речь идет не об отдельных фазах процесса воспроизводства, а о его общественной форме.

Хотя целью социализма является создание экономических условий для всестороннего развития личности и наиболее полного удовлетворения общественных потребностей, однако удовлетворение производственных и личных потребностей не полностью совпадает с развитием экономических предпосылок становления нового человека. Поэтому экономический и социальный подходы к эффективности процесса воспроизводства не совсем идентичны. Экономическая эффективность позволяет «...основному производственному отношению и всей определяемой им системе экономических отношений непрерывно возобновляться, иными словами, реализовываться в ходе воспроизводства и через него благодаря непрерывному возобновлению материальных основ таких отношений»⁷. Однако воспроизводятся данные отношения лишь в той мере, в какой они отражены в существующей в данный момент системе экономических потребностей. Следовательно, экономическая эффективность — это результативность функционирования общественного производства безотносительно к структуре полученной массы по-

требительных стоимостей, т. е. это эффект, ориентированный на среднее удовлетворение потребностей общества. Вместе с тем различия между экономической и социальной эффективностью процесса воспроизводства носят относительный характер. Во-первых, повышение экономической эффективности приводит к спонтанному росту социальной. Однако повышение экономической эффективности без учета социальных факторов приводит в конечном счете к ее снижению. Например, чрезвычайно выгодно, из-за высокой рентабельности, производство вино-водочных и табачных изделий, но краткосрочный экономический эффект оборачивается затем крупными социальными и экономическими потерями. Или, в целях сохранения окружающей среды, которую большинство авторов относит к социальным факторам, создаются очистные сооружения, стоимость которых достигает 30—40% стоимости основных производственных фондов, что приводит к определенному, за счет повышения фондоемкости, падению экономической эффективности производства. Однако временные материальные потери (снижение экономической эффективности) компенсируются в будущем экономически и социально. Во-вторых, рост социальной эффективности возможен только на основе повышения эффективности экономической, так как в связи с увеличением и усложнением потребностей общества усложняется и их производство, ускоряется научно-технический прогресс и, как результат, растет экономическая эффективность. Кроме того, неоправданно высокие при данном уровне развития производительных сил расходы на социальные мероприятия, временно повышая социальную эффективность, сужают базу расширения общественного производства, ускорения научно-технического прогресса, т. е. роста экономической и социальной эффективности.

Важное значение для изучения категории «эффективность» имеют концептуальные основы ее измерения. Экономическая эффективность процесса воспроизводства, собственно, и есть эффективность живого и овеществленного труда. Из самой сущности экономической эффективности вытекает необходимость минимизации затрат труда, средств производства и природных ресурсов. Экономическая эффективность всегда есть соотношение эффекта (результата) производства к источникам, факторам, средствам его создания. Рост экономической эффективности, исходя из ее определения, заключается в сокращении затрат на единицу эффекта или в увеличении эффекта на прежнюю величину затрат. Следовательно, средством роста социально-экономической эффективности процесса воспроизводства является экономия прошлого и живого труда.

Всесторонний учет интересов народного хозяйства является основой определения социально-экономической эффективности процесса воспроизводства. На уровне хозрасчетного звена, например, основой подобного расчета является сочетание интересов предприятия и общества, которое обычно сводится к компромиссу, поэтому критерием хозрасчетной эффективности выступает прибыль. По нашему мнению, для расчета уровня воспроизводственной эффективности должен использоваться продукт, который полностью прошел фазу потребления (в форме производственного или личного потребления), а в знаменателе — затраты прошлого и живого труда. Такой подход позволяет представить социально-экономическую эффективность как народнохозяйственный оптимум, в котором полноценно и равновесно представлены все общественные, коллективные и личные интересы, учтено действие всех факторов, влияющих на повышение эффективности, а процесс воспроизводства является целостной и планомерно функционирующей системой. Полное удовлетворение потребностей общества в этих условиях возможно лишь на основе рационального использования всех вовлеченных в процесс производства ресурсов, исключения излишних затрат живого и овеществленного труда.

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 38.

² Бор М. З. Эффективность общественного производства и проблемы оптимального планирования.— М., 1972, с. 17.

³ Котов В. О категории эффективности социалистического производства.— Экономические науки, 1982, № 9, с. 81.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 26, ч. II, с. 608.

⁵ Котов В. О категории эффективности социалистического производства, с. 81.

⁶ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 26, ч. III, с. 118.

⁷ Механизм эффективности производства.— М., 1981, с. 19.

В. Н. ГОДУНОВ

СУЩНОСТЬ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ СРЕДСТВАМИ ПРОИЗВОДСТВА

XXVI съезд КПСС поставил задачу повысить роль и ответственность общегосударственной системы материально-технического снабжения за бесперебойное обеспечение народного хозяйства сырьем, материалами, оборудованием и запасными частями¹. Немаловажное значение в выполнении этой задачи принадлежит оптовой торговле средствами производства.

В экономической и правовой науке нет единого определения оптовой торговли средствами производства. Общим в подходе к определению оптовой торговли является признание ее планового характера, исходя из которого часть ученых стремится выделить и другие признаки. В качестве таких признаков называются бесфондовая (безлимитная) продажа продукции, либо продажа продукции по заказам потребителей². Бытует и «широкое» определение оптовой торговли средствами производства как процесса обращения этих средств, основанного на сочетании планового распределения продукции в народном хозяйстве и планового обмена между предприятиями путем купли-продажи с широким использованием товарно-денежных отношений³. Очевидно именно такое толкование позволяет некоторым авторам отнести к оптовой торговле и прямые длительные хозяйственные связи⁴. Многие ученые выступают против отнесения прямых длительных хозяйственных связей к оптовой торговле, утверждая, что оптовая торговля обязательно предполагает наличие посредника⁵, что прямые длительные связи выступают как способ планирования производства и распределения продукции, а не как форма оптовой торговли⁶.

Обратимся теперь к законодательству. В соответствии с Положением о поставках продукции порядок снабжения объединений, предприятий, учреждений и организаций продукцией путем оптовой торговли регулируется Положением об оптовой торговле продукцией производственно-технического назначения⁷. К сожалению, в последнем дано слишком общее определение оптовой торговли: «Оптовая торговля продукцией производственно-технического назначения является формой планового распределения материальных ресурсов, основанной на государственном плане развития народного хозяйства». Положение предусматривает две формы оптовой торговли средствами производства: в порядке прямых длительных хозяйственных связей и через территориальные снабженческо-сбытовые организации.

Прямые длительные хозяйственные связи организуются на основе планов прикрепления производственных объединений и предприятий-потребителей к производственным объединениям и предприятиям-изготовителям. В планах прикрепления указываются объемы поставки продукции, как правило, в групповом ассортименте на длительный период с разбивкой по годам. Все остальные условия поставки определяются в долгосрочных договорах, заключаемых сторонами в соответствии с планами прикрепления⁸. Развернутый ассортимент продукции и сроки ее поставки определяются заказами потребителей, согласованными с изготовителями. Порядок и сроки представления и согласования заказов устанавливаются в долгосрочных договорах.

Оптовая торговля через территориальные снабженческо-сбытовые организации имеет несколько разновидностей. Она осуществляется с баз, складов и магазинов и транзитом, как по лимитам, так и без лимитов. При оптовой торговле по лимитам потребители вправе требовать от снабженче-

ско-бытовой организации необходимые им материальные ресурсы в количестве, не превышающем лимит. Лимиты представляют собой односторонне-обязательные плановые акты. Они создают для потребителя лишь право на получение продукции, но он не несет ответственности за ее невыборку согласно лимиту.

При оптовой торговле без лимитов потребитель вправе получить от снабженческо-бытовой организации требуемое количество материальных ресурсов. Перечни продукции, реализуемой без лимитов, определяются территориальными органами материально-технического снабжения с учетом конкретных условий, складывающихся в планируемом году, а также данных союзглавснабов о сбалансированности ресурсов с потребностью.

Взаимоотношения между снабженческо-бытовыми организациями и производственными объединениями, предприятиями и другими основными потребителями оформляются долгосрочными договорами на организацию материально-технического снабжения, в которых отражаются обязательства сторон по реализации продукции в порядке оптовой торговли⁹. В рамках договора количество, ассортимент, качество и сроки поставки продукции определяются согласованными заказами. С остальными потребителями снабженческо-бытовые организации устанавливают договорные отношения на основе заказов. Общим для прямых длительных хозяйственных связей и оптовой торговли через территориальные снабженческо-бытовые организации является плановость обращения средств производства и реализации их непосредственно по заказам потребителей. В условиях социализма хозяйственные связи по реализации средств производства являются плановыми. При хозяйственных связях по реализации планово распределяемой продукции воздействие плана осуществляется прямо, непосредственно: в их основе лежит плановый акт распределения продукции. Хозяйственные связи по реализации не распределяемой в плановом порядке продукции формируются под влиянием планов производственно-хозяйственной деятельности контрагентов. Как в процессе прямых длительных хозяйственных связей, так и в оптовой торговле через территориальные снабженческо-бытовые организации продукция реализуется непосредственно по заказам потребителей. В первом случае заказы направляются производственным объединениям и предприятиям-изготовителям, во втором случае — снабженческо-бытовым организациям. В реализации продукции непосредственно по заказам потребителей состоит как раз одна из главных целей установления прямых длительных хозяйственных связей и организации оптовой торговли средствами производства. Однако между прямыми длительными хозяйственными связями и оптовой торговлей через территориальные снабженческо-бытовые организации имеются существенные различия.

Оптовая торговля через территориальные снабженческо-бытовые организации характеризуется бесфондовым распределением средств производства. Она освобождает потребителей от сложной системы заявок и фондов. При ней централизованное планирование сосредоточивается на оптимальном распределении средств производства по экономическим районам. Потребности производственных объединений, предприятий и организаций обеспечиваются непосредственно на местах территориальными органами материально-технического снабжения.

В противоположность оптовой торговле прямые длительные хозяйственные связи не выходят за рамки системы фондового распределения продукции, которая сложилась в нашей стране еще в 30-е годы. И вот почему. Поскольку планы прикрепления выдаются на длительный период, может возникнуть необходимость их уточнения. Такое уточнение производится органами материально-технического снабжения на основе планов распределения продукции на соответствующий год, т. е. на основе выделенных фондов. Кроме того, в условиях прямых длительных хозяйственных связей объемы поставок вследствие увеличения объемов производства имеют тенденцию к постоянному росту, превышая объемы поставок по плану прикрепления. Если удовлетворить дополнительную потребность от одного поставщика не представляется возможным, то на дополнительное количество производственных объединений и предприятия прикрепляются на поставку к другим поставщикам. Все это вынуждает сохранять заявки и фонды¹⁰.

На данном этапе прямые длительные хозяйственные связи содержат в себе лишь элемент отрицания принципа фондирования. Это выражается в том, что при прямых длительных хозяйственных связях в целях обеспечения непрерывности снабжения потребителям и изготовителям предоставляется право согласовывать объемы и ассортимент поставляемой продукции

на очередной год до утверждения планов производства и распределения продукции, исходя при этом из объема поставок по плану прикрепления.

В связи с изложенным довольно спорным является отнесение прямых длительных хозяйственных связей к оптовой торговле средствами производства. Ведь постепенная отмена заявок и фондов — это важнейшее и непрерывное условие перехода к оптовой торговле как гибкой форме материально-технического снабжения, отвечающей современному уровню экономического развития страны. Только через отмену системы фондирования можно «...подготовить постепенный переход к плановому распределению оборудования, материалов и полуфабрикатов путем оптовой торговли»¹¹. По мере развития производительных сил и совершенствования хозяйственного механизма прямые длительные хозяйственные связи будут претерпевать прогрессивные изменения. Соответственно в них будут усиливаться элементы отрицания принципа фондирования. В конечном итоге, с исчезновением системы фондового распределения продукции, прямые длительные хозяйственные связи станут формой оптовой торговли¹².

Таким образом, оптовой торговле средствами производства присущи три важнейших признака: плановость обращения, бесфондовое распределение, реализация непосредственно по заказам потребителей, — которые позволяют определить оптовую торговлю как процесс планового обращения средств производства на основе бесфондового распределения и реализации непосредственно по заказам потребителей.

На наш взгляд, Положение об оптовой торговле продукцией производственно-технического назначения нуждается в совершенствовании. Во-первых, из Положения необходимо исключить нормы о прямых длительных хозяйственных связях, поместив их в самостоятельные нормативные акты. Во-вторых, следует конкретизировать понятие оптовой торговли средствами производства, обязательно указав, что она основывается на бесфондовом распределении материальных ресурсов. В-третьих, нужно более развернуто охарактеризовать оптовую торговлю через территориальные снабженческо-сбытовые организации, в частности, предусмотреть порядок установления лимитов. В-четвертых, в Положении надобно отразить и другие формы оптовой торговли, когда приобретение средств производства не требует выделения фондов. Это реализация не распределяемой в плановом порядке продукции, ярмарочная и комиссионная торговля и т. д. Предлагаемые нами изменения и дополнения направлены на то, чтобы законодательство более эффективно способствовало постепенному переходу к плановому распределению средств производства путем оптовой торговли.

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981, с. 140.

² См.: Гатовский Л. М., Якоби А. А. План и товарное обращение в условиях развития оптовой торговли средствами производства. — Материально-техническое снабжение, 1970, № 1, с. 55; Дзюбик С. Товарное обращение средств производства в социалистическом обществе. — Экономические науки, 1975, № 3, с. 54; Экономическая энциклопедия. — М., 1975, т. 2, с. 417; Справочник по материально-техническому снабжению и сбыту. — М., 1974, с. 195.

³ См.: Экономика, организация и планирование материально-технического снабжения и сбыта. — М., 1980, с. 237.

⁴ См.: Баскин А. И. и др. Совершенствовать материально-техническое снабжение. — М., 1969, с. 56; Некоторые проблемы совершенствования материально-технического снабжения. — М., 1970, с. 11; Дрогичинский Н. Об оптовой торговле средствами производства. — Вопросы экономики, 1974, № 4, с. 28—29; Жалалов Ж. Совершенствование материально-технического снабжения. — Ташкент, 1979, с. 181; Шиндер Е. М. Прогрессивные формы и методы материально-технического снабжения. — Киев, 1979, с. 33.

⁵ См.: Ковалерчук Я. Н. Некоторые аспекты теории хозяйственных связей и их совершенствования. — Ташкентский ин-т народного хозяйства: Научные записки. Вып. 38. Ташкент, 1972, с. 35.

⁶ См.: Нежинская Л. Совершенствование механизма прямых длительных связей. — Экономика Советской Украины, 1976, № 2, с. 4.

⁷ См.: Сборник нормативных актов по материально-техническому снабжению. — М., 1976. Часть 2, с. 139—142.

⁸ См.: Там же, с. 130—139.

⁹ См.: Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР, 1982, № 8, с. 39—46.

¹⁰ См.: Засухин А. Т. Реализация средств производства. — М., 1972, с. 11—13.

¹¹ Материалы XXIII съезда КПСС. — М., 1966, с. 232.

¹² См.: Кан П. А. Развитие прямых связей в области материально-технического снабжения: Предприятие в системе экономических отношений социализма. — Л., 1969, с. 153.

Нашы юбіляры

ИГОРЬ ВАЦЛАВОВИЧ ОРЖЕХОВСКИЙ

(К 50-летию со дня рождения)

Игорь Вацлавович постоянно ищет формы и методы совершенствования учебно-воспитательного процесса, заботится о поддержании в коллективе доброжелательности, полной увлеченности делом, повышении научной квалификации преподавателей кафедры.

Преподавательской деятельности И. В. Оржеховского свойственны партийная страстность, высокий теоретический уровень, оригинальность постановки и освещения исторических проблем, глубина выводов и обобщений, эмоциональность, публицистичность и полемический задор. Его лекции по общему курсу истории СССР XIX века и специальным курсам вызывают огромный интерес у студентов.

Научные интересы И. В. Оржеховского сосредоточиваются на исследовании больших и сложных проблем отечественной истории: внутренняя политика царизма, развитие общественно-политической мысли и революционного движения в России XIX века. Главные биографические вехи ученого—его труды. И. В. Оржеховским опубликовано сорок работ и статей, среди которых большую научную ценность представляют монографии: «Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866—1878 гг.)», «Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70-х годах XIX в.» и «Самодержавие против революционной России». Написанные с правильных методологических позиций, на высоком теоретическом уровне, научно-объективные, насыщенные богатым материалом, впервые вводимым их автором в научный оборот, они обогатили советскую историческую науку. Много внимания уделяет И. В. Оржеховский подготовке научной смены. Пять преподавателей его кафедры защитили кандидатские диссертации.

Доктор наук, член КПСС с 30-летним стажем, профессор И. В. Оржеховский активно участвует в общественной деятельности. Он председатель научно-методической комиссии Инстафа, заместитель председателя секции истории научно-технического совета Минвуза БССР, член проблемного совета «История Белоруссии» Института истории АН БССР.

Личное обаяние, уважительное отношение к людям, увлеченность, простота, общительность и радующие характеризуют И. В. Оржеховского как человека. Пожелаем же юбиляру счастливых творческих замыслов и свершений. Новых достижений в обучении и воспитании историков, в разработке актуальных проблем советской исторической науки.

М. П. Баранова

КИРИЛЛ КОНОНОВИЧ ГЕРМАН (К 70-летию со дня рождения)

Исполнилось 70 лет со дня рождения и 50 лет научно-педагогической и общественной деятельности доктора исторических наук, профессора БГУ имени В. И. Ленина Кирилла Кононовича Германа. Родился он в деревне Городище Глусского района Могилевской области в семье крестьянина-бедняка. Трудовую жизнь начал учителем, затем работал завучем, директором неполной средней школы. В 1935 году поступил на исторический факультет Белорусского государственного университета, по окончании которого в 1940 году призван в ряды Советской Армии, где находился до победоносного завершения Великой Отечественной войны.

В течение двенадцати послевоенных лет К. К. Герман работал начальником вечернего университета марксизма-ленинизма и преподавателем истории КПСС в Белорусском Военном Округе, затем преподавателем истории КПСС Минского художественного училища. В июне 1962 года избран по конкурсу преподавателем истории КПСС БГУ имени В. И. Ленина. В 1964 году успешно

защитил кандидатскую, а в 1972—докторскую диссертации. В ноябре 1975 года ему было присвоено ученое звание профессора.

Высококвалифицированный педагог высшей школы К. К. Герман внес значительный вклад в подготовку кадров не только для нашей республики. С 1964 по 1976 год он являлся деканом по обучению иностранных студентов, аспирантов и стажеров.

Активно и плодотворно занимается К. К. Герман научно-исследовательской работой. Им опубликованы книги: «Ведущая роль рабочего класса в создании колхозного строя в Белоруссии», «Роль рабочего класса в победе колхозного строя в Белоруссии», «Двадцатипятилетиями Белоруссии», «Рабочий класс БССР—колхозной деревни». По этим же вопросам он опубликовал ряд статей. К. К. Герман является одним из авторов учебного пособия «Курс лекций по истории КПСС». Подготовил и сдал в печать монографию «Критика буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны и Великой Отечественной войны Советского Союза».

К. К. Герман активно участвует в общественной жизни, является членом ученого совета по общественным наукам, членом специализированного совета по защита диссертаций Белгосуниверситета имени В. И. Ленина, членом ученого совета по защита диссертаций в Институте истории партии при ЦК КПБ, членом правления Белорусского отделения общества советско-вьетнамской дружбы, членом секции истории КПСС научно-технического Совета при Министерстве высшего и среднего специального образования БССР, неоднократно избирался членом партийного бюро физического факультета и деканата по обучению иностранных студентов. Он активно выступает с лекциями и докладами перед трудящимися республики.

За боевые заслуги в период Великой Отечественной войны К. К. Герман награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Праги». За успехи в развитии высшего образования и науки, подготовке и воспитании специалистов для народного хозяйства награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР, почетными грамотами Минвуза СССР и БССР.

Коллектив кафедры истории КПСС естественных факультетов БГУ имени В. И. Ленина, ученики и коллеги Кирилла Кононовича Германа сердечно поздравляют его с 70-летием и желают доброго здоровья, счастья, творческих успехов.

Т. И. Притыцкая, И. Д. Стадуб